

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Саратовская государственная юридическая академия»**

На правах рукописи

Найбойченко Владимир Владимирович

**ВИНА В УМЫШЛЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ
(ЗАКОН, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА)**

12.00.08 – уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

**Научный руководитель –
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации
Разгильдиев Бяшир Тагирович**

Саратов – 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава I. ВИНА В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ: ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ	24
§ 1. Философская основа уголовно-правовых воззрений на вину в преступлениях	24
§ 2. Дискуссия о понятии вины в российской уголовно-правовой науке	46
Глава II. ВИНА В УМЫШЛЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ: РОССИЙСКОЕ УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ТЕОРИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ	65
§ 1. Становление и эволюция понятия вины в умышленных преступлениях в российском уголовном законодательстве и уголовно-правовой теории до советского периода	65
§ 2. Нормативно-правовое и доктринальное понимание вины в умышленных преступлениях в советский период развития российского уголовного права	96
Глава III. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ТРАКТОВКИ ВИНЫ В УМЫШЛЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ	114
§ 1. Зарубежный законодательный и научный опыт толкования вины в умышленных преступлениях	114
§ 2. Компаративистский аспект трактовки умысла в уголовном законодательстве России и отдельных зарубежных стран	144
Глава IV. ВИНА В УМЫШЛЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА: ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ, ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ	155

§ 1. Вина (виновность) в умышленных преступлениях: законодательный и теоретический аспекты проблемы	155
§ 2. Правоприменительный опыт интерпретации вины в умышленных преступлениях (проблемы и пути решения)	176
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	187
СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	200
ПРИЛОЖЕНИЯ	231

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В период бурной модернизации уголовного законодательства и активного обсуждения необходимости принятия нового Уголовного кодекса Российской Федерации важно еще раз переосмыслить систему его концептуальных основ.

Не преувеличивая, можно сказать, что учение о вине — основа основ не только уголовного законодательства, но и правоприменительной практики. Его современное состояние характеризуется плюрализмом концепций вины (психологическая, оценочная, психолого-оценочная и др.), продолжающимися дискуссиями по этой проблеме и толерантным отношением ученых к поиску нового. Нормативно-правовая история и накопленные поколениями ученых знания в данной области позволяют судить о возможности развития уголовного законодательства в нескольких направлениях. Поэтому важно не ошибиться в его выборе. Выбрать правильный вектор позволит научная полемика.

Значимое место в системе знаний о вине занимает вина умышленная, которую можно рассматривать как ее подсистему. Единодушие российских ученых в трактовке умышленной вины (исключительно с точки зрения психологической концепции), когда об общем понятии вины ведутся дебаты, вызывает массу вопросов. В научной дискуссии нецелесообразно замыкаться в рамках общего понятия вины, а также ограничиваться каким-то одним позиционированием вины умышленной. В связи с этим возникает объективно оправданная научно-прикладная потребность рассмотрения умышленной вины через призму психолого-оценочной концепции, потребность в новой постановке вопроса об умышленной вине — как о вине в умышленном преступлении.

Стабильно высокий уровень в структуре преступности России таких умышленных преступлений, как убийство, изнасилование, разбой, грабеж, кража и др. (по данным МВД, в январе — декабре 2014 г. на территории России зарегистрировано 2190578 преступлений, из них 393009 — преступления против личности (в их числе 11933 убийств и покушений на убийства), 1258305 —

против собственности (в том числе 908901 краж); в январе — декабре 2015 г. аналогичные показатели были следующими: 2388476; 409559 (11496); 1397391 (1018451)¹), стимулирует научный поиск его причин, из которых нельзя исключать состояние уголовного закона и уголовно-правовой теории.

Необходим научный поиск ответа на вопрос о том, нет ли искусственного, не отвечающего интеллектуально-волевым качествам человека, расширения сферы уголовно-правовой оценки деяний как умышленных преступлений.

Подтверждением злободневности данного аспекта проблемы умышленных преступлений служит Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности»².

В Пояснительной записке к проекту данного закона отмечается, что в 2014 г. из 719305 лиц общего числа осужденных 330898 лиц были признаны виновными и осуждены за преступления небольшой тяжести (к ним относятся и ряд умышленных преступлений), причем как сами деяния, так и лица, их совершившие, не обладают достаточной степенью общественной опасности, соответственно, негативные последствия от судимости в таких случаях не вполне адекватны этой опасности³.

В целях комплексного изучения института вины в умышленных преступлениях объективно оправдано рассмотрение философских основ уголовно-правового института вины в умышленных преступлениях, его генезиса и дальнейшей эволюции. Взгляд на умышленную вину с точки зрения, выходящей за категорию «преступление», расширит научные знания в данной сфере. В связи с интеграцией России в мировое сообщество целесообразно представить зару-

---

¹ См.: Состояние преступности в России за январь — декабрь 2014 года [Электронный ресурс]. URL: https://mvd.ru/upload/site1/document_file/pxOrdPt4BF.pdf (дата обращения: 10.02.2015); Состояние преступности в России за январь — декабрь 2015 года [Электронный ресурс]. URL: https://mvd.ru/upload/site1/document_file/sb_1512.pdf (дата обращения: 04.02.2016).

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 27, ч. II, ст. 4256.

³ См.: Сайт Верховного Суда Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vsrfl.ru/>; <http://supcourt.ru/second.php> (дата обращения: 02.08.2015).

бежный опыт данного феномена для критического осмысления и возможного учета его положительных начал российским законодателем. Не случайно в проекте Концепции уголовно-правовой политики Российской Федерации одной из ее задач названо развитие основ и механизмов гармонизации и унификации уголовного законодательства в рамках международного сотрудничества Российской Федерации с иными государствами¹.

Важно выявить особенности реализации уголовно-правовых норм об умышленной вине в правоприменительной практике и попытаться сократить дистанцию между теорией и правоприменением посредством создания теоретических концепций, учитывающих реалии практики применения уголовного закона. Требуют совершенствования и уголовно-правовые нормы об умышленной вине и умышленных преступлениях.

Вышеизложенное подтверждает актуальность темы диссертации и своевременность нового комплексного исследования вины в умышленных преступлениях.

Степень теоретической разработанности проблемы. С момента возникновения отечественной науки уголовного права проблема умышленной вины всегда находилась в центре внимания исследователей. Ей посвящены научные труды известных теоретиков досоветского периода, среди них: С.И. Баршев, А.Ф. Бернер, М.Ф. Владимирский-Буданов, Д.А. Дриль, В.В. Есипов, П.Д. Калмыков, А.Д. Киселев, А.Ф. Кистяковский, Г.Е. Колоколов, Н.А. Нелюдов, И. Нейман, С.В. Познышев, П.П. Пусторослев, А.К. фон Резон, Н.К. Ренненкампф, Росси, Н.Д. Сергеевский, Г.И. Солнцев, В.Д. Спасович, Н.С. Таганцев, Г.С. Фельдштейн, И.Я. Фойницкий и др. В советский период ей уделяли внимание такие ученые, как: П.С. Дагель, Ю.А. Демидов, Г.А. Злобин, Д.П. Котов, В.Г. Макашвили, Б.С. Маньковский, А.Г. Микадзе, Б.С. Никифоров, С.В. Познышев, А.А. Пионтковский, А.И. Рарог, Т.Л. Сергеева, К.Ф. Тихонов, М.Г. Угрехелидзе, Б.С. Утевский, Б. Хорнабуджели и др. В современный

---

¹ См.: Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации (проект) // Сайт Общественной палаты Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oprf.ru/discussions/newsitem/17889?offset=1> (дата обращения: 02.08.2015).

период развития уголовно-правовой доктрины к проблеме умышленной вины проявляют научный интерес Е.В. Благов, Ю.И. Бытко, С.В. Векленко, Г.В. Верина, Д.А. Гарбатович, А.В. Гребенюк, С.В. Дубовиченко, В.В. Лунеев, Р.И. Михеев, Г.В. Назаренко, А.В. Наумов, Т.Б. Недопекина, В.А. Нерсесян, И.В. Паньков, Д.П. Потапов, Б.Т. Разгильдиев, А.И. Рарог, С.В. Скляр, Д.А. Чанышев, А.Ю. Ширяев, В.Ф. Щепельков, В.А. Якушин и др.

Научные труды названных и ряда других ученых внесли неоценимый вклад в развитие учения о вине. Вместе с тем следует заметить, что в трудах вышеозначенных ученых умышленная вина, как правило, рассматривалась в контексте других, более общих или смежных, проблем — субъективной стороны преступления, вины, субъективного вменения, вменяемости, основания уголовной ответственности, дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности, мотивации преступного поведения и т.д.

С другой стороны, теория уголовного права уделяла внимание сугубо частным вопросам умышленной вины: детальный анализ интеллектуальных компонентов прямого и косвенного умыслов представлен в диссертации С.В. Дубовиченко на соискание ученой степени кандидата юридических наук (Казань, 2007); А.Ю. Ширяевым на уровне кандидатской диссертации исследовалось предметное содержание вины в преступлениях с формальным составом (Екатеринбург, 2013).

Однако в период действия Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. (далее — УК РФ) комплексному монографическому исследованию умышленной вины посвящено крайне мало работ. Следует назвать диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук И.В. Панькова «Умышленная вина по российскому уголовному праву: теоретический и нормативный аспекты» (СПб., 2010), внесшую солидный вклад в разработку данной проблемы. В указанной работе объектом исследования выступала умышленная вина как уголовно-правовое явление с точки зрения особенностей теоретического понимания и нормативного регулирования, рассматриваемая под углом зрения психологической концепции вины.

С учетом изложенного представляет научный интерес познание умышленной вины с точки зрения концепции психолого-оценочной. До настоящего времени в теории российского уголовного права данная проблема под таким углом зрения на монографическом уровне не изучалась.

Сказанное свидетельствует о назревшей объективной необходимости изучения новых граней проблемы вины и комплексного монографического исследования вины в умышленных преступлениях.

Объект и предмет диссертационного исследования. Объектом исследования выступает феномен вины в умышленных преступлениях, рассматриваемый в качестве составляющей системы знаний о вине в преступлениях.

Предмет исследования: российское уголовное законодательство в его историческом развитии, зарубежное уголовное законодательство, накопленная поколениями ученых система знаний о вине в целом и умышленной вине, в частности, материалы судебно-следственной практики, данные официальной статистики и результаты экспертного опроса.

Цель и задачи исследования. Целью настоящего диссертационного исследования является создание авторской теоретической модели института вины в умышленных преступлениях.

Названная цель обусловила необходимость постановки и решения следующих задач:

- выявить философские основы уголовно-правовых знаний о вине и вине в умышленных преступлениях;
- изучить и критически оценить существующие в российской уголовно-правовой доктрине концепции вины;
- сформировать авторское воззрение на понятие вины в преступлениях;
- дать авторскую дефиницию вины;
- осуществить поиск генезиса института вины в умышленных преступлениях;
- проследить эволюцию института вины в умышленных преступлениях посредством изучения и анализа памятников права и научного наследия;

– изучить зарубежный опыт трактовки умышленной вины и выявить его позитивные черты в целях определения перспектив его использования в России;

– обобщить теоретические положения юридической науки и правоприменительной практики, способствующие формированию системы воззрений о вине в умышленных преступлениях;

– уточнить понятия видов умысла;

– разработать рекомендации по совершенствованию российского уголовного законодательства и правоприменительной практики в контексте феномена вины в умышленных преступлениях.

Методологическую основу диссертационного исследования составляют система философских воззрений на познаваемость явлений и процесс познания, а также комплекс общенаучных и частно-научных методов исследования: индукция и дедукция, анализ и синтез, формально-логический, логико-семантический, формально-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой, системно-структурный, конкретно-социологический, статистический и др.

Нормативно-правовая база диссертации. Научный труд основан на Конституции Российской Федерации 1993 г. и Уголовном кодексе Российской Федерации 1996 г. Для его создания привлечены 34 памятника российского права досоветского и советского периодов (от Русской Правды до УК РСФСР 1960 г.). В целях сравнительно-правового исследования интересующей проблемы изучено уголовное законодательство ряда зарубежных стран, входящих в различные правовые системы: романо-германскую (Германия, Франция, Испания, Италия, Австрия, Бельгия, Дания, Болгария, Польша, Аргентина), общую (Англия, Соединенные Штаты Америки, Австралия), право стран Дальнего Востока (Китайская Народная Республика, Япония, Республика Корея) и право стран Балтии и стран-участниц Содружества Независимых Государств (Латвийская, Литовская и Эстонская Республики; Республики Беларусь, Казахстан,

Таджикистан, Узбекистан, Молдова; Азербайджанская Республика, Грузия, Украина).

Теоретической основой диссертационного труда служат:

– труды философов периодов от античности до Нового времени (Гераклит, Демокрит, Протагор, Сократ, Платон, Аристотель, Эпикур, Аврелий Августин, Фома Аквинский, Никколо Макиавелли, Иммануил Кант, Г.В.Ф. Гегель, Жан Поль Сартр, Артур Шопенгауэр, Фридрих Ницше, И.А. Ильин и др.) и современного периода (В.Г. Горбачев, Ф.А. Крахоткин, Н.С. Нарский, И.Д. Невважай, В.С. Нерсисянц, Н.Ф. Третьяков и др.);

– творческое наследие отечественных правоведов XIX – начала XX столетий (С.И. Баршев, А.Ф. Бернер, М.Ф. Владимирский-Буданов, Д.А. Дриль, В.В. Есипов, П.Д. Калмыков, А.Д. Киселев, А.Ф. Кистяковский, Г.Е. Колоколов, М. Косвен, И. Нейман, Н.А. Неклюдов, П.П. Пусторослев, А.К. фон Резон, Н.К. Ренненкампф, Росси, Н.Д. Сергеевский, Г.И. Солнцев, В.Д. Спасович, Н.С. Таганцев, Г. Тард, Г.С. Фельдштейн, И.Я. Фойницкий и др.);

– научные труды советских и зарубежных специалистов в области уголовного права (П.С. Дагель, Ю.А. Демидов, Г.А. Злобин, Д.П. Котов, И. Лекшас, В.Г. Макашвили, Б.С. Маньковский, А.Г. Микадзе, Б.С. Никифоров, С.В. Познышев, А.А. Пионтковский, А.И. Рарог, Т.Л. Сергеева, К.Ф. Тихонов, М.Г. Угрехелидзе, Б.С. Утевский, Б. Хорнабуджели и др.);

– научные труды российских и зарубежных специалистов в области уголовного права, изданные в постсоветский период (Е.В. Благов, Ю.И. Бытко, С.В. Векленко, Г.В. Верина, Д.А. Гарбатович, Р.Р. Галиакбаров, А.В. Гребенюк, С.В. Дубовиченко, В.В. Лунеев, А.И. Марцев, Р.И. Михеев, Г.В. Назаренко, А.В. Наумов, Т.Б. Недопекина, В.А. Нерсисян, И.В. Паньков, Д.П. Потапов, Б.Т. Разгильдиев, А.И. Рарог, С.В. Складов, Дж. Флетчер, Д.А. Чанышев, А.Ю. Ширяев, В.Ф. Щепельков, В.А. Якушин и др.);

– научные труды российских и зарубежных специалистов в области сравнительного правоведения (А.Г. Блинов, Л. Вельцель, Ю.А. Голик, Р. Давид, А.Э. Жалинский, К. Жоффре-Спинози, А.Г. Кибальник, Т.М. Клюканова,

А.И. Коробеев, Н.Е. Крылова, Н.Ф. Кузнецова, А.А. Малиновский, Н.П. Мелешко, Н.А. Морозов, А. Рерихт, Е.Г. Тарло и др.).

Эмпирической базой диссертации являются данные, полученные в результате выборочного изучения и обобщения опубликованных и архивных материалов 217 уголовных дел о преступлениях против личности и преступлениях против собственности, рассмотренных судами Амурской, Брянской, Воронежской, Курганской, Московской, Саратовской и Свердловской областей, Республик Башкортостан, Бурятия, Мордовия за период с 2005 по 2015 гг., данные официальной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, сведения Главного информационно-аналитического центра МВД РФ за 2013 – 2015 гг.), постановления Пленума Верховного Суда РФ по вопросам толкования отдельных уголовно-правовых норм об умышленных преступлениях.

Теоретические выводы и практические предложения базируются также на результатах экспертного опроса 33 ученых-юристов, 35 практических работников (следователей, прокуроров, судей) и 62 студентов высших учебных заведений Саратовской области, обучающихся по специальности «Юриспруденция».

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что его автором проведено первое комплексное монографическое исследование проблемы вины в умышленных преступлениях с точки зрения психолого-оценочной концепции вины и разработана теоретическая модель института вины в умышленных преступлениях на базе системно-комплексного сочетания философских основ данного феномена, эволюции отечественного законодательства и научной юридической мысли, зарубежного опыта и правоприменительной практики, а также в самой постановке проблемы под новым углом зрения (в диссертации речь идет не об умышленной вине, а о вине в умышленных преступлениях) и путях ее решения, новом концептуальном подходе к трактовке вины.

Авторские дефиниции прямого и косвенного умыслов имеют своей целью не только развитие теоретических представлений о данных видах вины, но и

ориентированы на сокращение дистанции между теорией и правоприменительной практикой.

Более детально научная новизна диссертационного исследования находит свое отражение в основных **положениях, вынесенных на публичную защиту:**

1. Философские категории и понятия «воля», «намерение», «стремление», «страсть», «внезапные, произвольные и преднамеренные действия», «упречное» и «безупречное» поведение, «злоумышление» могут экстраполироваться на уголовно-правовую систему знаний о вине и вине в умышленных преступлениях.

2. Этапы эволюции института вины в умышленных преступлениях: досоветский, советский и постсоветский. Досоветская эпоха развития института вины в умышленных преступлениях включает три периода: 1) период Русской Правды, 2) период Московского государства и 3) период Империи.

3. Особенности и тенденции исторического развития института вины в умышленных преступлениях в досоветскую эпоху на законодательном уровне:

а) зачатки понимания умысла и умышленной вины формируются в период мести и частных композиций (период Русской Правды), несмотря на господство в древнерусском праве объективного вменения. Понятие вины использовалось в двух аспектах: 1) наказания и 2) вины в поступке (Пространная редакция Устава князя Ярослава о церковных судах). Таким образом, генезис института вины в умышленных преступлениях можно датировать XI веком;

б) субъективные признаки преступления, его психологическое содержание находили отражение в законодательной базе русского уголовного права периода развития Московского государства, подтверждается терминологией «внутренняя оценка нравственной испорченности», «кто учнетъ мыслить», «умысел несвободного человека» и др. Особую значимость представляет Соборное Уложение 1649 г., в котором законодатель различал простой и злой умыслы. Таким образом, в данном памятнике права институт вины в умышленных преступлениях получил более совершенное юридическое оформление;

в) наибольший расцвет институт умышленной вины получил в период Российской империи, что обусловлено уровнем развития уголовного права и в целом самого государства.

4. Особенности и тенденции исторического развития института вины в умышленных преступлениях в досоветскую эпоху на доктринальном уровне:

а) авторы научных трудов начала XIX в. выделяли неумышленные и умышленные преступления, преступления, учиненные с намерением и без такового (И. Нейман, Г.И. Солнцев);

б) в 1840-е годы развития уголовно-правовой мысли умысел определялся как форма внешнего проявления преступления (С.И. Баршев);

в) в 50-е гг. XIX столетия наблюдался постепенный, хотя достаточно болезненный, отход от понимания умысла как частного случая внешнего проявления преступления (воззрения В.Д. Спасовича);

г) в уголовном праве в 60-е гг. XIX в. умысел рассматривался под углом зрения степени глубины и решимости преступной воли (А.Ф. Бернер, П.Д. Калмыков);

д) в 80-е – 90-е гг. XIX в. (преддверие и период действия Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г.) в научных трудах (А.Ф. Кистяковский, В.В. Есипов) прослеживалась корреляционная связь между умышленной виной и прямым умыслом;

е) сформировавшаяся в начале XX столетия система знаний о вине включала следующие постулаты:

– понятие умышленной вины охватывает внутреннее состояние личности (А.Д. Киселев);

– преступление в субъективном отношении есть деятельность психического свойства (Г.С. Фельдштейн);

– вина есть не только виновность физическая, но и виновность психическая, означающая наличность умысла или неосторожности (Н.С. Таганцев);

– вина представляет собой не только внутренние процессы, происходящие в самом деятеле преступления, но и проявление этих внутренних процессов во вне, в деятельности человека (Д.А. Дриль);

– умысел рассматривался как одно из проявлений вины;

ж) одна из примечательных черт уголовно-правовой теории вины досоветского периода — выделение понятия «злой умысел», которое своими корнями уходит в философские воззрения (например, Г.Е. Колоколов).

5. Советский период развития института вины и вины в умышленных преступлениях имел следующие характерные черты:

а) в первых декретах советской власти (от 14 ноября 1917 г. «Положение о рабочем контроле», от 8 мая 1918 г. «О взяточничестве», от 22 июля 1918 г. «О спекуляции» и др.) вина рассматривалась как одна из важнейших уголовно-правовых категорий.

Словосочетание декретов «виновные в ...» (далее шло описание преступления) имеет преимущества следующего характера: во-первых, вина — важнейшее условие уголовной ответственности; во-вторых, наказывается физическое виновное лицо, а не преступление; в-третьих, есть основание рассматривать его как предтечу принципа вины;

б) в первые годы существования советского права была востребована оценочная теория вины, решение вопроса о вине основывалось на внутренней оценке судом совокупности обстоятельств по уголовному делу. Данные идеи были заложены в Положении о полковых судах (декрет СНК от 10 июля 1919 г.), продолжало также сохраняться влияние законодательства и научных воззрений досоветского периода уголовного права России;

в) в Руководящих началах по уголовному праву (Постановление НКЮ от 12 декабря 1919 г.) присутствовало косвенное указание на формы вины: при определении меры наказания в каждом отдельном случае рекомендовалось различать, совершено ли деяние в сознании причиненного вреда или по невежеству и неосознанности, обнаружено ли совершающим деяние заранее обдуман-

ное намерение, совершено ли деяние в состоянии запальчивости (пункты «в» и «з» ст. 12);

г) понятие вины, начиная с 1919 г., поступательно выхолащивалось из российского закона. В нормативно-правовых актах (Постановление НКЗдрава и НКЮ от 18 ноября 1920 г. «Об охране здоровья женщины» и др.) наряду с термином «кто» использовался термин «виновный». Употребление термина «кто» вместо термина «виновный» — свидетельство отступления от принципа вины, хотя вполне оправдано с позиции персональной ответственности.

В теории данного периода пропагандировалась мысль о том, что умысел и неосторожность не могут быть связаны с понятием вины в советском социалистическом уголовном праве (А.А. Пионтковский);

д) в период Великой Отечественной войны (1941 — 1945 гг.) понятие «виновный» было востребовано законодателем (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 мая 1943 г. «Об ответственности за незаконное награждение орденами и медалями СССР и нагрудными знаками, за присвоение орденов, медалей и нагрудных знаков и передачу их награжденными лицами другим лицам»);

е) в уголовно-правовой литературе послевоенных лет вина рассматривалась не только в качестве умысла или неосторожности, но и субъективного основания уголовной ответственности (Т.Л. Сергеева);

ж) в период действия УК РСФСР 1960 г. понятие умышленной вины формировалось и развивалось в системе воззрений на вину как психического отношения лица к совершаемому им общественно опасному деянию и его общественно опасным последствиям (П.С. Дагель, Ю.А. Демидов, Г.А. Злобин, А.И. Рарог и др.);

з) венцом советского нормотворчества явились Основы уголовного законодательства Союза ССР и республик 1991 г., закрепившие деление умысла на прямой и косвенный, самостоятельные дефиниции преступлений, совершенных с прямым или косвенным умыслом.

6. Зарубежный опыт (с учетом различных правовых систем) трактовки вины в умышленных преступлениях имеет следующие особенности:

а) *романо-германская (континентально-европейская) правовая система:*

– лаконичность уголовного законодательства в вопросе регламентации вины в умышленных преступлениях: умысел называется, но не раскрывается (ФРГ, Австрия, Франция, Испания, Италия, Дания и др.);

– видами умысла законодательство и теория признают: преднамеренность, предумышленность, при которых доминирует воля; прямой умысел, при котором доминирует знание, и косвенный (эвентуальный) умысел (ФРГ); умысел, намеренность и осознанность (Австрия); прямой умысел и степени вины в умышленном преступлении: 1) предумышленность; 2) умысел, возникший в результате провокации; 3) неопределенный умысел; 4) претеринтенционный умысел и 5) косвенный умысел (Франция); прямой умысел, намерение и претеринтенционный умысел (Италия);

– в уголовном законодательстве Бельгии вопрос о вине и ее проявлениях преломляется через призму ответственности физического лица в рамках ответственности лица юридического, назначения наказания по совокупности преступлений и через призму конкретных составов преступлений. Видами умышленной вины признаются «преступное намерение» и осознанность;

– бывшие социалистические европейские страны (Республика Болгария, Республика Польша) сохранили в своем уголовном законодательстве влияние советского уголовного права;

б) для *общего права (англосаксонской правовой системы)* характерны:

– многоаспектность понятия вины «mens rea»: аморальный мотив, порочная воля, злой разум и т.п.;

– аналогом умысла являются понятия «намерение» (intent) (Англия, США) и «осознанность» («заведомость») (США, Австралия);

в) *право стран Дальнего Востока:*

– для правовой регламентации умысла странами Дальнего Востока характерно как наличие (КНР), так и отсутствие понятий или определений умысла в уголовном законодательстве (Республика Корея, Япония);

– в китайской законодательной дефиниции умысла (ст. 14 УК КНР) присутствуют и интеллектуальный, и волевой компоненты вины; на первый план выдвинуто сознание общественно опасного характера деяния; указание на предвидение общественно опасного последствия отсутствует;

– уголовное законодательство Республики Корея использует термин «умышленно» без разъяснения его сущности; понятие «умысел» для него не характерно;

– в уголовном законодательстве Японии используется понятие «умысел», но не раскрывается;

г) *правовая система стран-участниц Содружества Независимых Государств и Балтии:*

– в уголовном законодательстве стран-участниц СНГ и Балтии сохранены традиции советской школы уголовного права; определения прямого и косвенного умыслов мало, чем отличаются от оных в российском законодательстве и российской теории вины советского и современного периодов;

– в уголовном законодательстве даны дефиниции вины с точки зрения психологической концепции (Латвия, Белоруссия и Украина). Нормотворческий опыт дефинирования вины представляется позитивным;

– характерен дифференцированный подход к определению прямого и косвенного умыслов с учетом конструкции состава преступления (формальный или материальный), из которого следует вывод о невозможности косвенного умысла в формальных составах преступлений (УК Литовской Республики, УК Республики Беларусь);

– специфика законодательного определения видов умысла в отдельных странах заключается в использовании понятий «противоправность» (УК Грузии) и «вредоносность» (УК Республики Молдовы).

В Уголовном кодексе Эстонской Республики (ст. 8) в формулировках прямого и косвенного умыслов присутствует некая «размытость»: 1) указывая на осознание характера и значения действия (бездействия), законодатель не уточняет их свойств — общественную опасность, вредоносность и т.д.; 2) весьма обтекаемо законодатель говорит о качественной характеристике предвиденных последствий, используя термин «определенные».

7. Развитие учения о вине в российской уголовно-правовой науке происходило через трактовку вины как одной из составляющей преступного деяния, важнейшего понятия уголовного права, от отождествления данного понятия с субъективной стороной преступления к признанию вины явлением внешнего мира, причинной связью, отказу от вины как субъективного признака преступления, через бурные дискуссии о сущности вины и ее назначении вновь к пониманию вины как важнейшего признака субъективной стороны преступления.

8. Основные тенденции современного этапа развития учения о вине в России:

- а) учение о вине развивается по эволюционному пути;
- б) в российской уголовно-правовой науке наблюдается плюрализм мнений ученых по данной проблеме: наряду с психологической теорией вины востребованы оценочная и психолого-оценочная концепции;
- в) продолжается дискуссия сторонников психологической и оценочной концепций вины;
- г) ученые предпринимают серьезные шаги по сближению различных взглядов на понятие вины;
- д) психологическая концепция вины продолжает сохранять доминирующие позиции;
- е) теоретики уголовного права предлагают наполнить содержание вины нравственным аспектом;
- ж) понятие вины отдельными учеными рассматривается во взаимосвязи с категорией «справедливость».

9. Система воззрений о вине в преступлениях как результат проведенного исследования:

а) феномену вины свойственна полисемичность: вина — это не только внутренняя составляющая преступления, но и проявление внутреннего состояния преступника во вне (в объективном мире);

б) вина — психолого-оценочное понятие, выступающее связующим звеном объективных и субъективных признаков преступления; вместе с тем вина, как бы, стоит над преступлением, отсюда логично сделать вывод: преступление как некая данность может существовать в объективном мире, а вина в полном объеме — еще нет;

в) вина имеет двуединое начало: 1) внутренняя составляющая преступления, ядро его субъективной стороны, находящая воплощение в умысле или неосторожности, и 2) внешняя «субстанция» в виде отрицательной оценки суда от имени государства осознанно-волевого отношения лица к совершаемому им общественно опасному деянию и его общественно опасному последствию;

г) основание возникновения вины — совершенное лицом преступление;

д) содержание вины наполнено объективными и субъективными признаками преступления;

е) вина в преступлении — социальное зло, проявление безнравственного поведения;

ж) авторская дефиниция вины в преступлениях: вина — это осознанно-волевое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию и его общественно опасному последствию, выраженное в форме умысла или неосторожности, получившее отрицательную оценку от имени государства.

10. Система воззрений о вине в умышленных преступлениях, сформированная в результате проведенного исследования:

а) умысел, являясь обязательным субъективным признаком преступления, выступает частным проявлением внутренней составляющей преступления, частным проявлением вины как ядра субъективной стороны преступления;

б) вина в умышленных преступлениях имеет и свою внешнюю «оболочку», находящую выражение в отрицательной оценке судом от имени государства осознанно-волевого отношения лица к совершаемому им общественно опасному деянию и его общественно опасному последствию, имеющего свою определенную специфику в различных вариациях умысла;

в) вина в умышленных преступлениях — наивысшее социальное зло, наивысшее проявление безнравственного поведения;

г) злонамеренность — качественное свойство вины в умышленных преступлениях;

д) основание возникновения умышленной вины — совершенное лицом злонамеренное преступление;

е) авторская дефиниция вины в умышленных преступлениях: вина в умышленных преступлениях — это осознанно-волевое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию и его общественно опасному последствию, выраженное в форме прямого или косвенного умысла, получившее отрицательную оценку от имени государства.

11. Предложения по совершенствованию российского уголовного законодательства:

а) в ч. 1 ст. 24 УК РФ закрепить следующую дефиницию вины: «Вина — это осознанно-волевое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию и его общественно опасному последствию, выраженное в форме умысла или неосторожности, получившее отрицательную оценку от имени государства»;

б) ч. 2 ст. 25 УК РФ изложить в следующей редакции: «При прямом умысле лицо осознает общественную опасность своих действий (бездействия), предвидит реальную возможность наступления общественно опасных последствий и желает их наступления»;

в) ч. 3 ст. 25 УК РФ сформулировать следующим образом: «При косвенном умысле лицо осознает общественную опасность своих действий (бездействия), предвидит реальную возможность наступления общественно опасных по-

следствий, не желает, но сознательно допускает эти последствия либо относится к ним безразлично».

г) избранный законодателем способ демонстрации формы вины в конкретных составах преступлений не отвечает принципу вины и лишь отдаленно напоминает и фрагментарно отражает им же данное понимание преступлений, совершенных с прямым или косвенным умыслом. Поэтому конструкциям всех уголовно-правовых норм Особенной части УК РФ целесообразно придать следующую форму: «Лицо, виновное в совершении (далее идет описание преступления), — наказывается ...».

12. Обоснованы выводы и рекомендации по правоприменительному блоку диссертационного исследования:

а) правоприменительное описание вины в умышленных преступлениях лишь отдаленно напоминает законодательные и доктринальные дефиниции;

б) в приговорах судов вид умысла не конкретизируется (несмотря на то, что законодатель в ч. 2 и 3 ст. 25 УК РФ выделяет прямой и косвенный умыслы);

в) традиционно в приговорах судов отсутствует анализ интеллектуальных и волевых моментов прямого и косвенного умыслов. Однако важно подчеркнуть, он затруднен и в силу сложности законодательной конструкции данных уголовно-правовых категорий, новые дефиниции которых нами предложены выше;

г) судебную практику предлагаем скорректировать в следующем направлении:

– в обвинительных приговорах судам следует конкретизировать вид умысла (прямой или косвенный);

– интеллектуальные и волевые моменты прямого и косвенного умыслов должны подлежать обязательному анализу в приговоре суда;

– правоприменительное описание вины в умышленных преступлениях должно строго соответствовать законодательным конструкциям.

Теоретическая и практическая значимость диссертационного труда заключается в развитии и дополнении научных знаний о вине и вине в умышленных преступлениях. Разработанные в результате проведенного исследования положения и выводы сформировали авторскую теоретическую модель института вины в умышленных преступлениях. Содержащиеся в диссертации суждения, положения и выводы могут быть востребованы в конструктивных научных дискуссиях, способствующих дальнейшему исследованию института вины в умышленных преступлениях, в процессе преподавания курса уголовного права в высших учебных заведениях, подготовке научных, учебных и учебно-методических изданий. Разработанные автором дефиниции и рекомендации могут быть использованы в законотворческой и правоприменительной деятельности.

Апробация результатов исследования. Диссертация выполнена на кафедре уголовного и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», осуществлявшей ее рецензирование и обсуждение. Основные выводы и положения диссертационного исследования излагались автором на научных и научно-практических конференциях по проблемам уголовного права, среди которых: VI Международная научно-практическая конференция «Современные тенденции развития юридической науки и правоприменительной практики» (Волго-Вятский институт (филиал) Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Киров, 19 – 20 апреля 2013 г.); Всероссийская научно-практическая конференция (с международным участием) «Сравнительный анализ законодательства Российской Федерации и зарубежных стран» (Волгоградская академия МВД России, г. Волгоград, 23 – 24 мая 2013 г.); Международная научно-практическая конференция, посвященная 20-летию Конституции Российской Федерации «Конституция Российской Федерации — правовая основа развития современной российской государственности» (VI Саратовские правовые чтения, Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, 19 – 20 сентября 2013 г.); V Международная заочная научно-практическая конференция «Уголовное право в эволюционирующем об-

ществе» (Юго-Западный государственный университет, г. Курск, 15 – 16 июня 2014 г.); XII Международная научно-практическая конференция «Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики»; АПНП – 2015; (Волжский университет им. В.Н. Татищева, г. Тольятти, 16 – 17 апреля 2015 г.); Всероссийская научно-практическая конференция «Правовые и нравственные аспекты обеспечения безопасности личности и государства на современном этапе политических и экономических санкций» (Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, 15 апреля 2016 г.); Всероссийская ежегодная научная студенческая конференция «Актуальные проблемы реформирования современного законодательства Российской Федерации» (Саратовская государственная академия права, г. Саратов, 16 апреля 2010 г.).

По теме диссертации опубликовано 13 научных работ, из них 4 — в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации и включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций.

Результаты диссертационного исследования используются в учебном процессе Саратовской государственной юридической академии.

Структура и объем диссертации обусловлены объектом, целью и задачами исследования. Она включает введение, четыре главы, объединяющие восемь параграфов (каждая глава представлена двумя параграфами, что подчеркивает стройность структуры работы), заключение, список используемых источников и приложения.

Глава I. ВИНА В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ: ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ

§ 1. Философская основа уголовно-правовых воззрений на вину в преступлениях

Темой нашего диссертационного исследования является проблема вины в умышленных преступлениях. Прежде чем разобраться в данной проблеме, необходимо определиться с ее базовыми понятиями (такими, как вина, умысел) и сформировать свое мировоззрение с учетом того, что в уголовно-правовой доктрине современного периода развития существует не одна концепция вины. Отдать предпочтение одной из них можно только при внимательном их изучении, используя исторический и диалектический методы познания.

Для уголовно-правовой теории вины имеет огромное значение ее философская основа. И для того, чтобы сформулировать свой концептуальный подход к исследуемой проблеме, необходимо изучить различные научные течения, и, в частности, философские, в их историческом развитии. Как отмечает И.Д. Невважай, ученый, стремящийся к построению научной картины мира, вынужден согласовывать принципы, относящиеся к разным типам рациональности, формулировать рациональную концепцию, позволяющую согласовать применение классического и неклассического типов рациональности¹.

Философская система воззрений позволит нам рассматривать вину (соответственно, и вину в умышленных преступлениях) как явления познаваемые и исторически изменчивые. Философские категории, как справедливо отмечает С.В. Векленко, отражая наиболее общие законы движения объективного мира, помогают полнее познать сущность вещей, закономерности их развития, объект исследования в статике и динамике, тенденции его движения и изменения, а

---

¹ См.: *Невважай И.Д.* Свобода и знание. Саратов: Ред.-издат. отдел Сарат. гос. академии права, 1995. С. 9.

также способствуют получению и накоплению новой информации о предметах и явлениях материального мира¹.

Нельзя не согласиться с Б.Л. Губманом в том, что «вечность» и есть «божественное всеединство», содержащее в «мгновении» всю прошлую, настоящую и будущую историю². История и философия любой науки, в нашем случае — уголовного права, дает возможность осознать ее место и роль «в истории общества и культуре современной цивилизации»³.

В буржуазной Европе в эпоху индустриализации начинает складываться система социально-гуманитарных наук, которые имели свои истоки еще в древности, в накапливаемых знаниях о человеке, различных способах социального поведения, в том числе и преступного. «Но в строгом смысле слова, — подчеркивает И.Д. Невважай, — социальные и гуманитарные науки конструировались в XIX столетии, когда в культуре техногенной цивилизации отчетливо оформилось отношение к различным человеческим качествам и к социальным феноменам как к объектам управления и преобразования. Отношение к любым исследуемым явлениям и процессам как к объектам практического действия является одним из обязательных условий научного способа познания, в том числе и социально-гуманитарного»⁴.

Изучение философских воззрений о вине, умысле с периода античности до периода Нового времени даст возможность познать в историческом развитии философские истоки уголовно-правового учения о вине, вине в умышленных преступлениях.

Проблеме вины, ее частных проявлений (в том числе умыслу) уделяли внимание Гераклит, Демокрит, Протагор, Сократ, Платон, Аристотель, Эпикур,

---

¹ См.: *Векленко С.В.* Значение категорий диалектики для познания вины в уголовном праве // Научный вестник Омской академии МВД России. 2008. № 2 (29). С. 44.

² *Губман Б.Л.* Современная католическая философия: человек и история: учеб. пособие. М.: Высш. шк., 1988. С. 23.

³ См.: *Невважай И.Д.* История и философия науки: учеб. пособие: в 2-х ч. Ч. 1: Общие проблемы философии науки. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Сарат. гос. академия права», 2008. С. 3.

⁴ *Невважай И.Д.* История и философия науки: учеб. пособие: в 2-х ч. Ч. 2: Философские проблемы социально-гуманитарных (юридических) наук. Саратов: Изд-во ФГБОУ ВПО «Сарат. гос. юрид. академия», 2012. С. 3.

Аврелий Августин, Фома Аквинский, Никколо Макиавелли, Иммануил Кант, Г.В.Ф. Гегель, Жан Поль Сартр, Артур Шопенгауэр, Фридрих Ницше, И.А. Ильин и другие философы от периода античности до Нового времени.

В современный период развития социально-гуманитарных наук исследуемой проблеме уделяли и продолжают уделять внимание такие философы, как: Н.С. Нарский, И.Д. Невважай, В.С. Нерсисянц, Ф.А. Крахоткин, Н.Ф. Третьяков, В.Г. Горбачев и др.

Философский взгляд на проблему вины формировался со времен древней античности, когда философы задумывались о смысле вины, о нравственной составляющей ее содержания, когда вина неразрывно связывалась с нарушением моральных норм, чувством ответственности за совершенный проступок.

Концепция обусловленности полисных законов объективными общемировыми закономерностями была развита Гераклитом (ок. 530 — 470 гг. до н.э.), для взглядов которого, как и для античных представителей в целом, характерно рассмотрение правовой проблематики и вообще всех земных, человеческих дел и отношений в неразрывной связи и единстве с глобальными, космическими процессами. Поэтому и полисные законы трактовались как отражение космического порядка, предпринимались поиски космических истоков полисных норм и установлений. Согласно Гераклиту, мировым явлениям присущи необходимые связи и «скрытая гармония», в принципе доступные человеческому познанию. Основой упорядоченной связи противоположностей и упорядоченности мира как космоса является огонь — всеобщий эквивалент взаимопереходящих противоположных явлений и мера мирового порядка в целом¹.

Если основываться на учении Гераклита, вину и виновное поведение можно рассматривать в неразрывной связи и единстве с глобальными, космическими процессами, а огонь — в качестве эквивалента преступления и наказания, виновного и невиновного поведения.

---

¹ См.: *Нерсисянц В.С.* Философия права: учебник для вузов. М.: Издат. группа ИНФРА·М — НОРМА, 1997. С. 401 – 402.

Истинные намерения лица, его желания, побудительные мотивы совершаемых преступлений всегда имели значение для определения антисоциальной направленности личности виновного. Размышления Демокрита (ок. 470 — 366 гг. до н.э.) по данному поводу таковы: «Быть хорошим человеком значит не только не делать несправедливости, но и не желать этого <...> Честный и бесчестный человек познается не только из того, что он делает, но и из того, что он желает»¹.

Из приведенного суждения следует, что философ придавал большое значение намерениям человека, а следовательно, и умыслу, в волевой компонент которого включается желание.

Софисты были глубокими и смелыми новаторами. Их поворот от объективно-божественного к субъективно-человеческому комплексу явлений и проблем был великой исторической заслугой. Они предприняли плодотворную попытку взглянуть на мир человеческими глазами². Основополагающий принцип воззрений софистов был сформулирован Протагором (ок. 481 — 411 гг. до н.э.): «Мера всех вещей — человек, существующих, что они существуют, а несуществующих, что они не существуют»³.

Поэтому в софистике взамен божественному и космическому объяснению всех явлений и понятий за виной закрепляется значение «проступок», «неправильное поведение» человека.

В философских трудах Сократа (469 — 399 гг. до н.э.) и Платона (427 — 347 гг. до н.э.) обосновывается концепция «невольной вины», суть которой сводится к тому, что «никто не делает зла по собственной воле». Любая добродетель, по Сократу, — это знание⁴. Ксенофонт так отзывался о Сократе: «Он утверждал, что справедливость и всякая другая добродетель состоит в знании, и что справедливое и все то, что совершается посредством добродетели, есть

---

¹ Материалисты Древней Греции: собрание текстов Демокрита, Гераклита, Эпикура. М.: Политическая лит-ра, 1955. С. 157.

² См.: *Нерсесянц В.С.* Философия права. С. 404.

³ Цит. по: *Нерсесянц В.С.* Указ. соч. С. 405.

⁴ Подробнее об этом см.: *Нерсесянц В.С.* Сократ. М.: Изд. группа «ИНФРА-М» Норма, 1996. 306 с.; *Его же.* Платон. 2-е изд., стер. М.: НОРМА ИНФРА-М, 2012. 111 с.

нравственно-прекрасное; что, таким образом, знающие нравственно-прекрасное не предпочтут ему ничего иного, а незнающие не произведут его; если же захотят произвести, то впадут в ошибки. Если же справедливое и все нравственно-прекрасное совершается посредством добродетели, то, очевидно, справедливость и всякая другая добродетель есть знание»¹.

Поэтому вину, вряд ли, можно признать добродетелью. Не будет противоречить воззрениям Сократа и то, что виновные поступки лишь отчасти совершаются по незнанию.

Платон видел в преступлении продукт преходящего болезненного состояния души, а в наказании — меру лечения². Удовольствие и страдание философ признавал истоком добродетели и порока. Так, «...первые детские ощущения, — считал Платон, — это удовольствие и страдание, и благодаря им сперва и проявляются в душе добродетель и порок. Что же касается разумения и прочных истинных мнений, то счастлив тот, в ком они проявляются хотя бы в старости»³.

В период античной философии права⁴ возникает идея о свободной воле человека, которая находит проявление в совершении проступка, о намеренном нарушении установленных норм.

Так, Аристотель (384 — 322 гг. до н.э.) выделял такие понятия, как «воля», «намерение», «стремление», «страсть», «внезапные, произвольные и преднамеренные действия» и устанавливал между ними корреляцию. Как отмечал философ, намерение по преимуществу связано с добродетелью и по нему лучше, чем по действию, судить о характере. Внезапные действия он называл произвольными, но не преднамеренными; различал намерение и стремление. «Те, как кажется, ошибаются, — писал Аристотель, — которые называют намере-

¹ Цит. по: *Нерсесянц В.С.* Философия права. С. 408.

² См.: *Фойницкий И.Я.* Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. М.: Добросвет-2000; Городец, 2000. С. 37.

³ *Платон.* Законы / пер. с древнегреч.; общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи; авт. ст. в примеч. А.Ф. Лосев; примеч. А.А. Тахо-Годи. М.: Изд-во «Мысль», 1999. — (Классическая философская мысль). С. 100.

⁴ Подробно о данном периоде см.: *Нерсесянц В.С.* Указ. соч. С. 399 – 438.

ние стремлением, или страстью, или волей, или известного рода представлением, ибо неразумные существа не имеют намерения, а имеют стремление и страсть, и невоздержный действует под влиянием стремления, но не преднамеренно, в то время как воздержный, напротив, действует преднамеренно, но не под влиянием стремления. <...> стремления противодействуют намерению, а стремление не противодействует стремлению. Наконец, стремление касается наслаждения и страдания, намерение же не имеет дела ни со страданием, ни с наслаждением, еще менее намерение может быть названо страстью, ибо то, что совершается под влиянием страсти, менее всего кажется преднамеренным. Но и волей намерение не может быть названо, хоть оно и кажется родственным ей. Намерение никогда не имеет дела с невозможным, и если бы кто сказал, что он намерен сделать невозможное, то он показался бы дураком. Желание [воля] не может касаться невозможного, например бессмертия. Воля может далее касаться и того, что совершенно не в нашей власти, например [мы можем желать], чтобы актер или атлет одержал победу, но ни у кого не является намерения относительно подобного, а лишь относительно того, что, как он думает, *в его власти*. Сверх того, воля имеет более в виду цель, намерение же — средства»¹.

Вместе с тем, по Аристотелю, неведение также заслуживает осуждения, так как человек способен обладать положительными нравственными представлениями, и значит, должен быть ответствен за свои поступки. В зависимости от предпосылок для принятия решения можно говорить, считал философ, о различной степени виновности. Аристотель ввел понятие «трагическая вина», предусматривающее совершение проступка не по злему умыслу, а в силу сложившихся обстоятельств².

---

¹ *Аристотель*. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Мн.: Литература, 1998. — (Классическая философская мысль). С. 193 – 194.

² См.: *Дженкова Е.А.* Концепты «стыд» и «вина» в русской и немецкой лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005. С. 17.

Античный философ Эпикур (341 – 270 гг. до н.э.) призывал преодолеть свой страх перед судьбой, при этом, утверждая, что в фундаменте бытия мира и человека заложена возможность свободы индивида¹.

Период античной философии имел огромное значение для формирования уголовно-правового учения о вине и в настоящее время продолжает быть значимым для правильного понимания теории вины, соотношения морали и права. Такие понятия, как «намеренное нарушение норм», «невольная вина» и «трагическая вина», думаем, служили прототипом умысла, неосторожности и невинного причинения вреда в их современной уголовно-правовой трактовке.

Философия Аристотеля, считаем, оказала большое влияние на формирование взгляда о вине известными российскими учеными. В XIX и начале XX столетиях нравственному аспекту содержания вины придавалось значение важнейшего условия уголовной ответственности и наказания. По мнению Росси, «... если виновникъ обозначеннаго и запрещеннаго закономъ дѣянiя не имѣть необходимыхъ нравственныхъ качествъ и неответственъ, то въ данномъ случаѣ нѣтъ ни нарушенiя обязанности, ни матеріальнаго вреда, произведеннаго преступленiемъ»². А. фон Резон писал: «Преступник своим деянием возвысил свою субъективную волю над объективной; наказанием он опять подчиняется объективному нравственному порядку»³.

Сегодня нравственная составляющая содержания вины также востребована наукой в целом и уголовно-правовой наукой, в частности. И.Д. Невважай справедливо отмечает: «Важным является вопрос о соотношении права и морали как ценностном измерении человеческого бытия. Как их теоретическое различие, так и выяснение соотношения этих важных явлений социальной жизни».

---

¹ См.: *Третьяков Н.Ф.* Философия человека и общества: пятнадцать очерков по социальной философии и философской антропологии. Омск: Изд-во «Наследие» АО «Диалог-Сибирь», 1997. С. 193.

² *Росси.* Основные начала уголовного права / пер. с фр. Г. Козополянского. Вып. I. СПб.: Тип. Юлиуса Андр. Бокрама, 1871. С. 260.

³ См.: *Фонъ Резон А.* О преступлениях, наказуемых только по жалобе потерпевшего по русскому праву: сочинение. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1882. С. 1 – 2.

ни представляет собой серьезную научную задачу»¹. Б.Т. Разгильдиев считает необходимым, чтобы вина обладала нравственным аспектом, и он отражался бы в ней самостоятельным признаком².

С утверждением христианства складывается метафизическое представление о вине: человек признается виновным не только вследствие своего несовершенства и связанной с этим неспособностью до конца исполнить свой долг, но и вследствие всего происходящего вокруг него. Согласно религиозной этике, грех — нарушение морального закона как божественной заповеди сопровождается виновностью; чувство вины выражает осознание человеком собственной греховности, которая неизбежна вследствие первородного греха Адама и Евы³.

В Ветхом Завете (Законах Моисея) признается психическое, субъективное основание ответственности наряду с объективным: лицо не может нести ответственность только за факт причинения вреда, необходимо еще установить характер его психического отношения к содеянному, при оценке которого используются признаки, указывающие на наличие или отсутствие умысла. Термины «вина» и «виновность» означают оценку поведения как «упречного» или «безупречного». Виновность рассматривается как общий показатель того, что лицо совершило инкриминируемое деяние, его действие (бездействие) послужило источником вреда. Этот термин в большей степени указывает на объективную, причинную связь деяния с наступившим последствием, например, в книге Исход сказано: если вол забодал человека до смерти в первый раз, «хозяин не виноват», но если такой случай не первый «и хозяин его, быв извещен о том, не стерек его», то «хозяина ... предать смерти», т.е. хозяин виноват. Термины «виноват», «не виноват» указывают на наличие или отсутствие у хозяина обязанности следить за своим волком. В книге Исход также встречается выра-

---

¹ *Неважжай И.Д.* История и философия науки: учеб. пособие: в 2-х ч. Ч. 2: Философские проблемы социально-гуманитарных (юридических) наук. С. 195.

² См.: *Разгильдиев Б.Т.* Раздел I. Преступление по уголовному праву России и его категории // Уголовное право России: курс лекций: в 6 т. / под ред. Б.Т. Разгильдиева. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Сарат. гос. академия права», 2008. Т. 2. С. 112.

³ См.: *Философия: энциклопедический словарь* / под ред. А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. С. 138.

жение «не повинен смерти», используемое, когда один ударил другого и последний слег в постель, но не умер, а, излечившись, встал и начал ходить при помощи палки. В таком случае ударивший «не будет повинен смерти; только пусть заплатит за остановку в его работе и дает на лечение его». Выражение «не повинен смерти» означает отсутствие деяния, достойного наказания смертью, иными словами, о вине идет речь как об общей оценке содеянного. Из видов вины признается только прямой умысел, который определяется терминами «злоумышление» и «намерение», косвенный умысел еще не получил признания, он приравнивался к неосторожности; все, что не свидетельствует о прямом умысле («злоумышлении», «намерении»), есть неосторожность или случайность. Например, убийство описывается так: «Кто, ударит человека, так что он умрет, да будет предан смерти. Но если кто не злоумышлял <...>, то Я назначу у тебя место, куда убежать убийце. А если кто с намерением умертвит ближнего коварно, то и от жертвенника Моего бери его на смерть»¹.

В предшествовавшем средневековой этике учении «отцов церкви» последствия первородного греха усматриваются в человеческом тщеславии, в слабости воли, в активном стремлении к злу. Идея человеческой природы, испорченной первородным грехом, оказала заметное влияние на формирование понятия вины (прежде всего как вины перед Богом) как в Средние века, так и в последующие эпохи.

Аврелий Августин (354 — 430 гг.) — один из основателей христианской философии учил, что зло — это отсутствие добра или же его недостаток, а от Бога исходит лишь добро. Зло, являясь результатом *свободной воли* человека, коренится в недрах также свободной воли человека и возникает как следствие *отпадения* от воли Божьей, нарушения ее заповедей и запретов. Грех есть *бунт* смертного тела против бессмертной души, и поэтому человек всегда нуждается в божественной поддержке и покровительстве. С произвольного поступка Адама и Евы началась длительная история грехопадения человечества, а смерть

---

¹ Подробнее об этом см.: Христианское учение о преступлении и наказании / науч. ред. К.Б. Харабет, А.А. Толкаченко. М.: Норма, 2009. С. 61 – 62.

стала наказанием за грехи. Зло возникает всякий раз, когда творение восстает против своего творца, против иерархии мира, когда низшее претендует на место и роль высшего. Спасение человека возможно, следовательно, лишь через возврат к Богу, обращение к его милости и доброте, через добрые дела с помощью и под руководством Бога. Следовательно, Бог есть не только Творец, но еще и Спаситель. И «жизнь по Богу», возвышение духа должны быть единственно достойным для человека способом существования¹.

В своей «Исповеди» Аврелий Августин рассуждал о «побегах греха» следующим образом: «Также с преступлениями, — когда жаждут нанести вред, обидев человека или причинив ему несправедливость: враг желает отомстить врагу; разбойник грабит путешественника, чтобы поживиться на чужой счет; страшного человека убивают, боясь от него беды; бедняк богача из зависти; человек преуспевающий соперника из страха, что тот сравняется с ним, или от огорчения, что он уже ему равен; из одного наслаждения чужой бедой, примером служат зрители на гладиаторских играх, насмешники и издеватели, все это побегии греха, которые пышно разрастаются от страсти первенствовать, видеть и наслаждаться, овладевает ли человеком одна из них, две или все три разом»².

Христианское учение оказывало большое влияние и на светские институты. Первой правовой системой было каноническое право, первый свод канонов вышел в 1234 г. Христианский доминант прослеживался и в научном плане, поскольку именно богословие было первоосновой юридической науки³.

В позднее Средневековье Фома Аквинский (1225 — 1274 гг.), анализируя вопрос мотивации человеческого поведения, пришел к выводу, что структура поступка состоит из четырех элементов: стремление к чему-либо; усилие воли, выбор, определение мотивов, обдумывание способа действия; одобрение и само действие. Согласно учению Аквинского, поступки человека должны со-

---

¹ См.: Горбачев В.Г. История философии. Краткий курс лекций: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Брянск: «Курсив», 1998. С. 59 – 60.

² Августин А. Исповедь / пер. с лат. М.Е. Сергеенко; вступ. ст. А.А. Столярова. М.: «Ренессанс», 1991. — (Памятники религиозно-философской мысли). Книга 3, VIII, 16.

³ См.: Христианское учение о преступлении и наказании. С. 30.

вершаться на основе его разума, являющегося основой человеческой свободы, реализующейся в границах, очерченных Богом¹.

На наш взгляд, признание христианским учением психического, субъективного основания ответственности наряду с объективным, а именно тезис о том, что «лицо не может нести ответственность только за факт причинения вреда, необходимо еще установить характер его психического отношения к содеянному», сыграли большую роль в формировании психологической концепции вины.

В философии Средних веков и Нового времени продолжались терминологические споры, берущие свое начало в многозначности феномена вины. Связанные с виной понятия о первородном грехе, человеческой слабости и потакании страстям, наказании и прощении за грехи также являлись предметом обсуждения. Для сторонников такого подхода характерно представление о грехе как о проступке, нарушающем предписанный Богом порядок, отдаляющем человека от Всевышнего. Прощение грехов и примирение человека с Богом последователи различных направлений видят в искупительной жертве Иисуса Христа, Божьей милости или в активной, искупающей вину деятельности самого индивида².

Однако были и несколько другие философские воззрения. Например, Никколо Макиавелли (1469 — 1527 гг.) исходил из того, что «надо управлять, ибо как римляне осудили различно, смотря по разности вины, так должны поступить и вы, усмотрев различие вины и среди наших мятежников»³.

Приведенная цитата свидетельствует о том, что Н. Макиавелли придавал большое значение степеням вины, разным ее видам.

---

¹ См.: Векленко С.В., Бавсун М.В. Уголовно-правовая оценка субъективной стороны состава преступления: учеб. пособие. Омск: Омская акад. МВД России, 2006. С. 5.

² См.: Дженкова Е.А. Указ. соч. С. 17.

³ Макиавелли Н. О том, как надлежит поступать с восставшими жителями Вальдикьяны // Макиавелли Н. Государь: Сочинения исторические и политические. Сочинения художественные: сборник / пер. с итал. Г. Муравьевой, Н. Томашевского, Е. Солоновича и др.; примеч. М. Андреева, Р. Светлова. М.: Эксмо, 2009. — (Зарубежная классика). С. 9.

И только в XVII веке от богословия отделились философия, юриспруденция и политические науки¹. Голландский юрист и философ Гуго Гроций (1583 — 1645 гг.) в своем трактате «О праве войны и мира» (1625 г.) указывал, что естественное право, по сути, является правом божественным, т.е. источником его является воля Бога. Закон Божий, писал философ, «был трижды дан человеческому роду: тотчас после создания человека, затем в целях искупления человеческого рода после потопа и впоследствии Христом ради полного искупления человеческого рода»². Однако философ также считал, что все люди по природе своей склонны владеть и действовать³. Значит, человек — не пассивен, а активен, следовательно, у него есть возможность активно проявлять свою волю, направлять ее на совершение поступков, выбирать поведение, которое может быть нравственным или безнравственным, виновным или невиновным.

Понятие вины получает свое дальнейшее развитие в трудах Иммануила Канта (1724 — 1804 гг.). В таких работах, как «Основы метафизики морали», «Критика чистого разума», «Религия в пределах только разума», «Метафизика нравов», автор убедительно показал, что человек разрывается между двумя мирами: во-первых, человек — феномен материального мира, клеточка чувственно-природного мира; и, во-вторых, человек есть существо сверхчувственное, рационально-духовное, нравственное⁴.

Иммануил Кант разработал также учение о долге. В соответствии с этим учением есть некая шкала исполнения долга. По мнению философа, если человек делает нечто большее, чем от него требует долг, можно говорить о заслуге, за которой должна следовать награда. Если человек делает все в соответствии с требованиями долга, он выполняет свои обязательства. Когда человек делает меньше, чем должен и от него ожидается, можно говорить о провинности, которая должна наказываться. Виновность, по Канту, состоит не только в поступ-

---

¹ См.: Христианское учение о преступлении и наказании. С. 30.

² Цит. по: Христианское учение о преступлении и наказании. С. 31.

³ См.: Горбачев В.Г. Указ. соч. С. 131.

⁴ См.: Антология мировой философии. В 4-х т. Т. 3. Буржуазная философия конца XVIII в. — первых двух третей XIX в. / ред.-сост.; авт. вступит. ст. Н.С. Нарский. М.: «Мысль», 1971. — (Философское наследие). С. 166.

ках, имевших злые последствия, но и в поступках, не имевших видимых злых последствий, но совершенных не ради долга, а по максимам, которые по самой своей природе вполне могли бы привести к дурным последствиям и не привели лишь по счастливой случайности¹.

У Канта была также своя философия религии. Рассматривая вину через призму религиозной философии, он выделил преднамеренную, неумышленную и прирожденную вину. Последняя заключается в человеческом стремлении к злу, неисполнении долга как необходимости совершать добро во всей возможной полноте².

Однако человек, наделенный разумом и положительными нравственными представлениями, способен приблизиться к идеалу нравственного совершенства, хотя и не способен полностью избавиться от своей вины. Еще одним свойством вины является невозможность переложить ее на кого-нибудь другого, что востребовано современной российской уголовно-правовой доктриной и находит проявление в персональной ответственности лица, совершившего преступление. Как отмечает В.Г. Горбачев, И. Кант в своем учении о морали и нравственности, получившем название «практический разум», исследовал проблему свободы человека, которого рассматривал в качестве существа нравственного, а также способного к самостоятельному (автономному) поведению и нравственному совершенствованию, к выбору альтернатив. По убеждению философа, свобода не есть произвол, она предполагает самоограничение и уважение к свободе и интересам других членов общества. Нравственность человека проистекает априорно *изнутри*, из его собственной природы, ибо каждый человек несет в себе нравственный закон, который обладает принудительной силой и носит характер заповеди³.

Г.В.Ф. Гегель в «Философии права» по вопросу понятия и видов вины заметил: «Мне может быть вменено то, что содержалось в моем умысле, и при рассмотрении преступления это имеет преимущественное значение. Однако в

---

¹ См.: Философия: энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. С. 138.

² См.: Там же.

³ См.: Горбачев В.Г. Указ. соч. С. 180.

вине заключается совершенно внешнее осуждение, совершил ли я нечто или не совершил, из того, что я несу за что-либо вину, еще не следует, что преступление может быть мне вменено»¹.

Приведенное суждение позволяет высказать предположение, что его автор рассматривал вину как оценку факта совершения деяния, внешнее осуждение этого деяния. Из видов вины известный мыслитель назвал только умысел. Думаем, сторонники оценочной концепции вины постулат Гегеля взяли за основу.

Жан Поль Сартр критически оценивал понятие вины, утверждая, что каждый человек «вынужден сам изобретать для себя свой закон», выбирать свою собственную мораль. Он отвергает общепризнанные морально-религиозные понятия совести, вины, раскаяния, так как они могут помешать человеку быть свободным и самому выбирать свое существование². Философ считал, что «человек есть не что иное, как ряд его поступков, что он есть сумма, организация, совокупность отношений, из которых составляются эти поступки»³.

Мыслитель также утверждал, что человечество не может существовать без совокупности «априорных пределов, которые очерчивают фундаментальную ситуацию человека в универсуме <...>. Пределы не субъективны и не объективны, скорее они имеют объективную и субъективную стороны. Объективны они потому, что встречаются повсюду и повсюду могут быть опознаны. Субъективны потому, что переживаемы; они ничего не представляют собой, если не пережиты человеком, который свободно определяет себя в своем существовании по отношению к ним»⁴.

На протяжении XIX века в западном мире (в странах Европы и Северной Америки) завершалось формирование так называемого «индустриального об-

---

¹ Гегель Г.В.Ф. Философия права / ред. и сост. Д.А. Керимов, В.С. Нерсисянц; авт. вступ. ст. и примеч. В.С. Нерсисянц; пер. с нем. Б.Г. Столпнера, М.И. Левиной. М.: Мысль, 1990. — (Философское наследие). Т. 113. С. 161.

² Философский словарь / ред. И.Т. Фролов. 5-е изд. М.: Политиздат, 1975. С. 358.

³ Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм // Сумерки богов / сост. и общ. ред. А.А. Яковлева. М.: Политиздат, 1989. С. 334.

⁴ Там же. С. 336 – 337.

щества», характеризующегося переменной иерархией всех ценностей, которыми руководствовались и ученые, и политики, и литераторы, и философы. Отражая эту изменившуюся ситуацию, философия если и не отказывается от попыток решения вопросов об устройстве мироздания в его глубинных основаниях, *устройства природы* (чем, прежде всего, и занималась прежняя философия, которая и считала себя поэтому высшей наукой, «наукой наук», «метафизикой»), то, во всяком случае, отодвигает эту проблематику на второй или третий план. На авансцену же выдвигалась тема *человека* в его отличии от природы, его специфики и специфики его предметного мира. Часто философия превращалась в «антропологию», во всеобщую науку о человеке (нередко с культурологическим или социологическим, а иногда даже «экономическим» оттенком). Следствием и свидетельством этих сдвигов было также новое понимание истории — и как объективного процесса, и как науки об этом предмете. История стала рассматриваться как специфически человеческий способ бытия. Сознание историчности стало означать, прежде всего, *осознание собственной ограниченности*, конечности и обретение нового жизненного опыта — опыта перманентных перемен как момента саморазвития культуры¹.

Научная мысль отказалась от априорной посылки о неизменности сущностной основы мироздания и неизменной природе человека. В философии все это привело к критике понятия истины как чего-то совершенного и потому неизменного. Это понятие стало многозначным уже несколько раньше, в философии Гегеля. Гегелевское определение «истина есть процесс» теперь стало восприниматься не как чудовищная ересь и даже не как откровение, а как нечто самоочевидное. Теперь никакое «положение дел», будь то в социальной организации, морали, науке, самой философии, никакое «состояние» не принимаются как окончательные. Даже язык, на котором говорили европейские философы середины XIX в., понуждает датировать начало современной философии с *послегегелевского периода*. Как по форме, так и по содержанию гегелевская фи-

---

¹ См.: Западная философия XIX в.: учебник / В.В. Васильев, Е.А. Войниканис, А.Ф. Грязнов и др. / под ред. А.Ф. Зотова. М.: Высш. шк., 2005. С. 6 – 7.

лософская система предстает как последняя классическая философская концепция¹.

Теории воли и свободы также оказали влияние на формирование уголовно-правовых взглядов на понятие вины и в настоящее время остаются востребованными уголовно-правовой доктриной.

Артур Шопенгауэр (1788 — 1860 гг.) в своих сочинениях заявлял: «“Мир есть мое представление”»: вот истина, которая имеет силу для каждого живого и познающего существа. <...> Ибо если совсем отвлечься от этого подлинного мира как представления, то не останется ничего, кроме мира как воли»². Философ также подчеркивал, что «мир так же неразлучно должен сопровождать волю, как тень — свое тело; и если есть воля, то будет и жизнь, мир»³.

В XIX веке Фридрих Ницше утверждал: «...человек становится тем, чем он хочет стать, его воля предшествует его бытию, <...> вследствие того, что человек считает себя свободным, а не вследствие того, что он действительно свободен, он ощущает раскаяние и угрызение совести. <...> Никто не ответствен за свои дела, никто не ответствен за свое существо; судить — значит быть несправедливым»⁴.

Ф.А. Крахоткин, анализируя философские взгляды Ницше, подчеркивает: «Ницше, несомненно, «волютарист» по своим правовым взглядам: право есть воля («сильнейшего»)»⁵.

Теории абсолютной свободы и нецессаризма представляют научный интерес, важны для понимания разработанных уголовно-правовой доктриной концепций вины, выработки собственного воззрения на институт вины.

Теория абсолютной свободы исходит из аксиомы абсолютной свободы воли, беря на себя защиту индивидуальной самостоятельности. Человек свобо-

¹ См.: Западная философия XIX в. С. 8 – 9.

² Шопенгауэр А. Мир как воля и представление // Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости / пер. с нем. М.: Эксмо, 2015. — (Золотая библиотека мудрости). С. 213, 397.

³ Там же. С. 495.

⁴ Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Сочинения. М.: Изд-во Эксмо; Харьков: Изд-во Фолио, 2006. С. 52 – 53.

⁵ Крахоткин Ф.А. Учение о государстве и праве Фридриха Ницше. М.: Спецкнига, 2008. С. 173.

ден относительно внешней природы, стоя отдельно от нее и эксплуатируя ее по своему усмотрению, свободен относительно другого человека, который иногда в силах отнять у него имущество, семью и даже саму жизнь, но никогда не в силах сделать из него слепое орудие своей воли, как восклицал Кант: я свободен и в цепях¹.

Вместе с тем И. Кант отмечал: «Поскольку свобода есть полная самодеятельность воли, не определяемой ни *стимулами*, ни чем-либо иным из того, что аффицирует субъект, то относительно нее все определяется исключительно уверенностью личности в том именно, что она осознает (себя), действует по собственному произведению, что воля деятельна и не определяется ни *стимулами*, ни чуждыми впечатлениями. В противном случае я должен был бы говорить, что я влеком или подвигнут к тем или иным действиям, что, по сути, означает, что я страдающий, а не действующий. Если Бог управляет определениями воли, то действует — он, если воздействия вещей с необходимостью определяют волю, то они принуждают»².

Человек свободен и относительно самого себя, если только он не делается рабом своих слабостей и страстей. Акты человека могут быть или согласны с его свободой воли — и тогда, отмечает И.Я. Фойницкий, мы говорим о человеческом действии, или не согласны с ней, определяясь чем-либо внешним, ему посторонним, — и тогда это продукт материальный, физический, не имеющий никакого права на название человеческого действия. Возможна только следующая альтернатива: или полная свобода, или полная несвобода. Первая есть исключительное достояние человека, основа его моральной и правовой ответственности; вторая свойственна остальному миру. Первая отвечает на вопрос: зачем, для чего? Вторая управляется вопросом: почему? Все добродетели и пороки, все великие и ничтожные дела человека, весь его характер, все внутреннее его духовное состояние создается его личной свободой воли. За них как за свои продукты он несет награды и наказания, похвалы и порицания, но кругом

---

¹ См.: Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. С. 34.

² Кант И. Из рукописного наследия (материалы к «Критике чистого разума», *Opus postumum*). М.: Прогресс – Традиция, 2000. С. 23.

и исчерпывается его ответственность и его заслуга. Такова исходная точка этого направления, знающего только личную мораль, личную этику и полагающего исключительно в ней основы человеческой ответственности перед собой и перед другими¹.

Н.С. Таганцев в своих воззрениях на понятие виновности придавал большое значение философской теории абсолютной воли, отмечая следующее: «Воля и составляет сущность виновности, так как всякая виновность заключает в себе порочность или недостаток, дефект нашей воли, нашего самонаправления к деятельности»².

Теория нецессаризма исходит из того, что отдельный человек есть ничтожная песчинка, вовсе не имеющая собственных определительных сил, а вполне подчиненная действию законов физических. Согласно ему всякий так называемый акт воли есть лишь необходимый член в общей цепи причин и последствий, всякая так называемая личность есть не более как необходимый продукт окружающих и обуславливающих ее обстоятельств. Добродетель и порок, добро и зло, заслуга и вина согласно этому направлению суть ничего не означающие предрассудки, порожденные обольщениями человеческого воображения. Этому фаталистическому направлению уголовное право отдало дань в теориях патологического воззрения на преступление, которые были известны уже классической древности. Напомним, еще Платон видел в преступлении продукт преходящего болезненного состояния души, а в наказании — меру лечения, полезную не только для наказывающего, но и для наказываемого. Девятнадцатому веку принадлежит дальнейшая разработка этого взгляда, причем болезнь, определяющая преступление, предлагалось понимать или как болезнь организма, или как болезнь общественную. Направление это становится отражением крайнего фатализма. Человеческая деятельность признавалась результатом слепой, раз наперед установленной необходимости, неизменно и непременно вызывающей определенные акты, наперед предустановленные в книгах

---

¹ См.: *Фойницкий И.Я.* Указ. соч. С. 34 – 35.

² *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. Часть Общая: лекции. Изд. 2-е, пересм. и доп. СПб.: Гос. Тип., 1902. Т. 1. С. 571 – 572.

судеб. Все в мире физическом и этическом наперед предопределено, все происходит по неизменным предначертаниям, имеющим свой источник или в личном боге, или в безличных метафизических понятиях судьбы и природы, натуры. Необходимая последовательность соединяющихся между собой элементарных сил, действующих с поразительной правильностью, — вот определение закона согласно данному направлению; такими-то законами причинности и управляется человечество. Представители теорий нецессаризма, подчеркивает И.Я. Фойницкий, упрекают представителей абсолютной свободы в недостаточном сознании закона причинности и в произвольном отнесении всех человеческих действий на счет его воли, которая сама по себе есть результат многих причин. Но тот же упрек может быть обращен и к ним, ибо и они стремятся к отнесению всех человеческих действий на счет одной причины, с тем лишь различием, что метафизическое понятие свободы воли заменяется у них столь же метафизическим понятием необходимости¹.

В XX веке актуальным как никогда стал вопрос о коллективной вине, в связи с чем интерес представляет детальная классификация вины К. Ясперса. Он выделяет: а) «криминальную вину», которая касается участников преступления; б) «политическую вину», призванную обозначить ответственность политических деятелей; в) «моральную вину», которую несет каждый, кто оставался пассивным созерцателем преступлений; г) «метафизическую вину», лежащую на каждом из оставшихся в живых. В качестве примера коллективной вины К. Ясперс приводит историю немецкого народа, допустившего возможность появления фашистского режима в прошлом веке².

Русский философ И.А. Ильин рассуждал о виновности и невиновности таким образом: «Виновность и невиновность человека, устанавливаемая уголовным судом, определяется ничем иным, как именно состоянием его правосознания, т.е. отношением руководившей им воли — к цели права, а потому и к праву. Согласно этому правонарушитель будет виновен в том случае, если он

---

¹ Подробнее об этом см.: *Фойницкий И.Я.* Указ. соч. С. 37 – 46.

² См.: *Дженкова Е.А.* Указ. соч. С. 19.

нарушил норму положительного права по недостаточной воле к цели права и к праву как необходимому средству, и будет невиновен в том случае, если верный правопорядок был его целью и его мотивом»¹.

Несомненно, состояние правосознания оказывает влияние на виновность или невиновность человека, изначально служа условием совершения или несовершения преступления или иного волевого поступка. В современный период развития российского уголовного законодательства и уголовно-правовой науки общественно полезная мотивация причинения вреда может свидетельствовать об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, в частности, таких, как: необходимая оборона, крайняя необходимость, задержание лица, совершившего преступление, и т.д. Помимо этого, общественно полезные мотивы могут быть признаны обстоятельством, смягчающим уголовное наказание.

В данном параграфе диссертации мы уделили внимание наиболее значимым для уголовно-правового понимания вины философским воззрениям.

Обращение юриста к философской мысли важно потому, что она явилась истоком формирования научных взглядов по уголовному праву вообще и, в частности, по вине и вине в умышленных преступлениях. По вопросу о формировании науки уголовного права в России Г.С. Фельдштейн отмечал: «При отсутствии в России в течение очень долгого периода научной специализации, очень глубокие взгляды и, притом, вполне самобытные и затрагивающие предметы уголовного права, высказывались людьми, очень далеко стоявшими от юриспруденции в техническом смысле этого слова»².

Подводя итоги вышеизложенного, сделаем основные выводы:

1. Период античной философии имел огромное значение для формирования уголовно-правового учения о вине и продолжает быть значимым в настоящее время для правильного понимания теории вины. Такие понятия, как «намеренное нарушение норм», «невольная вина» и «трагическая вина», выработанные

---

¹ Ильин И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. СПб.: Наука, 1994. — (Слово о сущем). С. 327.

² Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. Ярославль: Тип. Губернского Правления, 1909. С. 5.

ные античными философами, думаем, служили прототипом умысла, неосторожности и невиновного причинения вреда в их современной уголовно-правовой трактовке.

2. Следуя воззрениям Гераклита, вину и виновное поведение можно рассматривать в неразрывной связи и единстве с глобальными, космическими процессами, а огонь — в качестве эквивалента преступления и наказания, виновного и невиновного поведения.

3. Демокрит придавал большое значение намерениям и желанию человека, а следовательно, и умыслу, в волевой компонент которого включается желание.

4. Софисты взамен божественному и космическому объяснению всех явлений и понятий за виной закрепляли значение «проступок», «неправильное поведение» человека (Протагор).

5. Аристотель выделял такие понятия, как «воля», «намерение», «стремление», «страсть», «внезапные, произвольные и преднамеренные действия» и устанавливал между ними корреляцию. Как отмечал философ, намерение по преимуществу связано с добродетелью и по нему лучше, чем по действию судить о характере. Внезапные действия он называл произвольными, но не преднамеренными; различал намерение и стремление. Все эти понятия сыграли значимую роль для формирования уголовно-правовых воззрений относительно вины, умысла и его видов.

6. Философы придавали большое значение степеням вины (Аристотель, Н. Макиавелли и др.). Выделением понятия «злой умысел» они, полагаем, указывали на различную степень общественной опасности видов вины.

7. Признание христианством «вины» и «виновности» оценкой поведения как «упречного» или «безупречного» имеет большое значение для уголовно-правовой трактовки вины (виновности): во-первых, оно свидетельствует о тождестве данных понятий; во-вторых, о наличии в вине оценочной составляющей и, в-третьих, о нравственном присутствии.

Постулат христианского учения о психическом, субъективном основании ответственности наряду с объективным, а именно тезис о том, что «лицо не может нести ответственность только за факт причинения вреда, необходимо еще установить характер его психического отношения к содеянному», во многом обусловили формирование психологической концепции вины.

Христианские религиозные воззрения признавали прямой умысел, который определяли терминами «злоумышление» и «намерение».

8. По Гуго Гроцию, все люди по природе своей склонны владеть и действовать. Значит, человек — не пассивен, а активен, соответственно, у него есть возможность активно проявлять свою волю, направлять ее на совершение поступков, выбирать поведение, которое может быть нравственным или безнравственным, виновным или невиновным.

9. Понятие вины Иммануил Кант рассматривал с позиции учения о долге, некоей шкале его исполнения, выделяя при этом преднамеренную, неумышленную и прирожденную вину. Последняя заключается в человеческом стремлении к злу, неисполнению долга как необходимости совершать добро во всей возможной полноте. Виновность, полагал философ, состоит не только в поступках, имевших злые последствия, но и в поступках, не имевших видимых злых последствий, но совершенных не ради долга.

10. Сторонники оценочной концепции вины, полагаем, взяли за основу суждение Г.В.Ф. Гегеля о том, что вина есть оценка факта совершения деяния, внешнее осуждение этого деяния.

11. Состояние правосознания оказывает влияние на виновность или невиновность человека, изначально служа условием совершения или несовершения преступления или иного волевого поступка (И.А. Ильин).

12. Согласно философским рассуждениям человек, наделенный разумом и положительными нравственными представлениями, способен приблизиться к идеалу нравственного совершенства, хотя и не способен полностью избавиться от своей вины. Еще одним свойством вины является невозможность переложить ее на кого-нибудь другого, что востребовано современной российской

уголовно-правовой доктриной и находит проявление в персональной ответственности лица, совершившего преступление.

Нравственная составляющая содержания вины сегодня также востребована на уголовно-правовой наукой. В частности, профессор Б.Т. Разгильдиев считает необходимым, чтобы вина обладала нравственным аспектом, и он отражался бы в ней самостоятельным признаком.

13. Теория абсолютной свободы оказала влияние на формирование в науке уголовного права взгляда на виновность как на «дефект воли» (Н.С. Таганцев), а также позволила выработать мнение о том, что внутреннее состояние личности создается свободой воли: злая воля, противопоставляясь воле доброй, рассматривалась как единственная причина преступлений; человек, совершавший какое-либо преступное деяние, считался проникнутым злой волей (И.Я. Фойницкий).

§ 2. Дискуссия о понятии вины в российской уголовно-правовой науке

Учение о вине в российской уголовно-правовой науке имеет сложную судьбу. Его развитие происходило через трактовку вины как одной из составляющей преступного деяния, важнейшего понятия уголовного права, от отождествления данного понятия с субъективной стороной преступления к признанию вины явлением внешнего мира, причинной связью, отказу от вины как субъективного признака преступления, через бурные дискуссии о сущности вины и ее назначении вновь к пониманию вины как важнейшего признака субъективной стороны преступления.

В современной российской уголовно-правовой доктрине теория вины занимает центральное место. В период постановки вопроса о подготовке и принятии в будущем нового Уголовного кодекса России проблема понимания вины актуализируется. Сложность данного явления и возможность высказать мнение,

отличное от мнения большинства, создали плодородную почву для возрождения уже забытых и отправленных «пылиться на полку» научных концепций и возникновения новых научных течений. На сегодня в российской уголовно-правовой науке помимо господствующей психологической концепции вины вновь «прорастает» оценочная (нормативная) и пустила достаточно мощные «корни» психолого-оценочная концепция вины. Данный вывод опирается на мнения ряда ученых.

Так, по мнению Ю.А. Язовских, в уголовно-правовой теории существует множество концепций вины, но базовыми являются три: 1) теория опасного состояния, когда вина лица за совершенное деяние подменяется опасностью личности (на таком понимании вины основаны антропологическая и позитивистская школы уголовного права); 2) оценочная (нормативная, этическая) теория, когда вина лица за совершенное деяние сводится к оценочной характеристике ее судом, формулируемой в его упреке; 3) психологическая теория, которая рассматривает вину как внутреннее субъективное отношение лица к совершенному деянию¹.

Г.В. Верина обращает внимание на существование в современной российской уголовно-правовой доктрине психологической, оценочной и психолого-оценочной концепций вины².

Т.Б. Недопекина отмечает, что в науке уголовного права, помимо психологической теории вины, обсуждаются оценочная, психолого-нормативистская (или психолого-оценочная) и теория опасного состояния³.

Психологическая концепция вины до недавнего времени представляла собой некий монолит, который, казалось, невозможно не только сдвинуть с

---

¹ См.: Язовских Ю.А. Проблемы вменения в российском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1998. С. 8.

² См.: Верина Г.В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности: проблемы теории и практики / под ред. Б.Т. Разгильдиева. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003. С. 331; *Ее же*. Субъективная сторона преступления // Уголовное право России: курс лекций: в 6 т. / под ред. Б.Т. Разгильдиева. Т. 2. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Сарат. гос. академия права», 2008. С. 326, 332.

³ См.: Недопекина Т.Б. Преступное легкомыслие: вопросы законодательного регулирования, проблемы теории и практики / под ред. Г.В. Вериной. М.: Юрлитинформ, 2011. С. 40.

места пьедестала, но и даже как-то «раскачать». Однако уже в начальный период действия Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. некоторые ученые подвергли сомнению традиционную трактовку вины и стало ясно, что психологическая концепция вины, хотя и не утратила своего господствующего положения, начала постепенно терять свое всеобъемлющее свойство. Над этой проблемой задумывались и предлагали ее решение С.В. Векленко, Г.В. Верина, А.В. Гребенюк, В.В. Лунеев, Г.В. Назаренко, А.В. Наумов, Т.Б. Недопекина, В.А. Нерсисян, Б.Т. Разгильдиев, А.И. Рарог, О.Д. Ситковская, С.В. Скляр, И.М. Тяжкова, В.А. Якушин, Ю.А. Язовских и др.

Почему возникла подобного рода необходимость? Чтобы ответить на поставленный вопрос, важно проанализировать доводы сторонников и оппонентов психологической концепции вины.

Суть психологической концепции сводится к тому, что вина — это психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию и его общественно опасным последствиям, выраженное в форме умысла или неосторожности¹. Подобным образом, с некоторой спецификой, определяют вину А.В. Наумов, Р.Р. Галиакбаров и др. В частности, А.В. Наумов отмечает, что вина — это психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию и его общественно опасным последствиям в форме умысла или неосторожности². Р.Р. Галиакбаров считает, что вина заключается в психическом отношении к содеянному и его последствиям в форме умысла или неосторожности³.

---

¹ См.: *Верина Г.В.* Дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности: проблемы теории и практики. С. 331; *Ее же.* Субъективная сторона преступления. С. 325.

² См.: *Наумов А.В.* Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М.: Изд-во БЕК, 1996. С. 206.

³ См.: *Галиакбаров Р.Р.* Уголовное право. Общая часть: учебник. Краснодар: Кубанский гос. аграрный ун-т, 1999. С. 146.

Более лаконично определяют вину авторы одного из учебных пособий, отмечая, что вина — это психическое отношение лица к совершаемому преступлению¹.

В.А. Якушин, наоборот, дает развернутое определение: вина обозначает связь внутреннего мира человека с совершаемым противоправным деянием в виде психического отношения к нему в определенных формах и является в силу этого одним из оснований субъективного вменения, квалификации содеянного, определения содержания и пределов уголовной ответственности за это деяние².

В этом определении нам импонирует указание автора на то, что вина обозначает связь внутреннего мира человека с совершаемым деянием. Однако нельзя не обратить внимания и на то, что данная дефиниция слишком объемная, излишне включающая аспекты значимости исследуемой уголовно-правовой категории. Вместе с тем в ней не уточнены формы вины, автор ограничился лишь указанием на то, что они есть, используя эпитет «определенные».

Солидаризируясь с Г.В. Вериной, отметим еще два негативных момента предложенного В.А. Якушиным определения вины: 1) понятие вины определено только как психическое отношение к общественно опасному деянию; о психическом отношении к общественно опасным последствиям ничего не сказано, что ориентирует только на преступления, составы которых по конструкции формальные; преступления с материальными составами остаются за рамками такого понимания вины; 2) излишне указание автора на уголовно-противоправный характер деяния³.

Права и Т.Б. Недопекина в том, что дефиниция вины, по В.А. Якушину, слишком громоздка для законодательного определения, и указание на то, что вина является основанием для субъективного вменения, квалификации содеян-

---

¹ См.: *Даурова Т.Г. и др.* Уголовное право: история и современность (вопросы Общей части): учеб. пособие / *Т.Г. Даурова, И.С. Алихаджиева, О.А. Лиценбергер, Е.Ю. Сергеева* / под ред. Т.Г. Дауровой. 2-е изд., испр. и доп. Саратов: Поволж. академия гос. службы им. П.А. Столыпина, 2009. — (Серия: Российское право). С. 106.

² См.: *Якушин В.А.* Субъективное вменение и его значение в уголовном праве. Тольятти: ТолПИ, 1998. С. 122.

³ См.: *Верина Г.В.* Субъективная сторона преступления. С. 329.

ного и определения уголовной ответственности не вносят ничего нового и лишают лаконичности законодательное понятие вины¹.

В рамках психологической концепции определяют вину С.В. Векленко и М.В. Бавсун, хотя вина как обязательный элемент любого преступления не должна, по их мнению, сводиться лишь к психическому отношению преступника к своему деянию, она всегда включает социально-правовую оценку анти-социального (в умышленных преступлениях) либо пренебрежительного (в неосторожных преступлениях) отношения к охраняемым уголовным законом ценностям². Данное определение вины также ориентировано только на формальные составы преступления, психическое отношение преступника к последствиям авторами не учтено.

Практически общепризнанным в уголовно-правовой доктрине является то, что психическое отношение лица к совершенному преступлению базируется на двух компонентах — интеллектуальном и волевом, что находит отражение на законодательном уровне. Например, в соответствии с ч. 2 ст. 25 УК РФ преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления. Осознание лицом общественной опасности своих действий (бездействия) и предвидение возможности или неизбежности наступления общественно опасных последствий теоретики уголовного права объединяют в интеллектуальный момент (компонент) прямого умысла, а желание наступления общественно опасных последствий признают волевым моментом данного вида умысла.

В уголовно-правовой литературе высказано также мнение о том, что вина помимо интеллектуального и волевого моментов включает в себя еще и эмоциональный. И.М. Тяжкова, например, отмечает, что вина, представляющая со-

---

¹ См.: *Недопекина Т.Б.* Указ. соч. С. 50; *Ее же.* Преступное легкомыслие (вопросы законодательного регулирования, теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2010. С. 67 – 68.

² *Векленко С.В., Бавсун М.В.* Уголовно-правовая оценка субъективной стороны состава преступления. С. 22.

бой психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному действию (бездействию) и его последствиям, включает в себя интеллектуальные, волевые и эмоциональные (чувственные) признаки. Интеллектуальные и волевые признаки, считает автор, учитываются законодателем при определении умысла и неосторожности как форм вины, эмоциональные же признаки — в процессе правоприменительной практики как обстоятельства, индивидуализирующие наказание¹.

По поводу вышеприведенной точки зрения заметим следующее: значимость эмоциональных признаков для индивидуализации уголовного наказания не может служить доказательством того, что они входят в понятие вины в качестве одного из ее компонентов. Видимо, законодатель не случайно не использует эмоции при определении видов вины, его дефиниции ориентированы на специфику работы сознания (интеллекта) и воли человека в момент совершения преступления. Влияние же эмоций на наказание и в ряде случаев на квалификацию преступления (например, ст. 106, 107, 113 УК РФ) обусловлено тем, что эмоции, являясь признаком субъективной стороны преступления, могут существенным образом влиять на степень общественной опасности преступления. Таким образом, с точки зрения психологической концепции предпочтительнее рассматривать вину и эмоции как самостоятельные признаки субъективной стороны преступления, качественно различающиеся по своим функциям, значимости для теории и практики уголовного права, но вместе с тем объединенные единым субъективным началом в один элемент состава преступления.

Вина, по мнению сторонников психологической концепции, — это, прежде всего, психическое отношение. Однако следует заметить, что термин «психическое» не совсем удачный сам по себе, ибо он ориентирует на состояние психики человека — здоровая психика человека или нет. Кроме того, концепция вины называется психологической, а понятие вины строится на психическом отношении к содеянному. В этом мы видим противоречие.

---

¹ См.: Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1. Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. М.: Изд-во ЗЕРЦАЛО, 1999. С. 299.

Целесообразно ли использовать в определении вины слово «психическое»? Как справедливо отмечает Б.Т. Разгильдиев, определять родовое понятие вины посредством категории «психика» значит «размывать» понятие вины, поскольку в этом случае невозможно будет формировать формы и виды вины. Именно поэтому, считает автор, уголовный закон, определяя виды вины, оперирует не словом «психика», а словами «сознание», «воля» применительно к умыслу, применительно же к неосторожности позиция законодателя еще более отдалена от понятия «психика»¹.

Г.В. Верина относительно психологической концепции вины высказывает критические замечания. В частности, она подчеркивает, что ряд законодательных положений трудно объяснить с позиции данной теории, и прежде всего те, которые требуют субъективного усмотрения суда, например, квалифицирующие признаки преступлений, основным понятием которых признаны значительный ущерб, иные тяжкие последствия. Сторонники психологической теории вины, далее отмечает автор, выделяют такое понятие, как содержание вины, в том числе социальное, включающее отрицательное отношение субъекта к господствующим социальным ценностям и одновременно негативную оценку государством поведения лица, выразившегося в совершении преступления². Правовед задает следующий вопрос: «Что это: уступка сторонникам оценочной концепции вины или признание того факта, что вина не может исчерпываться умыслом и неосторожностью?»³. Отвечает на него теоретик уголовного права следующим образом: «Хочется думать — второе, ибо осознание того, что сегодня нельзя игнорировать оценочную концепцию вины, очень важно. Полагаю, только комплексное психолого-оценочное понимание вины способно объяснить проблемы ответственности лиц за импульсивные и неосторожные преступле-

---

¹ См.: *Разгильдиев Б.Т.* Раздел I. Преступление по уголовному праву России и его категории. С. 108.

² См.: *Верина Г.В.* Концептуальные основы современного российского уголовного законодательства: противоречия и пути их преодоления // Вестник Саратовской государственной академии права. 2006. № 6 ⁽⁵²⁾. С. 104.

³ Там же.

ния, преступления, совершенные в состоянии тяжелой степени алкогольного опьянения и психофизиологического аффекта»¹.

Важное научное значение имеет обращение ученых к нравственной составляющей понятия вины. Так, Б.Т. Разгильдиев считает необходимым, чтобы вина обладала нравственным аспектом и он отражался бы в ней самостоятельным признаком. В настоящее время этот аспект, по мнению ученого, как бы предполагается и выражается в причиненном преступлением вреде. Преступный вред — это, конечно же, зло, констатирует правовед. Вместе с тем, если это зло не охватывалось осознанно-волевым отношением лица, его причинившего, оно продолжает оставаться таковым только объективно; зло приобретает объективно-субъективную окраску, когда охватывается виной лица².

С нашей точки зрения вина как абстрактное понятие, несомненно, может рассматриваться с позиции категорий нравственности через призму добра и зла. Поэтому мы согласны с тем, что преступление и вина в преступлении — это зло. Преступление есть одно из ярчайших проявлений безнравственного поступка, а в причиненном преступлением вреде выражается безнравственный аспект поведения. Когда лицо, совершившее преступление, осознало свою вину и раскаялось, появляются позитивно нравственные отголоски вины.

По мнению Б.Т. Разгильдиева, вина в ее нынешней интерпретации не охватывает понятие зла; сие будет возможным, когда в понятие вины будет включен специальный признак, отражающий ее нравственный аспект, который, по представлению исследователя, можно было бы выразить категорией «справедливость»³. В итоге ученый предлагает родовое понятие вины сформулировать следующим образом: «Вина — это осознанно-волевое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию, противоречащему справедливому удовлетворению своих интересов»⁴.

---

¹ Верина Г.В. Указ. соч. С. 104.

² См.: Разгильдиев Б.Т. Указ. соч. С. 112.

³ См.: Там же. С. 112 – 113.

⁴ Там же. С. 113.

Достоинство данного определения вины нам видится в указании на осознанно-волевое (вместо психического) отношение лица к совершаемому общественно опасному деянию. Вместе с тем анализируемое определение вины ориентировано только на преступления с формальным составом, так как в нем не учтено осознанно-волевое отношение к общественно опасным последствиям.

По справедливому замечанию Т.Б. Недопекиной, разнообразие мнений относительно понятия вины во многом обусловлено как сложностью исследуемого явления, так и плюрализмом теоретических концепций вины¹. Положение усугубляется тем, что в действующем уголовном законодательстве отсутствует понятие вины. Ряд авторов обоснованно считают необходимым включить в УК РФ 1996 г. дефиницию вины. Например, В.А. Нерсесян предлагает дополнить гл. 5 «Вина» УК РФ следующей нормой: «Вина — это предусмотренное уголовным законом психическое отношение человека в форме умысла или неосторожности к совершаемому им преступному деянию и его общественно опасным последствиям, выражающее негативное отношение к принятым в обществе ценностям»².

Выше мы приводили одно из определений вины, авторство которого принадлежит В.А. Якушину, отметив его позитивные и негативные качества. Однако в уголовном законе, по мнению названного автора, должно найти отражение несколько иное определение вины: вина — это «психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному и уголовно-противоправному деянию, выраженное в определенных законом формах, раскрывающих связь интеллектуальных, волевых и чувственных процессов психики лица с деянием и являющихся в силу этого основанием для субъективного вменения, квалификации содеянного и определения пределов уголовной ответственности»³.

По сравнению с первым, это определение вины еще объемнее. В него включены и чувственные процессы. Включение чувственных процессов в по-

---

¹ См.: Недопекина Т.Б. Преступное легкомыслие: вопросы законодательного регулирования, проблемы теории и практики. С. 48.

² Нерсесян В.А. Ответственность за неосторожные преступления: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2006. С. 24.

³ См.: Якушин В.А. Указ. соч. С. 122.

нимание вины вообще и в законодательное определение, в частности, считаем совершенно излишним, поскольку в отечественной уголовно-правовой теории настоящего периода под чувственными процессами подразумеваются эмоции, признаваемые самостоятельным, обособленным от вины, признаком субъективной стороны преступления.

В разные периоды развития уголовно-правовой доктрины ученые обращались к доводам сторонников трактовки вины, отличной от психологической концепции, зачастую ссылаясь на мнение Б.С. Утевского о том, что нельзя богатую содержанием проблему вины сводить только к умыслу и неосторожности как субъективной стороне состава преступления, притом в узком, формально-психологическом смысле, вина есть не только родовое понятие умысла и неосторожности, но и общее основание уголовной ответственности, предполагающее морально-политическую оценку всех объективных и субъективных обстоятельств, характеризующих деяние и деятеля¹.

Взгляды Б.С. Утевского на понятие вины по-разному оценивались в уголовно-правовой литературе. Например, И.С. Ной одобрительно к ним относился. Он, в частности, отмечал, что теоретическая концепция вины, суть которой заключается в том, что вина есть умысел или неосторожность, выраженные в совершении преступления, подвергалась обоснованной критике². Вместе с тем нельзя согласиться с Т.Б. Недопекиной в том, что И.С. Ной был сторонником оценочной концепции вины³. Правильнее будет сказать, что в своей научной статье «Новое в трактовке основных уголовно-правовых понятий» (1982 г.) он призывал ученых к научной дискуссии о вине, понимая то, что вина не может исчерпываться умыслом или неосторожностью, но в тот период времени они не откликнулись и дискуссия не состоялась.

По мнению В.В. Лунеева, Б.С. Утевский пытался преодолеть пропасть между уголовно-правовой теорией и репрессивной практикой, апологетически

---

¹ См.: Утевский Б.С. Вина в советском уголовном праве. М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1950. С. 9, 62.

² См.: Ной И.С. Новое в трактовке основных уголовно-правовых понятий // Советское государство и право. 1982. № 7. С. 96.

³ См.: Недопекина Т.Б. Указ. соч. С. 52.

приспосабливая свою теорию к существующим реалиям; его книга, показав нежелательную правду, вызвала бурную дискуссию, и оценочная теория вины была признана антинаучной и вредной¹.

В вышедшей в свет в 1957 г. монографии «Уголовная ответственность за неосторожность» В.Г. Макашвили понятие вины определял так: «Вина, которая выражается в психическом отношении лица к противоправно причиненному последствию, дает возможность связать совершенный поступок с внутренним миром лица и рассматривать деяние как проявление всей его личности»². Однако при внимательном прочтении всей работы мы обнаружили, что ее автор придавал большое значение оценочному моменту вины. Так, В.Г. Макашвили писал, что «...понятие вины характеризуется двумя основными признаками. Первый признак — это психическое отношение лица к совершаемому им поступку и вызванному им общественно опасному последствию. Вторым признаком — это оценочный момент вины, неразрывно связанный с определенным психическим отношением и указывающий на его осуждаемый характер. Момент морального осуждения имеет для понятия вины существенное значение, так как оправдывает уголовную ответственность не только с точки зрения государственной необходимости и целесообразности, но и с точки зрения нравственных представлений, господствующих в социалистическом обществе»³.

Полагаем, вышеприведенные высказывания В.Г. Макашвили могут свидетельствовать о том, что он не был ярым сторонником психологической концепции вины, хотя открыто об этом не говорил. С учетом существующих в современной уголовно-правовой доктрине концепций вины его можно отнести к представителям психолого-оценочной концепции.

Вместе с тем рассуждения автора пронизаны классовым, партийным подходом, обусловленным особенностями того исторического этапа развития государства, когда он издавал свою работу, что находит выражение, например, в та-

---

¹ См.: *Лунеев В.В.* Субъективное вменение. М.: Спарк, 2000. С. 29.

² *Макашвили В.Г.* Уголовная ответственность за неосторожность. М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1957. С. 5.

³ Там же. С. 11.

ком изречении: «...вина в советском уголовном праве есть психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию в форме умысла или неосторожности, заслуживающее осуждения с точки зрения социалистического правопорядка и коммунистической нравственности»¹.

Представляет научный интерес вывод В.В. Лунеева о том, что большинство советских ученых 30–80-х гг. XX столетия фактически разделяли оценочную теорию вины, однако сам термин «оценочная» ими отвергался².

В настоящий период развития российской уголовно-правовой доктрины в среде ученых есть сторонники оценочной теории вины. Так, С.В. Складов высказался за внедрение в российское уголовное законодательство оценочной теории вины, связывает вину со степенью осознания лицом характера и содержания действий и их последствий, которая определяется судом на основе собранных, проверенных и оцененных доказательств в порядке, установленном Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации. Он считает, что вина как оценка судом степени осознания лицом характера и содержания совершаемых им действий и их последствий была отвергнута советской наукой уголовного права исключительно по идеологическим причинам³.

Однако идея С.В. Складова о внедрении в российское уголовное законодательство оценочной теории вины встретила резкую критику со стороны В. Филимонова. Он полагает, что доводы С.В. Складова в пользу внедрения в законодательство оценочной теории не выдерживают никакой критики. Оценочная теория вины, далее отмечает В. Филимонов, была отвергнута в советской науке уголовного права вовсе не по идеологическим причинам; по этим причинам она не могла быть отвергнута уже хотя бы потому, что советская теория уголовного права понимала под оценкой обвиняемого и его действий оценку партийную. Порок оценочной теории, по мнению автора, состоял главным образом в том, что она выдвигала наряду с узким понятием вины как пси-

---

¹ Макашвили В.Г. Указ. соч. С. 10 – 11.

² См.: Лунеев В.В. Указ. соч. С. 28.

³ См.: Складов С. Проблемы определения понятия вины в уголовном праве России // Уголовное право. 2003. № 2. С. 71.

хического отношения лица к содеянному еще и более широкое понятие вины — как основания уголовной ответственности, что вело к отказу от признания состава преступления единственным основанием уголовной ответственности, открывало путь при рассмотрении уголовных дел для широкого усмотрения суда¹.

Мы не можем поддержать критическую позицию В. Филимонова в отношении оценочной концепции вины. На наш взгляд, наоборот, рассмотрение вины в качестве основания уголовной ответственности, наряду с узким понятием вины как психического отношения лица к содеянному, есть достоинство оценочной теории вины. Отказ же от признания состава преступления основанием уголовной ответственности — более чем правильный, ибо человек (физическое лицо — согласно ст. 19 УК РФ) не может отвечать за законодательную модель преступления, коей состав преступления и является. Не случайно в ст. 8 УК РФ закреплено: «Основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом»². Законодатель не называет состав преступления основанием уголовной ответственности, он говорит о совершении деяния, содержащего совокупность объективных и субъективных признаков состава преступления. Деяние, содержащее совокупность объективных и субъективных признаков состава преступления, и есть преступление. Поэтому в рамках данной дискуссии правильнее признать основанием уголовной ответственности не состав преступления, а факт совершения преступления. В связи с этим уместно процитировать высказывание А.П. Козлова о том, что «гораздо продуктивнее признавать основанием уголовной ответственности *совершение преступления*, а не искусственную фиктивную конструкцию состава преступления»³.

---

¹ См.: Филимонов В. Теоретические проблемы учения о вине в уголовном праве // Уголовное право. 2004. № 3. С. 69.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая 1996 г. (в ред. от 6 июля 2016 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 (дата обращения: 27.07.2016).

³ См.: Козлов А.П. Уголовная ответственность и формы реализации. Красноярск: Изд-во Красноярского гос. аграрного ун-та, 2013. С. 115.

Нежелание ученых прислушиваться друг к другу так и будет продолжать процесс дистанцирования психологической и оценочной концепций вины. Несомненно, здесь сказывается фактор длительного господства в российской уголовно-правовой науке психологической концепции вины, когда отклонение от общепризнанной точки зрения признавалось инакомыслием, его клеймили позором и без каких-либо вразумительных доводов объявляли ненаучным, несостоятельным. Подобная ситуация наблюдалась в 50-е, 80-е годы истории российской уголовно-правовой науки. Достаточно вспомнить стремление Б.С. Утевского и попытку И.С. Ноя возродить дискуссию о понятии вины. Как отмечают редколлегия научно-практического журнала «Российский криминологический взгляд» и Т.Г. Даурова, «И.С. Ной был автором оригинальных научных воззрений, многие из которых вначале вызывали непонимание и даже неприятие»¹. Сегодня — это приверженность С.В. Складорова оценочной теории вины и ее критика В. Филимоновым.

Несмотря на противостояние сторонников психологической и оценочной концепций вины, ряд ученых предприняли серьезные усилия для их сближения. Как утверждают Дж. Флетчер и А.В. Наумов, в теории уголовного права широко распространено мнение о том, что умышленная вина должна включать в себя оценку антисоциального, а неосторожная — оценку пренебрежительного отношения виновного к охраняемым уголовным законом интересам². Вместе с тем А.В. Наумов признает вину не только юридически-психологической категорией, но и оценочной³.

По мнению Г.В. Назаренко, в случае совершения преступления вина обнаруживает антисоциальное либо пренебрежительное отношение индивида к

---

¹ См.: *Редколлегия журнала, Даурова Т.Г.* Ной Иосиф Соломонович: Человек, Ученый, Гражданин (к 85-летию со дня рождения) // *Российский криминологический взгляд*. 2008. № 1 (13). С. 36.

² См.: *Флетчер Дж., Наумов А.В.* Основные концепции современного уголовного права. М.: Юристъ, 1998. С. 244.

³ См.: *Наумов А. В.* Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. С. 206.

правовым запретам, связывает внешне противоправное с внутренне порочным и социально опасным¹.

Как психическое отношение лица в форме умысла или неосторожности к совершаемому им общественно опасному деянию, в котором проявляется анти-социальная, асоциальная либо недостаточно выраженная социальная установка этого лица относительно важнейших социальных ценностей, определяет вину А.И. Рарог. В отрицательном (что характерно для умысла) либо пренебрежительном, или недостаточно внимательном (что характерно для неосторожности) психическом отношении к основным социальным ценностям, проявившемся в конкретном преступном деянии, автор видит социальную сущность вины². И в более поздних изданиях он остался приверженцем этой позиции³.

Считаем, в этом определении есть признаки вины не только с точки зрения психологической концепции вины, но и с точки зрения концепции оценочной, хотя сам автор настаивает на том, что его понимание вины не выходит за рамки психологической концепции вины.

Ю.А. Язовских отмечает, что в понятии вины присутствуют элементы как оценочной, так и психологической теорий, однако определяет вину как умысел или неосторожность (можно сказать, не отходит от психологической концепции), но при этом не упоминает о самом главном — психическом отношении к содеянному. В прямом умысле автор видит чисто психологические элементы, а в небрежности — чисто оценочные⁴.

Необходимо согласиться с Г.В. Вериной в том, что в рассуждениях Ю.А. Язовских есть противоречие: он утверждает, что психологическая теория вины себя исчерпала, а неосторожность не может быть формой вины, поскольку у лица, совершающего деяние по неосторожности, отсутствует психическое

---

¹ См.: Назаренко Г.В. Вина в уголовном праве. Орел: [Б. и.], 1996. С. 37.

² См.: Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб.: Изд-во «Юрид. центр Пресс», 2003. С. 74, 78.

³ См.: Уголовное право России. Части Общая и Особенная: курс лекций / А.И. Рарог, Г.А. Есаков, А.И. Чучаев, В.П. Степалин / под ред. А.И. Рарога. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2011. С. 37.

⁴ См.: Язовских Ю.А. Указ. соч. С. 19 – 20, 21 – 22.

отношение к преступному результату. Если психологическая теория вины себя исчерпала (что противоречит высказыванию о сочетании в вине как элементов психологической теории, так и оценочной), зачем обосновывать невозможность признания неосторожности формой вины отсутствием психического отношения к преступному результату? Если, как отмечает Ю.А. Язовских, в неосторожности присутствуют оценочные элементы, а в вине — как элементы оценочной теории, так и психологической, то почему с позиции психолого-оценочной теории вины не признавать умысел и неосторожность формами вины, тем более что он сам определяет вину как умысел или неосторожность? Если же согласиться с тем, что неосторожность формой вины не является, то более последовательным представляется вывод о том, что неосторожность и вина — понятия несовместимые¹.

А.В. Гребенюк пишет, что вина — это не только предположение судьи, суда или оценка, которая возникает в сознании судьи². Значит, можно сказать, что вина — это и предположение судьи, суда или оценка, которая возникает в сознании судьи, и что-то еще, о чем автор не говорит.

Г.В. Верина пришла к выводу, что в действующем уголовном законе России закреплена психолого-оценочная теория вины, а вина — это не только умысел или неосторожность, но и отрицательная оценка от имени государства всех объективных и субъективных признаков, характеризующих преступление и преступника³.

Данную идею поддержали Д.А. Гарбатович, Т.Б. Недопекина и др. Д.А. Гарбатович, в частности, отмечает, что сущность вины заключается во взаимодействии «психологической» и «оценочной» концепций вины, что дает основание говорить о смешанной природе вины⁴. Т.Б. Недопекина заявляет о

---

¹ См.: Верина Г.В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности: проблемы теории и практики: дис. ... докт. юрид. наук. Саратов, 2003. С. 235.

² См.: Гребенюк А.В. Вина в российском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2004. С. 16.

³ См.: Верина Г.В. Субъективная сторона преступления. С. 332.

⁴ См.: Гарбатович Д. Природа вины при превышении пределов необходимой обороны // Уголовное право. 2006. № 3. С. 20.

своей приверженности психолого-оценочному пониманию вины и высказывает мысль о том, что оно может стать базой для установления неосторожного интеллектуально-волевого отношения виновного к содеянному¹.

Проведенный нами экспертный опрос теоретиков-юристов дает основание сделать вывод о том, что психолого-оценочную концепцию вины разделяют: 1) доктора юридических наук: Б.Т. Разгильдиев, Ю.И. Бытко, Г.В. Верина и др. и 2) кандидаты юридических наук: Е.В. Евстифеева, Е.В. Кобзева, М.М. Лапунин, Н.И. Насиров, Е.В. Пономаренко, Р.А. Севостьянов, Е.В. Христофорова, О.В. Шляпникова и др. Из 35 респондентов — практических работников (следователи, прокуроры, судьи) 19 признали психолого-оценочную концепцию вины отвечающей потребностям правоприменительной деятельности. Неподдельное удивление вызывает то, что 12 экспертов данной группы одобчительно относятся к оценочной концепции вины, в то время как психологическую концепцию вины наиболее правильной признали только 4 человека. Среди студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «юриспруденция» (опрошено 62 чел.), 56 человек признали психолого-оценочную концепцию вины наиболее убедительной. И это несмотря на то, что в высших учебных заведениях в процессе чтения лекций психологическая концепция вины подается как общепризнанная в теории уголовного права и именно ей уделяется основное внимание. Нас подобные результаты не удручают, а, скорее, наоборот, радуют.

Соглашаясь с авторами — сторонниками психолого-оценочной концепции вины, обратим внимание на некоторые аргументы в ее пользу. Выводы о виновности суд делает на основе оценки всех объективных и субъективных обстоятельств, характеризующих преступление и преступника. Чтобы ответить на вопрос, признавало ли лицо общественно опасный характер деяния, предвидело ли общественно опасные последствия либо могло и должно было их предвидеть, необходимо выяснить уровень интеллекта личности, его знаний, навыков, его опыт и т.д. и сопоставить все это с событиями происшедшего, т.е. произведе-

---

¹ См.: Недопекина Т.Б. Указ. соч. С. 51.

сти соответствующую оценку. Важно и то, что присяжные заседатели выносят свой вердикт, не решая вопроса квалификации преступления, а значит, заключение о невиновности возможно даже при наличии умысла или неосторожности. Нам импонирует мнение, что названные обстоятельства свидетельствуют, во-первых, о том, что умысел или неосторожность необходимы, но не достаточны для вердикта суда присяжных о виновности лица в совершении преступления. Поэтому без умысла или неосторожности лицо не может быть признано виновным в совершении преступления, но одного их наличия тоже не всегда достаточно для такого признания. Во-вторых, выводы суда присяжных представляются объективным вменением лишь с позиции психологической теории вины. Если же прислушаться к доводам сторонников оценочной теории вины, то деятельность суда присяжных следует охарактеризовать как соответствующую принципу вины. Следует согласиться и с тем, что именно психолого-оценочная теория вины позволит объяснить уголовную ответственность лиц, совершивших преступление по неосторожности, а также в состоянии тяжелой степени опьянения и психофизиологического аффекта. Мы разделяем позицию, согласно которой в действующем уголовном законе закреплена психолого-оценочная теория вины, а вина — не только психологическая, но и оценочная категория. Поэтому вина — это не только умысел или неосторожность, но и отрицательная оценка от имени государства всех объективных и субъективных признаков, характеризующих преступление и преступника¹.

С учетом сказанного предлагаем определить в ч. 1 ст. 24 УК РФ понятие вины следующим образом: «Вина — это осознанно-волевое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию и его общественно опасному последствию, выраженное в форме умысла или неосторожности, получившее отрицательную оценку от имени государства».

Подводя итог дискуссии о понятии вины, важно также констатировать, что учение о вине развивается по эволюционному пути. Среди основных тенденций современного этапа развития учения о вине необходимо выделить сле-

---

¹ См.: *Верина Г.В.* Указ. соч. С. 331 – 332.

дующие: 1) в российской уголовно-правовой науке наблюдается плюрализм мнений ученых по данной проблеме; 2) наряду с психологической теорией вины востребованы оценочная и психолого-оценочная концепции; 3) продолжается дискуссия сторонников психологической и оценочной концепций вины; 4) ученые предпринимают серьезные шаги по сближению различных взглядов на понятие вины; 5) психологическая концепция вины продолжает сохранять доминирующие позиции; 6) теоретики уголовного права предлагают наполнить содержание вины нравственным аспектом; 7) понятие вины рассматривается во взаимосвязи с категорией «справедливость».

Глава II. ВИНА В УМЫШЛЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ: РОССИЙСКОЕ УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И УГОЛОВНО- ПРАВОВАЯ ТЕОРИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ

§ 1. Становление и эволюция понятия вины в умышленных преступлениях в российском уголовном законодательстве и уголовно-правовой теории досоветского периода

Как отмечал Никколо Макиавелли, «история — наставница наших поступков»¹. Она учит нас не только правильно понимать события, явления прошлого и настоящего, но и прогнозировать будущее.

Уместно вспомнить мысль Огюста Конта о том, что всякая концепция может быть правильно понимаема только тогда, когда известна ее история². Не исключение и феномен вины в умышленных преступлениях. Полагаем, исторический подход позволит нам сформулировать более правильную систему воззрений по избранной теме диссертационного исследования. Изучение проблемы вины в умышленных преступлениях с точки зрения исторического развития значимо также для ее комплексного познания.

Понятия «умысел», «умышленная вина» интересовали мыслителей с момента зарождения уголовно-правовой науки. Первые научные труды российских ученых в области уголовного права, дошедшие до наших дней и попавшие в поле нашего зрения, датируются первой половиной XIX столетия. С точки зрения историко-правового познания умышленной вины научный интерес представляет творческое наследие С.И. Баршева, А.Ф. Бернера, М.Ф. Владимирского-Буданова, Д.А. Дриля, В.В. Есипова, А.Д. Киселева, Н.А. Неклюдова,

---

¹ *Макиавелли Н.* О том, как надлежит поступать с восставшими жителями Вальдикьяны // *Макиавелли Н.* Государь: сочинения исторические и политические. Сочинения художественные: сб. / пер. с итал. Г. Муравьевой, Н. Томашевского, Е. Солоновича и др.; примеч. М. Андреева, Р. Светлова. М.: Эксмо, 2009. — (Зарубежная классика). С. 9.

² Цит по: *Дриль Д.А.* Учение о преступности и мерах борьбы с нею / с прилож. портр. авт. и ст. М. Слобожанина, акад. А.Ф. Кони, проф. Максима Ковалевского и акад. В.М. Бехтерова. СПб.: Изд-во «Шиповникъ», 1912. С. 24.

И. Неймана, П.П. Пусторослева, Н.С. Таганцева, В.Д. Спасовича, Г.С. Фельдштейна и др. Мнение ученых досоветской эпохи — самоценно как научное наследие.

Вышеобозначенные аспекты и составят предмет нашего исследования в рамках настоящего параграфа диссертационной работы.

Научные воззрения М.Ф. Владимирского-Буданова имеют важное значение для осмысления становления и дальнейшего развития института вины в умышленных преступлениях и, в частности, его точка зрения о выделении трех периодов истории уголовного права: 1) период мести и частных композиций, 2) период устрашающих кар и 3) период наказаний, основанных на вменении. В истории русского уголовного права исследователь также обозначил три периода, совпадающие с исторической периодизацией государственного права: 1) уголовное право Русской Правды, 2) уголовное право Московского государства и 3) уголовное право Империи¹.

В научной литературе высказаны и другие точки зрения по данному вопросу. Так, по мнению Д.А. Дриля, в истории уголовного права можно выделить четыре периода: 1) период общинно-родового быта: это период господства обычая, междуродовых войн, кровавой мести, композиций или выкупов за вредоносные действия; 2) период развития политического общества, развития государственности: это период писаных законов, необузданного возмездия или мести, жестоких пыток и казней, клеймения, пожизненного обесщивания, устрашения и терроризирования; 3) период философской мысли, начавшейся гуманизации, постепенного смягчения кары, зарождения, развития и господства классической школы уголовного права и 4) период новейший: это период научного изучения явлений преступности и действительных средств борьбы с нею, период господства стремлений воздействовать в сфере общественной и индивидуальной на самые причины преступности².

---

¹ См.: Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Изд. 5-е, книгопродавца Н.Я. Оглоблина. СПб.; Киев: Лито-тип. Тов-ва И.Н. Кушнеревъ и К^о, 1907. С. 316.

² См.: Дриль Д.А. Указ. соч. С. 24 – 25.

Марк Косвен считал, что понятие вины было известно еще догосударственному обществу славян, о котором писал так: «Славянская вина по коренному смыслу есть не что иное, как «причина». Сюда присоединяется значение «ответственности» и затем до сего времени сохраняющееся значение материального, денежного долга. Отсюда выражения «платить по вине смотря», т.е. платить по объему причиненного ущерба, затем выражения «виноват», «виновен» или «повинен», т.е. «причинен» и «должен» — в смысле именно денежного обязательства, например, «повинен я уплатить». Отсюда же выражение «искупить вину» — в значении уплатить долг. <...> в основном, генетически унаследованном своем значении «виновность» есть идея материального долга за причиненный ущерб, а «наказание» — не что иное, как оплата этого долга, уголовный платеж»¹.

Взгляды Д.А. Дриля, М.Ф. Владимирского-Буданова и М. Косвена на историю уголовного права можно назвать в какой-то мере взаимодополняющими, только М.Ф. Владимирский-Буданов, в отличие от других авторов, не рассматривает догосударственный, общинно-родовой период.

Вышеназванные периоды приходятся на историю развития российского уголовного права досоветской эпохи, но именно они и представляют для современной уголовно-правовой науки особый интерес в силу их малой изученности.

Уголовные законодательства ранней формации, писал Г.С. Фельдштейн, довольствовались принципом объективного вменения, обосновывающего ответственность лица за наступивший результат, деяние которого явилось его причиной. Право древнерусское в смысле господства порядка объективного вменения не представляет собой исключения. Так, в Правде Ярослава в делах по убийству основным принципом была месть². Подтверждением тому служит ст. 1 Правды Ярослава: «Убьеть муж(ь) мужа, то мьстити брату брата, или сы-

¹ Косвен М. Преступление и наказание в догосударственном обществе. М.; Л.: Гос. изд-во, 1925. С. 132, 133.

² См.: Фельдштейн Г.С. Психологическія основы и юридическая конструкція формъ виновности въ уголовномъ правѣ. Постановленія Моисеева и римскаго права: изслѣдованіе. М.: Т-во типо-лит. В. Чичерин въ Москвѣ, 1903. С. 38, 41, 49, 50.

нови отца, любо отцю сына, или братучаду, любо сестрину сынови; аще не будеть кто мьстя, то 40 гривен за голову»¹.

Однако здесь следует уточнить, что само по себе поощрение кровной мести еще не исключает принципа вины.

В Правде Ярослава, являющейся составной частью Краткой редакции текста по академическому списку Правды Роськой, мы нашли доказательство ответственности за чужую вину, о чем, в частности, свидетельствует ст. 17: «Или холоп ударить свободна мужа, а бежить в хором, а господин начнеть не дати его, то холопа пояти, да платить господин за нь 12 гривне; а за тым, где его налезуть ударенныи той мужь, да бьють его»².

В Правде сыновей Ярослава³, по словам Г.С. Фельдштейна, продолжало узаконяться то же слепое объективное вменение. Однако именно в Правде сыновей Ярослава начинают впервые выделяться менее наказуемые категории субъективного свойства, но и в них еще нет упоминания об умысле⁴, несмотря на то, что была установлена уголовная ответственность, например, за убийство в разбое (по действующему российскому уголовному законодательству признается умышленным преступлением): «А иж(е) убьють огнищанина в разбои, или убища не ищуть, то вирное платити, в неи же вири голова начнеть лежати»⁵ (ст. 20 Краткой редакции текста по академическому списку Правды Роськой).

Более поздняя Пространная редакция Суд Ярославль Володимерич Правда Руськая⁶ (иными словами, Пространная редакция Русской Правды) предусматривала термины «вина», «виноват», «обвинить». Понятие «вина» предстает в таком контексте: «Не терпя ли противу тому ударить мечемь, то вины ему в

¹ Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 1. Законодательство Древней Руси / отв. ред. В.Л. Янин. М.: Юрид. лит-ра, 1984. С. 47.

² Там же. С. 48.

³ В историко-правовой литературе вторая часть Краткой редакции Русской Правды (начиная со ст. 19) носит название Правды Ярославичей (подробнее об этом см.: Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 1. Законодательство Древней Руси / отв. ред. В.Л. Янин. С. 58).

⁴ Фельдштейн Г.С. Указ соч. С. 51.

⁵ Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 1. Законодательство Древней Руси / отв. ред. В.Л. Янин. С. 48.

⁶ См.: Там же. С. 64 – 73.

томь нетуть» (ст. 26)¹. В ст. 88 использован термин «виноват»: «Аже кто убиеть жену, то тем же судом судити, яко же и мужа; аже будеть виноват, то пол виры 20 гривен»². Об обвинении, установлении виновного сказано в ст. 85: «Ты тяже все судять (с) послухи свободными; будеть ли послух холоп, то холопу на правду не вылазити; но оже хоцеть истец, или иметь и, а река тако: по сего речи емлю ти, но яз емлю тя, а не холоп, и емети и на железо; аже обинити и, то емлеть на немь свое; не обинить ли его, платити ему гривна за муку, зане по холопьи речи ял и»³.

В Уставе князя Ярослава о церковных судах (Краткая редакция)⁴ термин «вина» использовался в значении наказания, например: «Аже сын бьеть отца или мать, да казнять его волостелскую казнию, а епископа в вине»⁵ (ст. 32). В Пространной редакции Устава князя Ярослава о церковных судах понятие вины предстает в двух аспектах: 1) наказания и 2) вины в поступке. Первый аспект прослеживается в ст. 47 Устава: «Аще кто что поганое съять по своей воли, или кобылину, или медведину, или ино что отреченое, митрополиту в вине и в казни»⁶, а второй — в ст. 53: «А сими винами разлучити мужа с женою. <...> <...> 3). А се 3-я вина, аще подумаеть жена на своего мужа или зелием, или инеми людьми, или иметь что ведати мужа еа хотять убити, а мужу своему не скажеть, а опосле объявиться, и разлучити и»⁷.

Понятие «вина» встречается также в Оленинской редакции Устава князя Владимира Святославича о десятинах, судах и людях церковных (конец XII –

¹ Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 1. Законодательство Древней Руси / отв. ред. В.Л. Янин. С. 65.

² Там же. С. 70.

³ Там же.

⁴ В.О. Ключевский происхождение Устава кн. Ярослава относил к первой половине XII века (см.: Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 1. Законодательство Древней Руси / отв. ред. В.Л. Янин. С. 164).

⁵ Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 1. Законодательство Древней Руси / отв. ред. В.Л. Янин. С. 170.

⁶ Там же. С. 192.

⁷ Там же.

первая половина XIII в.): «Аще их кто внидет в вину, судити тех митрополиту и епископом опрочи мирян»¹ (ст. 11).

В Новгородской Судной грамоте о суде и о закладе на наездники и на грабещики², в частности, ст. 10, субъективные признаки преступления представлены в словосочетании «кого утяжут ... на виноватом»: «А кто на ком пощет наезда, или грабежа в земном деле, ино судити наперед наезд и грабеж, а о земли после суд, а кого утяжут в наезде и в грабежи, ино взять великим князем и Великому Ноугороду на виноватом, на боярине пятьдесят рублев, а на житьем двадцать рублев, а на молодцем десять рублев; а истцю убытки подоймет; а о земле суд, а не будет суда в Новегороде, а о наезде и о грабеже суд»³. В приведенной норме прослеживается дифференциация ответственности в зависимости от субъектных свойств виновного лица.

По Псковской Судной грамоте (крупнейший памятник права феодальной раздробленности на Руси) степень вины влияла на наказание, что подтверждается, например, ст. 8: «Что бы и на посад(е) но крадется ино дважды с пожаловати, а изличив казнити по его вине, и в третий ряд изли(чи)в, живота ему не дати, крам кромьскому татю»⁴. Важно обратить внимание и на положения ст. 59, где шла речь о «виноватом человеке» и о наказании в соответствии с его виной: «А тым подверником быть от князя человеку а от Пскова человеку же, а целовать им на том крест, што праваго не погубити, а виноватаго не оправить, а со всякого суда имати им денга одна обема, на виноватом человеки»⁵.

Подводя резюме древнерусскому периоду права, Г.С. Фельдштейн отмечал: «Въ эпоху мести и ея неограниченной допустимости моментъ объективный былъ единственнымъ факторомъ уголовной реакціи противъ нарушителя. Но

¹ Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 1. Законодательство Древней Руси / отв. ред. В.Л. Янин. С. 140.

² Вопрос о времени составления данного памятника права Древней Руси до сих пор остается дискуссионным: исследователи относят ее к разным годам (1440, 1446, 1456) XV в. (см.: Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 1. Законодательство Древней Руси / отв. ред. В.Л. Янин. С. 303).

³ Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 1. Законодательство Древней Руси / отв. ред. В.Л. Янин. С. 304.

⁴ Там же. С. 332.

⁵ Там же. С. 337.

вмѣстѣ съ тѣм, какъ мечь начала, по цѣлому ряду соображеній, все болѣе и болѣе ограничиваться, законодатель сталъ искать въ самомъ объективномъ моментѣ отраженія тѣхъ субъективныхъ сторонъ деятельности, которыя могли и должны были по логикѣ вещей вліять на размѣры и родъ уголовной реакціи»¹.

Важно обратить внимание на суждение М.Ф. Владимирского-Буданова о том, что в эпоху Русской Правды (XI – XIII вв.) присутствовали явственные, хотя и несовершенно развитые признаки уголовного вменения, когда преступником могло быть только лицо, обладающее свободной волей и сознанием².

О зачатках субъективного вменения в российском праве Н.С. Таганцев писал следующим образом: «Въ нашемъ правѣ первые зачатки вмѣненія внутренняго встрѣчаются еще въ Русской Правдѣ, различавшей, напр., убійство злоумышленное, въ разбоѣ, «безъ всякія свады», отъ убійства «на пиру явлено», въ ссорѣ»³.

Анализ памятников права Древней Руси и научных трудов М.Ф. Владимирского-Буданова, Д.А. Дриля, Н.С. Таганцева, Г.С. Фельдштейна, М. Косвена дает основание высказать предположение, что умысел и умышленная вина начали формироваться в период мести и частных композиций (период Русской Правды), иными словами, в древнерусском праве появляется некий пролог умышленной вины.

Поэтому трудно согласиться с мнением С.В. Векленко и М.В. Бавсуна о том, что история развития субъективной стороны (следовательно, и умышленной вины) преступления начинается с середины XIX столетия⁴. На наш взгляд, генезис института вины в умышленных преступлениях можно датировать XI веком.

---

¹ *Фельдштейн Г.С.* Психологическія основы и юридическая конструкция формъ виновности въ уголовномъ правѣ. Постановленія Моисеева и римскаго права. С. 52.

² *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзоръ исторіи русскаго права. С. 321.

³ *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. Часть Общая: лекции. Изд. 2-е, пересм. и доп. СПб.: Гос. Тип., 1902. Т. 1. С. 563.

⁴ См.: *Векленко С.В., Бавсун М.В.* Уголовно-правовая оценка субъективной стороны состава преступления. С. 9.

В Московском государстве русское уголовное право вступает, по классификации М.Ф. Владимирского-Буданова, в период устрашающих кар, но вместе с тем государство продолжает действовать и как частный мститель, стараясь воздать злом за зло¹.

Судебник 1497 года (лет а 7006-го месяца септемвриа уложил Князь Великий Иван Васильевич Всея Руси с детми своими и с бояры о суде, как судити бояром и околничим) выделял понятие «ведомый лихой человек», в частности, в ст. 10 было сказано: «А государскому убойце и коромолнику, церковному татю, и головному, и подымщику, и зажигалнику, ведомому лихому человеку живота не дати, казнити его смертною казнию»².

По мнению авторов комментария к Судебнику 1497 г., лихим человеком мог быть признан любой, в том числе конкретного деяния не совершавший, но сочувствующий требованиям народа; им могло быть и оговоренное лицо, виновность которого подтверждалась крестным целованием (присягой) оговаривающих³, что, на наш взгляд, свидетельствует о сохранении объективного вменения в тот период времени. Вместе с тем анализируемый памятник права сохранил термин «виноватый»: «А с великого князя суда и с детей великого князя суда имати на виноватом по тому же, как и с боярского суда, с рубля по два алтына, кому князь велики велит»⁴ (ст. 21), подтверждающий субъективное в нем начало.

Судебник 1550 года (лет а 7000 пят десят осмаго июня Царь и Великий Князь Иван Васильевич Всеа Русии с своею братьею и з бояры сесь судебник уложил: как судити бояром, и околничим, и дворецким, и казначеем, и дьяком, и всяким приказным людем, и по городом наместником, и по волостем волостелем, и тиуном и всяким судьям) определял наказание в соответствии с виной и «сверх вины», о чем свидетельствует ст. 6: «А кто виноватой солжет на бояри-

¹ Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. С. 343.

² Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / отв. ред. А.Д. Горский. М.: Юрид. лит., 1985. С. 55.

³ См.: Там же. С. 68 – 69.

⁴ Там же. С. 56.

на, или на околничего, или на дворецкого, или на казначея, или на дьяка, или на подъячего, а обыщетца то в правду, что он солгал, и того жалобника, сверх его вины, казнити торговою казною, бити кнутъем, да вкинути в тюрьму»¹.

По мнению М.Ф. Владимирского-Буданова, осуждение людей по судебникам основывалось не на материальном вреде, а на внутренней оценке их нравственной испорченности², что нам представляется весьма спорным. Подтверждением тому служат вышеприведенные нормы Судебников 1497 и 1550 гг.

Губная белозерская грамота (1539 г.) называет ряд преступлений, признаваемых действующим российским уголовным законодательством умышленными, среди них: грабежи, разбои, убийства: «Били естя нам челом о том, что у вас в тех ваших волостях многие села и деревни разбойники разбивают и животы ваши грабят, и села и деревни жгут, и на дорогах многих людей грабят и разбивают, и убивают многих людей до смерти» (ст. 2)³.

По Приговору Церковно-земского собора 1580 года, января 15 основанием ответственности могла быть признана «благословенная вина»: «И яко же убо по монастырем сия запустеваху, а х тому от мирских живущее прилагаху, не такмо ж по благословенной вине, но и с ухищрением и тяжкою, и прибытка никакого же несть, но разве токмо по монастырем в пустош изнуряетца на пьянственные и на инья проторы»⁴.

В Указе о наказании фальшивомонетчиков (не позднее 1637 г. февраля 10)⁵ мы находим термины «заведомо», «невинные люди», «кто, воров ведая, не

---

¹ Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / отв. ред. А.Д. Горский. С. 97 – 98.

² Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. С. 344.

³ Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / отв. ред. А.Д. Горский. С. 213.

⁴ Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 3. Акты Земских соборов / отв. ред. А.Г. Маньков. М.: Юрид. лит., 1985. С. 27.

⁵ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Тексты / подготовка текстов Р.Б. Мюллер; под ред. Н.Е. Носова. Л.: Изд-во «Наука», ленинградское отделение, 1986. — (Серия: Законодательные памятники Русского централизованного государства XV – XVII веков). С. 175.

известит...», свидетельствующие об учете субъективной составляющей при решении вопроса уголовной ответственности и уголовного наказания названной категории преступников. Заведомость присутствует в таком контексте Указа: «А впредь указали есмь: кто воровское денежное дело заведет матошники и чеканы резать, или кто деланные купит и учнет воровские денги делать, или учнет воровские денги заведомо покупать в нашем государстве или за рубежом и ими торговать, и тем вором велим заливати горло по-прежнему безо всякия пощады»¹.

Изучение Соборного Уложения 1649 г.² позволило нам сделать вывод о том, что ему были известны умышленная вина и умышленные преступления. Так, в ст. 4 гл. II «О государьской чести, и как его государьское здоровье оберегать а в ней 22 статьи» Уложения закреплялось: «А будет кто умышлением и изменою город загжжет, или дворы, и в то время, или после того зажигальщик изыман будет, и сыщется про то его воровство допряма, и его самого зжечь безо всякого милосердия»³.

М.Ф. Владимирский-Буданов отмечал, что в Уложении XVII в. назван умысел при приготовительных действиях, о чем свидетельствует, например, такое положение: «...кто учнетъ мыслить на государево здоровье злое дѣло ...казнить смертию» (II, 1), а умысел несвободного человека на жизнь своего господина наказывался отсечением руки (Уложение, XXII, 8)⁴.

Целесообразно воспроизвести полный текст ст. 1 гл. II Соборного Уложения 1649 г.: «Будет кто каким умышлением учнет мыслить на государьское здоровье злое дело, и про то его злое умышление кто известит, и по тому извету про то его злое умышление сыщется допряма, что он на царское величество злое дело мыслил, и делать хотел, и такова по сыску казнить смертию»⁵.

¹ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Тексты / подготовка текстов Р.Б. Мюллер; под ред. Н.Е. Носова. С. 175.

² См.: Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 3. Акты Земских соборов / отв. ред. А.Г. Маньков. С. 83 – 257.

³ Там же. С. 86.

⁴ См.: Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. С. 350.

⁵ Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 3. Акты Земских соборов / отв. ред. А.Г. Маньков. С. 86.

В процитированном тексте научный интерес представляет то, что термин «умышленье» повторяется в одной статье, по сути, три раза, а также то, что законодатель различал простой и злой умыслы. Можно сказать, что в Соборном Уложении 1649 г. (по сравнению со всеми предшествовавшими памятниками права) институт вины в умышленных преступлениях получил более совершенное юридическое оформление.

В качестве итога анализа второго рассматриваемого периода русского уголовного права отметим, что терминология «заведомо», «внутренняя оценка их нравственной испорченности», «кто учнетъ мыслить», «умысел несвободного человека», «умышленье», «злое умышленье» и др. может рассматриваться как подтверждение того, что субъективные признаки преступления, интеллектуально-волевое содержание деяния вошли в законодательную базу русского уголовного права Московского государства.

Уголовное право, и как отрасль права, и как система научных воззрений, получило наибольший расцвет в период Российской империи, что обусловлено уровнем развития самого государства. Сказанное имеет непосредственное отношение и к институту вины в умышленных преступлениях.

Основной целью уголовного права указанного периода, отмечал М.Ф. Владимирский-Буданов, признается благо общества, раздражение против преступника сменяется хладнокровным изысканием средств оградить общество от вреда, а наказания стараются устанавливать на основании условий вменения¹.

В узаконениях Петра Великого, в частности, Артикуле воинском (1715, апреля 26)² для характеристики субъективной составляющей преступлений использовались такие понятия, как: «нарочно», «ненарочно», «неволею», «вина», «виновен», «виновный», «намерение», «с умыслом», «от неосторожности», «от неосторожности внезапно» и др. Свидетельством тому может служить артикул 27, входящий в гл. 3 — о команде, предпочтении и почитании вышних и ниж-

---

¹ См.: Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. С. 371.

² См.: Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 3. Акты Земских соборов / отв. ред. А.Г. Маньков. С. 327 – 365.

них офицеров, и о послушании рядовых: «Буде офицеру или салдату в его величества службе от начальника своего что управить повелено будет, а он того из злости или упрямства не учинит, но тому нарочно и с умыслом противитися будет, оный имеет хотя вышний, или нижний, всемерно живота лишен быть»¹.

Представляет научный интерес артикул 87, согласно которому «С свечео и с огнем имеет всяк в своей квартире осторожно и бережно ходить, и ежели каким небрежением и винностию офицерскою или салдатскою пожары в квартирах учинятся, тогда виноватый в том имеет убыток по судейскому разсуждению заплатить, и сверх того по рассмотрению наказан быть.

Толкование. А ежели учинится сие с умыслу, тогда виноватый в том наказан будет, яко зажигалщик. А буде же невинно и от неосторожности внезапно: тогда оный от наказания свободен быть имеет. Ибо о внезапном случае никто ответу дать не должен»².

С точки зрения материального права научный интерес представляет также Устав благочиния или полицейский (1782 г., апреля 8)³, несмотря на то, что он, главным образом, регламентировал уголовно-процессуальные вопросы. В нем употреблялись термины и словосочетания: «вина», «с намерением», «без намерения». Так, в ст. 100 гл. Ж «О частном пристава и его должности» части первой названного Устава предусматривалось: «Буде же кто уголовного преступника имать не станет, либо поиманного не отдаст, или о уголовном преступлении или уголовном преступнике не уведомит частного пристава, о том частный пристав предложит управе благочиния, да изследует, его ли виною не представил или не уведомил частного пристава»⁴, а в ст. 105 этой же главы закреплялось: «В случае уголовного преступления противу обитания, изследовать 1) о обитании над каким учинено? 2) о действии что учинено? 3) о способе или

---

¹ Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 3. Акты Земских соборов / отв. ред. А.Г. Маньков. С. 333.

² Там же. С. 343.

³ См.: Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма / отв. ред. Е.И. Индова. М.: Юрид. лит., 1987. С. 324 – 387.

⁴ Там же. С. 347.

орудии чем учинено? 4) о времени когда учинено? 5) где учинено? 6) о околичностях объясняющих с намерением или без намерения, и утверждающих или обличающих как учинено? и 7) преступника кем учинено?»¹.

Авторы научных трудов начала XIX в. выделяли неумышленные и умышленные преступления, преступления, учиненные с намерением и без такового. В сочинении (1814 г.) профессора И. Неймана мы нашли следующие суждения: «Общая безопасность нарушается преступлениями, учиненными как с намерением, так и без намерения, а наказание сопрягается с ними для предупреждения оных и в сем рассуждении может иметь действие и в неумышленных, равно как и в умышленных преступлениях»².

В труде Г.И. Солнцева 1820 г. дано такое понятие умышленных преступлений: «Умышленными преступлениями (ср. *dolosa*) именуется те, кои предприняты и производятся со злым умыслом и обдуманностью намерения <...> Злоумышление (*dolus*) или злонамерение есть обдуманное злобное предположение и направление воли преступника к производству какого-либо деяния, уголовным законом противного и нарушение прав известного какого-либо рода в себе содержащего, т.е. когда кто-либо ведает, что предприемлемое или деяние само по себе есть зловредное и законам уголовным противное и правомерное наказание за собой влекущее, за всем тем обдуманно располагается совершать оное»³.

Ординарный профессор Московского университета доктор права С.И. Баршев в 1841 г. отмечал: «Внешнее действие, в котором преступление обнаруживается, может состоять или в прямом отношении к свободной воле действующего, или не в прямом; отсюда рождаются сами собою две главные формы внешнего проявления преступления, злой умысел и неосторожная ви-

---

¹ Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма / отв. ред. Е.И. Индова. С. 348.

² Начальные основания уголовного права: сочинение Профессора Ивана Неймана. СПб.: Тип. И. Иоаннесова, 1814. С. 33.

³ Российское уголовное право, изложенное Гавриилом Солнцевым (Казань 1820) / под ред. и с вступ. ст. о Г.И. Солнцева Г.С. Фельдштейна. Ярославль, 1907. С. 59, 78.

на»¹. Злой умысел автор рассматривал в качестве самого предосудительного вида проявления преступной воли, когда лицо, совершая противозаконное действие, «желает того, что в нем есть преступного и запрещенного законами»². По мнению ученого, злой умысел характеризуется двумя условиями: 1) сознанием преступности предпринимаемого действия и 2) желанием совершить это действие³.

Теоретик различал степени злого умысла: 1) определенный злой умысел (*dolus determinatus*), которому присваивали самую высшую степень злого умысла, при котором воля действующего лица прямо направлена к правонарушению, возникающему из действия этого лица; 2) неопределенный злой умысел (*dolus indeterminatus*), при котором правонарушительное действие не имеет определенной цели, однако совершается преступником с намерением произвести какое-нибудь предвиденное им последствие и 3) случайный злой умысел (признаваемый менее общественно опасным по сравнению с определенным злым умыслом), проявляющийся в том, что преступник желает достичь одной, не столь преступной цели, чем та, которую в действительности достигает, каждую из которых предвидит и желает в той или иной степени⁴.

В завершение анализа позиции С.И. Баршева важно подчеркнуть, что умысел определялся им как форма внешнего проявления преступления.

Научные достижения анализируемого периода нашли отражение в законодательстве. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (1845 г., августа 15)⁵ примечательно тем, что законодательно закрепляло деление преступлений на умышленные и неумышленные, а в умышленных преступлениях выделяло степени вины. Статья 5 отделения первого «О существе преступлений

---

¹ Общие начала теории и законодательств о преступлениях и наказаниях: соч. Императорского Московского Университета Ординарного Профессора, Доктора Прав Сергея Баршева. В 2-х разд. М.: В Университет. Тип., 1841. Разд. I. С. 100.

² Там же.

³ См.: Там же.

⁴ См.: Общие начала теории и законодательств о преступлениях и наказаниях: соч. Императорского Московского Университета Ординарного Профессора, Доктора Прав Сергея Баршева. В 2-х разд. М.: В Университет. Тип., 1841. Разд. II. С. 115 – 116.

⁵ См.: Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 6. Законодательство первой половины XIX века / отв. ред. О.И. Чистяков. С. 174 – 309.

и проступков» гл. 1 «О существе преступлений и проступков и о степенях вины» разд. 1 «О преступлениях, проступках и наказаниях вообще» данного Уложения констатировала: «Преступления и проступки суть умышленные и неумышленные»¹, а ст. 6 устанавливала степени вины: «В преступлениях и проступках умышленных различаются две степени: 1-я, когда противозаконное деяние учинено вследствие не внезапного, а заранее обдуманного намерения или умысла; 2-я, когда оно учинено хотя и с намерением, но по внезапному побуждению без предумышления»².

Вместе с тем законодательство не могло не оказывать влияния на умы ученых. Концептуальный подход к пониманию умысла как форме внешнего проявления преступления, нашедший выражение в трудах С.И. Баршева, в последующем постепенно преодолевался. Думаем, этому поспособствовало именно Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Свидетельством же таких перемен могут служить воззрения В.Д. Спасовича, который, с одной стороны, внутреннюю сторону преступления (следовательно, вину и, в частности, умысел) рассматривал как проявление объективной стороны, с другой — признавал вину субъективной стороной преступления.

Сделанный нами вывод проистекает уже из того, что понятие умысла В.Д. Спасович анализировал в рамках разд. IV «Внутренняя объективная сторона преступления: воля и знание» подготовленного им учебника по уголовному праву. Как отмечал сам автор, настоящий раздел имеет своим предметом вину как субъективную сторону преступления³. В этих словах он поставил знак равенства между понятиями «вина» и «субъективная сторона преступления», что свидетельствует о широком и глубоком «сосуде» вины. В современный период развития уголовно-правовой науки данная позиция продолжает «жить», а

---

¹ Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 6. Законодательство первой половины XIX века / отв. ред. О.И. Чистяков. С. 174.

² Там же.

³ См.: Учебник уголовного права, составленный В. Спасовичем. Т. I (вып. 1, 2). СПб.: В тип. Иосафата Огризко, 1863. С. 142, 143.

ее автор имеет своих последователей. В частности, подобное суждение было высказано П.С. Дагелем и Д.П. Котовым в 1974 г.¹

С точки зрения научного познания любопытно и то, что разд. III своего учебника В.Д. Спасович назвал «Внешняя сторона преступления: действие и дело»², не указав при этом, что внешняя сторона преступления есть объективная сторона преступления, тогда как, судя по названию разд. IV, внутреннюю сторону преступления почему-то отнес к объективной стороне преступления. Конечно же, с точки зрения канонов современной уголовно-правовой теории подобная расстановка акцентов вызывает недоумение. Возможно, сложившаяся ситуация была создана технической ошибкой при издании труда В.Д. Спасовича. Убежденность в этом усиливается, когда читаем, например, следующие слова автора: «Преступление имеет две стороны: объективную (действие внешнее с его последствиями) и субъективную (руководимая знанием воля)»³, которые соотносятся как содержание и форма, как дух и тело. А еще далее и сам ученый-правовед отмечал, что разд. III учебника посвящен разбору только одной объективной стороны преступления⁴.

Однако сказанное может служить одним из возможных объяснений анализируемой научной позиции.

Как мы выше отмечали, С.И. Баршев признавал умысел формой внешнего проявления преступления. Может быть, это повлияло на точку зрения В.Д. Спасовича и не позволило ему окончательно размежевать объективную и субъективную стороны преступления.

Важное научное значение имеет признание В.Д. Спасовичем того факта, что виновность субъекта в деянии допускает «бесчисленное множество постепенностей и оттенков»⁵. «Умыслом, — писал исследователь, — называется то

---

¹ См.: Дагель П.С., Котов Д.П. Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1974. 243 с.

² См.: Учебник уголовного права, составленный В. Спасовичем. Т. I (вып. 1, 2). С. 130 – 142.

³ Там же. С. 130.

⁴ См.: Там же. С. 130, 131.

⁵ Там же. С. 150.

настроение воли преступной, когда субъект действовал намеренно, <...> и с предвидением последствий, иными словами, когда он решился на злое дело заведомо <...>, причем все равно, желал ли он этих последствий или нет. Если он их предвидел, то, решаясь на преступление, он взял их на свою душу, на свою ответственность»¹. Намерение автор определял как «сознание возможности произвести перемену в мире внешнем, подействовавшее на решимость и руководившее преступником при исполнении»².

Таким образом, в более поздний период (50-е гг. XIX столетия) развития уголовно-правовой мысли наблюдается постепенный, хотя достаточно болезненный, отход от понимания умысла как частного случая внешнего проявления преступления.

В 1865 г. А.Ф. Бернер отмечал, что под умыслом в уголовном праве «...разумеется степень глубины и решимости преступной воли. Прежде чем субъект начинает действовать во внешнем мире, он внутренне советуется сам с собою. <...> При осуществлении умысла ... прежде всего необходим, — подчеркивал также правовед, — энергетический приступ к внешней природе (решимость). Затем результат этой деятельности есть уже достигнутое последствие (намерение). А, в заключение, в этом последнем субъект почерпает свое удовлетворение (цель). Итак, движение воли исходит из цели и в ней же находит и свое окончание»³.

Более десятка лет спустя Н.А. Неклюдов назвал воззрения А.Ф. Бернера на умысел самым простым выводом о данном понятии, отмечая при этом, что умышленность действий, по Бернеру, предполагает: а) мотив (цель); б) намерение, т.е. желание осуществить цель при помощи известного преступления и в) решимость совершить это преступление⁴.

---

¹ Учебник уголовного права, составленный В. Спасовичем. Т. I (вып. 1, 2). С. 153.

² Там же. С. 154.

³ *Бернер А.Ф.* Учебник уголовного права (части общая и особенная) / с пер., прим., прилож. и доп. по истории русского права и законодательству положительному Магистра Угол. Пр. Н. Неклюдова. Т. 1. Часть общая / изд. Н. Неклюдова. СПб., 1865. С. 463, 462.

⁴ *Общая часть уголовного права (конспект) Магистра прав Н.А. Неклюдова* / изд. «Русской книжной торговли». СПб.: Тип. П.П. Меркульева, 1875. С. 53.

Если принять трактовку Н.А. Неклюдова, А.Ф. Бернер в умысел включал мотив и цель (отождествляя их), которые, с точки зрения современного состояния учения о субъективной стороне преступления, признаются ее самостоятельными признаками. Намерение, как и решимость, совершить преступление, сегодня относятся к «голому» умыслу, не таящему в себе общественной опасности. Однако они могут свидетельствовать о различной степени внутренней, психологической готовности лица реализовать свой преступный замысел. Вместе с тем в решимости присутствует уверенность лица в том, что его замысел следует реализовать, в то время как намерение более индифферентно.

Ссылаясь на Беккера, Н.А. Неклюдов высказал и замечания в адрес суждения А.Ф. Бернера на умысел, подчеркнув при этом, что уже Беккер совершенно справедливо замечал, что средняя ступень (имеется в виду намерение, т.е. желание осуществить цель при помощи известного преступления) не только излишня, но и не всегда возможна, так как на практике нередко нельзя отделить намерение от решимости. Вместе с тем Н.А. Неклюдов считал, что мотив или цель, как правило, имеют значение лишь обстоятельства, увеличивающего или уменьшающего вину. В итоге ученый пришел к выводу, что умысел есть решимость на известное действие или бездействие¹.

«Вина в обширном смысле (*causa*), — по мнению П.Д. Калмыкова, — есть причина, из которой преступное событие произошло как следствие. Она разделяется на случайную и вменяемую, смотря по тому: происходит ли событие независимо от произвола человека или по его воле. Случайная вина (*casus*) не имеет видов; вменяемая подразделяется на умысел (*dolus*) и *culpa* (безпечность или неосторожность), и подразделение это зависит от различной степени участия воли в событии. <...> Вменяемая вина ... есть та, в которой воля человека участвует в большей или меньшей степени. <...> Умысел состоит в том, что человек совершает зло, им вполне сознаваемое и желаемое; чтобы был умысел, должны существовать: 1) знание преступности деяния..., 2) воля к исполнению

---

¹ См.: Общая часть уголовного права (конспект) Магистра прав Н.А. Неклюдова. С. 53 – 54.

деяния и 3) действительное его совершение; ... в душе преступника, составившего умысел, можно различать три момента: обдумание, решимость и приступ к исполнению»¹.

П.Д. Калмыков выделял также виды умысла: 1) предумышление и умысел в порыве души; 2) определенный (*dolus determinatus*) и неопределенный (*dolus indeterminatus, s. eventualis*)².

Если рассуждать с точки зрения современной трактовки видов умысла, то следует заметить, что автор не говорил о прямом и косвенном умысле. Вместе с тем эвентуальный умысел присутствовал в его классификации, но он отождествлялся с умыслом неопределенным. В уголовно-правовой теории настоящего периода термин «эвентуальный» используется для обозначения умысла косвенного.

Согласно позиции С. Будзинского в развитии вины принимают участие чувство, мышление и воля, вместе с тем свобода и сознание — два существенных условия вины и ответственности. Умышленная вина представлена двумя видами: 1) прямой, определенный умысел и 2) неопределенный, разнообразный, переменный. При прямом (определенном) умысле виновный предвидел и хотел известного последствия, при неопределенном (разнообразном, переменном) умысле виновный предвидел и согласился на одно из предвиденных им последствий³.

Два вида умысла, выделяемые С. Будзинским, не имеют единого критерия, если их признаки анализировать с точки зрения российской уголовно-правовой теории настоящего периода. Понятие прямого умысла во многом напоминает современную дефиницию одного в действующем российском уголовном законодательстве. Однако теоретик ставил знак равенства между прямым и определенным умыслами, которые в настоящее время представляют разные его

---

¹ Учебник уголовного права профессора П.Д. Калмыкова, изданный А. Любавским. Часть Общая. Часть Особенная. СПб.: Тип. Тов-ва «Общественная Польза», 1866. С. 109, 111.

² См.: Там же. С. 111, 112.

³ Будзинский С. Начала уголовного права: сочинение. Варшава: Главный склад в книжных магазинах Кожанчикова в С. Петербурге, Варшаве и Казани, 1870. С. 150, 145, 149.

классификации. Наряду с этим прямой умысел может быть как определенным, так и неопределенным. Понятие косвенного (эвентуального) умысла нам не встретилось в анализируемом труде. Вместе с тем вызывает удивление отнесение автором к «неумышленной вине» так называемой беспечности, при которой виновный предвидел последствие, но не желал его¹. Сегодня и российский законодатель, и теория уголовного права признает такое сочетание результатов работы интеллекта и воли косвенным умыслом.

А.Ф. Кистяковский умыслом называл намерение совершить противозаконное действие для достижения противозаконного последствия, известной цели. Ученый-правовед выделял отличительные признаки умышленных правонарушений: 1) согласие или гармония между желанием субъекта и тем делом, которое в действительности осуществляется; 2) действие, производящее преступный результат, не может не произвести его; 3) последствие есть не только предвиденный и неизбежный, но и желаемый результат действия².

С позиции интеллектуальных и волевых компонентов прямого и косвенного умыслов, выделяемых действующим Уголовным кодексом РФ (1996 г.), труднее всего поддается идентификации первый из названных А.Ф. Кистяковским признак умысла. Он напоминает причинно-следственную связь между деянием и последствием, которая с позиции современных устоявшихся теоретических представлений не имеет отношения к умышленной вине и вообще — к субъективной стороне преступления. Второй признак, по А.Ф. Кистяковскому, можно понять как характеристику категории «неизбежность». Третий признак особых проблем не вызывает, более того, он тождествен волевому компоненту прямого умысла, закрепленного в ч. 2 ст. 25 УК РФ.

В рассуждениях А.Ф. Кистяковского отчетливо просматривается корреляционная связь между умышленной виной и прямым умыслом. Подтверждением тому может служить следующая мысль автора: «... умышленные преступ-

---

¹ См.: Будзинский С. Указ. соч. С. 149.

² См.: Кистяковский А.Ф. Элементарный учебник Общего уголовного права с подробным изложением Начал Русского Уголовного Законодательства. Часть Общая. 2-е изд., испр. и значит. доп. Киев: Тип. И. и А. Давиденко, 1882. С. 369 – 370.

ления суть желаемые последствия сознательно совершенных для их осуществления противозаконных действий»¹. Совершенство данной дефиниции вызывает неподдельный восторг, а то, что сформулированный в ней интеллектуальный компонент умысла не нашел отражения в отличительных признаках умышленных правонарушений — удивление.

Согласно Уложению о наказаниях уголовных и исправительных (изд. 1885 г.)² «Преступления и проступки суть *умышленные* или *неумышленные*»³ (ст. 3), а «Въ преступленияхъ и проступкахъ умышленныхъ различаются двѣ степени: *первая*, когда противозаконное дѣяніе учинено вслѣдствіе не внезапнаго, а заранѣе обдуманнаго намѣренія или умысла; *вторая*, когда оно учинено хотя и съ намѣреніемъ, но по внезапному побужденію безъ предумышленія»⁴ (ст. 4).

В Уложении выделялись также обстоятельства, увеличивающие вину и наказание: «Вина учинившаго какое либо преступленіе, а съ тѣмъ вмѣсте и мѣра слѣдующаго за сіе наказанія увеличиваются по мѣрѣ того: 1) Чѣмъ болѣе было умысла и обдуманности въ дѣйствіяхъ преступника; 2) Чѣмъ выше были его состояніе, званіе и степень образованности...»⁵ (ст. 129).

Особый научный интерес представляет позиция В.В. Есипова, уже в 1898 г. пришедшего к следующему выводу: «Учение о внутренней стороне каждого преступного деяния есть учение об отношении внутреннего личного состояния виновника преступления к самому преступлению, как проявлению этого внутреннего состояния во вне»⁶. Правовед также писал: «При умысле личное состояние виновного отличается положительным напряжением сознательных и волевых способностей для достижения известных преступных целей; <...>

¹ Кистяковский А.Ф. Указ. соч. С. 369.

² См.: Сводъ законовъ Россійской имперіи. Полный текстъ всѣхъ 16 томовъ, согласованный съ послѣдними продолженіями, изданными въ порядкѣ ст. 87 Зак. Осн., и позднѣйшими узаконеніями. Въ пяти книгахъ / подъ ред. и съ прим. И.Д. Мордухай-Болтовского; сост.: Н.П. Балкановъ, С.С. Войтъ и В.Э. Герценбергъ. Книга пятая. Т. XIII—XVI. СПб.: Русское Книжное Тов-во «Дѣятель». Т. XV. С. 1 – 195.

³ Там же. С. 1.

⁴ Сводъ законовъ Россійской имперіи. Книга пятая. Т. XIII—XVI. С. 1.

⁵ См.: Там же. С. 13.

⁶ Есипов В.В. Очеркъ русскаго уголовнаго права. Часть Общая: преступленіе и преступники. Наказаніе и наказуемые. СПб.: Тип. Н.В. Васильева, 1898. С. 181.

умышленное преступление есть проявление во вне этого личного состояния преступности»¹.

К элементам умысла В.В. Есипов относил желание и сознание. Желание в умысле им понималось как желание воспользоваться средствами преступления, желание непосредственного результата действия этих средств и желание окончательного результата действия этих средств. Кроме того, желание, по мнению В.В. Есипова, проявляется в ряде отдельных моментов: 1) мотиве преступления, 2) намерении и 3) конечной цели. Мотив определялся в качестве стимула, побуждающего к деятельности; намерение — в качестве того пути, по которому должна быть достигнута порожденная мотивом преступная цель и цель — конечного пункта, к которому направлен, порожденный известным мотивом и воплотившийся в форме определенного намерения. Сознание как форму понимания совершаемого и возможность предвидения его результатов правоведа считал определяющим признаком умысла².

С учетом приведенных положений можно констатировать: позиция В.В. Есипова свидетельствует об излишне широком понимании умысла, который, в сущности, отождествлялся с субъективной стороной преступления в устоявшейся в современной российской уголовно-правовой доктрине трактовке. Следует признать, что точка зрения В.В. Есипова в вопросе о соотношении вины, ее форм и субъективной стороны преступления созвучна воззрению В.Д. Спасовича. Важно также заметить, что в трудах В.В. Есипова, как и А.Ф. Кистяковского, мы не нашли деления умысла на прямой и косвенный. Суть умысла, по мнению В.В. Есипова, выражалась в сознании и желании. Иными словами, теоретик уголовного права признавал только прямой умысел, если учитывать современное законодательное решение вопроса о видах умысла.

В научном труде Г.Е. Колоколова мы находим определение виновности через психическое отношение у содеянному: «Виновность в тесном смысле есть

---

¹ *Есипов В.В.* Указ. соч. С. 181

² См.: Там же. С. 182, 183, 185.

необходимое для уголовной ответственности психическое отношение субъекта к совершаемому им преступному деянию»¹.

Приведенная дефиниция виновности представляет собой привычное для настоящего времени понимание вины сторонниками психологической концепции, только в ней не хватает указания на психическое отношение к последствиям, обязательным для оконченных материальных составов преступлений. Можно также предположить, что Г.Е. Колоколов ставил знак равенства между понятиями «виновность» и «вина».

Злой умысел автор определял как хотение, направленное на то или иное деяние, стремясь тем самым распространить его не только на материальные, но и формальные составы преступлений².

Таким образом, в истории науки российского уголовного права можно выделить период (преддверие и время действия Уложения о наказаниях уголовных и исправительных издания 1885 г.), когда умышленная вина ограничивалась прямым умыслом.

Николай Степанович Таганцев — это целая эпоха, а его труды — кладезь научных знаний. А.В. Наумов охарактеризовал Н.С. Таганцева таким образом: «Масштаб личности Таганцева так велик, так значителен вклад в историю развития отечественной юриспруденции, да и в целом в историю России, что имя его может олицетворять преданное и беззаветное служение Родине, веру в торжество закона»³.

Вершиной научного творчества Н.С. Таганцева признается его Курс лекций по русскому уголовному праву 1902 г. издания⁴, на котором мы сосредоточим свое внимание далее.

---

¹ Уголовное право. Общая часть: курс лекций ординарного профессора Г.Е. Колоколова, составленный студентами Императорского Московского Ун-та. М.: Типо-Лит. Келлерь, 1899 – 1900. С. 251.

² См.: Там же. С. 254 – 255.

³ *Наумов А.В.* К 165-летию со дня рождения Николая Степановича Таганцева (1843 – 1923) // Российский криминологический взгляд. 2008. № 1 (13). С. 23.

⁴ См.: Там же. С. 25.

По мнению Н.С. Таганцева, в уголовной несправде (преступлении) исключительное значение имеет внутренняя сторона, оттенки вины¹, «... уголовная вина и основанное на ней вѣнненіе въ вину извѣстнаго факта ... предполагаетъ не только виновность физическую, но и виновность психическую — наличность или умысла, или неосторожности ... <...> умышленною виною мы называемъ такую, въ коей лицо, сознавая совершаемое и его результаты, сознавая, что оно посягаетъ на приказъ или запретъ юридической нормы, направляетъ свою дѣятельность по этому пути, или, по крайней мѣрѣ, безразлично относится къ этимъ послѣдствіямъ своего дѣйствія»². Значение вины проявляется в том, что «...уголовная отвѣтственность обуславливается виновностью лица: будетъ ли это вина умышленная, будетъ ли это небрежность, виновность все равно предполагается наличность реальной, а не фиктивной воли, <...> имѣетъ дѣло съ субъектами, способными чувствовать, мыслить и сознавать совершаемое»³.

Н.С. Таганцев также отмечал, что понятие преступного деяния включает в себе два момента: внешний — воспрещенное законом посягательство и внутренний — виновность или преступную волю⁴.

Уголовное уложение 22 марта 1903 г.⁵ в вопросе о видах умышленной вины сделало большой шаг вперед. Согласно ст. 48 отделения пятого «О видах виновности» названного Уложения «Преступное дѣяніе почитается *умышленнымъ* не только когда виновный желалъ его учиненія, но также когда онъ сознательно допускалъ наступленіе послѣдствія, обуславливающаго преступность сего дѣянія»⁶.

---

¹ См.: Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть Общая: лекции. Изд. 2-е, пересм. и доп. СПб.: Гос. Тип., 1902. Т. 1. С. 107.

² Там же. С. 410.

³ Там же. С. 372.

⁴ См.: Там же. С. 562.

⁵ См.: Уголовное уложение 22 марта 1903 г. Съ мотивами, извлеченными изъ объяснительной записки редакціонной комиссіи, представленія Мин. Юстиціи въ Государственный Совѣтъ и журналовъ — особаго совѣщанія, особаго присутствія департаментовъ и общаго собранія Государственнаго Совѣта / изд. Н.С. Таганцева. СПб., 1904. 1125 с.

⁶ Там же. С. 92.

Данная законодательная дефиниция давала почву для выделения не только прямого умысла, но и косвенного, однако теория уголовного права основное свое внимание сосредотачивала на понятии умышленной вины.

Так, А.Д. Киселев в научном труде, изданном в начале XX в., резюмировал: все криминалисты согласны с тем, что умысел есть такое преступное действие или бездействие, которое сознается виновным¹.

Из этого определения автор делает вывод о том, что понятие умышленной вины охватывает внутреннее состояние личности в самый момент перехода к исполнению преступления и в этот момент виновный сознает свое действие (бездействие), переживая то своеобразное состояние духа, сопровождаемое чувством деятельности, когда в сознании получает действительный перевес какое-нибудь одно представление и чувство, немедленно затем и осуществляемое².

Резюме А.Д. Киселева о том, что умысел есть такое преступное действие или бездействие, которое сознается виновным, противоречит его же выводу о том, что умышленная вина охватывает внутреннее состояние личности. Почему был сделан такой вывод? Возможны несколько вариантов ответа, например: 1) автор считал общепринятой позицию криминалистов и свое суждение об умысле взаимодополняемыми; 2) понимал неправильность трактовки умысла как преступного действия, а противопоставлять себя общепринятому на тот момент суждению относительно умысла было нельзя.

Чем бы ни руководствовался в своих научных воззрениях по данному вопросу А.Д. Киселев, ясно одно: его высказывание «понятие умышленной вины охватывает внутреннее состояние личности», имело огромное значение для развития учения о вине в умышленных преступлениях в период научного творчества автора и в последующие годы. В современный период развития уголовно-правовой науки оно продолжает оставаться значимым для уяснения сути вины в умышленных преступлениях.

---

¹ См.: *Киселев А.Д.* Психологическое основание уголовной ответственности. Харьков: Типо-Лит. «Печатное Дѣло», 1903. С. 73

² См.: Там же. С. 73 – 74.

По мнению Г.С. Фельдштейна, изложенному в монографической работе, опубликованной в Москве так же в 1903 г., как и труд А.Д. Киселева, «... каждое преступление, как бы ни была различна природа его, должно в субъективном отношении вызывать в действующем некоторую деятельность психического свойства, ставить на очередь вопрос о том, каким условиям должна удовлетворять эта деятельность и к чему должен сводиться в своих конечных элементах тот процесс, который на разговорном языке обозначается термином воли»¹.

В российской уголовно-правовой теории начала XX столетия выделялась категория «виновность», которая включалась в понятие преступного деяния, само же преступное деяние признавалось признаком состава преступления. В частности, П.П. Пусторослев отмечал, что субъективной, или внутренней, составной частью преступного деяния является виновность человека в учинении внешнего поступка, характеризуемая умыслом или неосторожностью². Ученым высказывалось также суждение о том, что состав преступления содержит в себе три необходимых признака: 1) субъект, или учинитель преступления, 2) объект или предмет преступления и 3) преступное деяние³.

По всей видимости, в преступное деяние включались все объективные и субъективные признаки, которые с позиции современной российской уголовно-правовой доктрины укладываются, соответственно, в понятие объективной и субъективной сторон преступления. Таким образом, преступное деяние трактовалось широко, по сути, как понятие, заменяющее преступление, со всеми его объективными (общественно опасное деяние, общественно опасное последствие, причинно-следственная связь и т.д.) и субъективными (вина, мотив, цель, эмоции) признаками в устоявшемся современном их понимании.

Н.Д. Сергеевский признавал вину элементом преступного деяния. Он писал: «...область вменения образуется совокупностью всех тех деяний, при со-

---

¹ *Фельдштейн Г.С.* Указ. соч. С. 26.

² *Пусторослев П.П.* Из лекций по Особенной части русского уголовного права. Вып. I. Юрьевъ: Тип. К. Маттисена, 1908. С. 22.

³ Там же. С. 20.

вершении которых лицо, обладающее вообще способностью ко вменению действительно понимало свойства совершаемого, действительно предусматривало или предвидело последствия, действительно сознавало запрещение закона и действительно имело возможность принять это запрещение в руководство своей деятельности. Совокупность этих условий носит название субъективной виновности»¹. Семью годами позже Н.Д. Сергеевский отмечал, что субъективные настроения движут поступками человека².

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных (по изданию 1885 г. с позднейшими узаконениями: 1906 г., 1908 г., 1909 г. и 1910 г.) было закреплено две степени преступлений и проступков умышленных, различающиеся моментом возникновения намерения (умысла): «В преступлениях и проступках умышленных различаются две степени: первая, когда противозаконное деяние учинено вследствие не внезапного, а заранее обдуманного намерения или умысла; вторая, когда оно учинено хотя и с намерением, но по внезапному побуждению без предумышления»³ (гл. 1 «О преступлениях и проступках вообще и степенях вины», отделение первое «О преступлениях и проступках вообще», 4).

В Уголовном Уложении (изд. 1909 г.) мы находим отчетливое деление умысла, с точки зрения устоявшегося в современной российской уголовно-правовой теории толкования, на прямой и косвенный: «Преступное деяние почитается умышленным не только когда виновный желал его учинения, но также когда он сознательно допускал наступление последствия, обуславливающего

---

¹ *Сергеевский Н.Д.* Русское уголовное право: пособие к лекциям. Часть Общая. 7-е изд. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1908. С. 251.

² См.: *Сергеевский Н.Д.* Русское уголовное право: пособие к лекциям. Часть общая / под ред. С.Н. Трегубова. 11-е изд.; испр. и доп. Петроград: Тип. М.М. Стасюлевича, 1915. С. 259.

³ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (Свод Законов. Т. XV). По изданию 1885 г., Сводному Продолжению 1906 г., Очередным Продолжениям 1908, 1909 и 1910 годов и позднейшим узаконениям // Законы Уголовные [сост. Н. Громов]. Изд. 3-е, перераб. и доп. СПб.: Издание Юридического Книжного Магазина Н.К. Мартынова, 1913. С. 4.

преступность сего деяния»¹ (гл. 1 «О преступных деяниях и наказаниях вообще», Отделение 5 «О видах виновности», 48).

Важно констатировать, что основанием деления умысла на прямой и косвенный служило внутреннее (психическое) отношение лица к содеянному. В связи с этим уместно вспомнить следующие слова Д.А. Дриля: «Всякое действие человека, каково бы оно ни было, представляет собой внешнее соответствующее проявление внутренних душевных состояний, внутренних чрезвычайно разнообразных, процессов, совершающихся в самом человеке»².

В научных трудах данного автора присутствует четкое разделение субъективной и объективной сторон. Он, в частности, отмечал, что действие представляет собою две стороны и включает в себе два элемента: 1) внутренние душевные процессы, происходящие в самом деятеле преступления, и 2) проявления этих внутренних процессов во вне, в различных планомерных движениях, т.е. в деятельности человека. Душевные процессы образуют внутреннюю, или субъективную, сторону преступного деяния, а внешние проявления душевных процессов — внешнюю, или объективную, сторону этого деяния³.

Процесс трансформации внутренних процессов во внешние ученый описывал таким образом: «Для того чтобы человек начал действовать, т.е. проявлять свои внутренние душевные процессы во вне, необходим тот или другой определенный толчок, тот или другой импульс, который и порождает более или менее ясно и напряженно испытываемую потребность. Удовлетворение этой потребности становится целью. Возникает влечение к достижению цели и вызывает представления о необходимых для того, более или менее сложных, действиях. Но для всякого действия необходимо развитие нервной энергии. При

---

¹ Уголовное Уложение (статьи, введенные в действие). Т. XV. Изд. 1909 г., с позднейшими узаконениями и извлечениями из решений Правительствующего Сената, а также Главных Военного и Военно-Морского Судов // Законы Уголовные [сост. Н. Громов]. Изд. 3-е, перераб. и доп. СПб.: Издание Юридического Книжного Магазина Н.К. Мартынова, 1913. С. 718.

² Дриль Д.А. Учение о преступности и мерах борьбы с нею / с прилож. портр. авт. и ст. М. Слободжанина, акад. А.Ф. Кони, проф. Максима Ковалевского и акад. В.М. Бехтерова. СПб.: Изд-во «Шиповникъ», 1912. С. 13.

³ См.: Там же. С. 144.

слабом развитии и напряжении последней весь процесс сознается с оттенком большей или меньшей желательности. При дальнейшем и увеличившемся напряжении нервной энергии процесс достигает степени решимости, которая в момент своего высшего напряжения переходит в волевой акт, т.е. в проявления внутренних процессов душевной жизни и развившейся нервной энергии во внешних, более или менее сложных, действиях. Эти действия при этом направляются к достижению предположенной цели — к совершению задуманного преступного деяния, в котором субъект преступления видит средство для удовлетворения возникшей у него той или другой потребности»¹.

Д.А. Дриль выделял такие виды умысла, как: 1) заранее обдуманый, 2) внезапный, 3) аффектированный, 4) определенный, 5) неопределенный, 6) предшествующий событиям, возникающий во время событий и последующий за ними, а также 7) эвентуальный². «Наличность умысла, — отмечал правовед, — придает преступному деянию полноту преступности»³.

Значимость трудов Д.А. Дриля для развития теории уголовного права, в том числе института умышленной вины, трудно переоценить. По этому поводу Н.Ф. Кузнецова высказалась так: «Перечитывая ранее известные и мало известные работы, например, российского ученого Д.А. Дриля с высоты XXI века, нередко приходится переоценивать прежние стереотипы о взглядах предтеч современного уголовного права»⁴.

С учетом изложенного следует заключить, что есть все основания для выделения трех периодов досоветской эпохи развития института вины в умышленных преступлениях: 1) период Русской Правды, 2) период Московского государства и 3) период Империи.

Важно также сформулировать следующие выводы, явившиеся результатом проведенного исследования:

¹ Дриль Д.А. Указ. соч. С. 145.

² См.: Там же. С. 146.

³ Там же. С. 147.

⁴ Кузнецова Н.Ф. Историко-сравнительный анализ уголовно-правовых отраслей науки, законодательства и правоприменения // Российский криминологический взгляд. 2008. № 1 (13). С. 124.

1. Несмотря на господство объективного вменения в древнерусском праве, зачатки понимания умысла и вины в умышленных преступлениях начали формироваться в период мести и частных композиций (период Русской Правды), иными словами, в древнерусском праве появляется некий пролог умышленной вины. Понятие вины также употреблялось в двух аспектах: 1) наказания и 2) вины в поступке (Пространная редакция Устава князя Ярослава о церковных судах). Полагаем, генезис института вины в умышленных преступлениях можно датировать XI веком.

2. Законодательная база русского уголовного права периода развития Московского государства была наполнена такой терминологией, как: «внутренняя оценка нравственной испорченности», «кто учнетъ мыслить», «умысел несвободного человека» и др. Это дает основание предположить, что в законодательных актах данного периода, в частности, в Соборном Уложении 1649 г., институт вины в умышленных преступлениях получил более совершенное юридическое оформление по сравнению с предшествовавшими памятниками права.

3. Наибольший расцвет институт умышленной вины получил в период Российской империи, что обусловлено уровнем развития уголовного права и в целом самого государства.

4. В истории науки российского уголовного права можно выделить период (преддверие и время действия Уложения о наказаниях уголовных и исправительных издания 1885 г.), когда умышленная вина ограничивалась прямым умыслом.

5. Авторы научных трудов начала XIX в. выделяли неумышленные и умышленные преступления, преступления, учиненные с намерением и без такового (И. Нейман, Г.И. Солнцев).

6. В 1840-е гг. развития уголовно-правовой мысли умысел определялся как форма внешнего проявления преступления (например, С.И. Баршев).

7. В 50-е гг. XIX столетия наблюдается постепенный, хотя достаточно болезненный, отход от понимания умысла как частного случая внешнего проявления преступления. Воззрения В.Д. Спасовича являются тому примером.

8. 60-е гг. XIX в. ознаменовались тем, что умысел в уголовном праве рассматривался под углом зрения степени глубины и решимости преступной воли (А.Ф. Бернер, П.Д. Калмыков).

9. В рассуждениях А.Ф. Кистяковского (научный труд 1882 г.), В.В. Есипова (научный труд 1898 г.) отчетливо просматривается корреляционная связь между умышленной виной и прямым умыслом.

10. Научное суждение А.Д. Киселева о том, что «понятие умышленной вины охватывает внутреннее состояние личности» (1903 г.), имело огромное значение для формирования учения о вине, ее формах и видах и в современный период продолжает оставаться значимым для понимания вины в умышленных преступлениях.

11. Одна из заслуг Г.С. Фельдштейна в развитии института вины в умышленных преступлениях заключается в том, что в субъективном отношении он рассматривал преступление как деятельность психического свойства.

12. В начале XX столетия сформировалась концепция вины не только как виновности физической, но и виновности психической — наличность или умысла, или неосторожности (Н.С. Таганцев), как внутренних процессов, происходящих в самом деятеле преступления, и проявление этих внутренних процессов во вне, в деятельности человека (Д.А. Дриль). Умысел рассматривался как одно из проявлений вины и подразделялся на виды.

13. Одна из примечательных черт уголовно-правовой теории вины досоветского периода — выделение понятия «злой умысел» (например, Г.Е. Колоколов), которое своими корнями уходит в философские воззрения.

§ 2. Нормативно-правовое и доктринальное понимание вины в умышленных преступлениях в советский период развития российского уголовного права

Чтобы понять, как развивался институт вины в умышленных преступлениях в российском законодательстве и российской уголовно-правовой доктрине советского периода, целесообразно остановиться на отдельных аспектах истории учения о вине, изучить трактовку умысла, проследить его законодательную эволюцию, особенности взаимосвязи преступления, умысла и вины.

С самых первых дней установления советской власти в России законодатель уделял внимание понятию вины.

Так, в Обращении СНК ко всем армейским организациям, военнореволюционным комитетам, всем солдатам на фронте от 11 ноября 1917 г. «О борьбе с буржуазией и ее агентами, саботирующими дело продовольствия армии и препятствующими заключению мира» было закреплено: «За сокрытие этого сообщения от солдат должны виновные подвергнуться суровой каре»¹.

В первых декретах советской власти вина рассматривалась как одна из важнейших уголовно-правовых категорий. Например, в Декрете СНК от 14 ноября 1917 г. «Положение о рабочем контроле» предусматривалось: «Виновные в сокрытии материалов, продуктов, заказов и в неправильном ведении отчетов и тому подобных злоупотреблениях подлежат уголовной ответственности»². В декретах СНК РСФСР от 8 мая 1918 г. «О взяточничестве» и от 22 июля 1918 г. «О спекуляции» закреплялось положение о том, что уголовной ответственности подлежат лица, виновные в совершении конкретных общественно опасных деяний и наказание должно соответствовать степени их виновности³.

---

¹ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917 – 1952 гг.) [сост. А.А. Герцензон] / под ред. И.Т. Голякова. М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1953. С. 14.

² Там же.

³ См.: Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. С. 296.

«Если лицо, виновное в даче или принятии взятки, принадлежит к имущему классу и пользуется взяткой для сохранения или приобретения привилегий, связанных с правом собственности, — гласила ст. 5 Декрета СНК РСФСР от 8 мая 1918 г. «О взяточничестве», — то оно приговаривается к наиболее тяжелым, неприятным и принудительным работам, и все его имущество подлежит конфискации»¹.

Согласно п. 1 Декрета СНК РСФСР от 22 июля 1918 г. «О спекуляции»² виновный в сбыте, скупке или хранении с целью сбыта, в виде промысла, продуктов питания, монополизированных Республикой, подвергается наказанию не ниже лишения свободы на срок не менее 10 лет, соединенного с тягчайшими принудительными работами и конфискацией всего имущества. Десять пунктов из тринадцати данного Декрета начинались с термина «виновный», что свидетельствует о той значимости, которую придавало Советское государство понятию вины в начальный период своего существования.

В Постановлении СНК РСФСР от 19 сентября 1918 г. «Об усилении уголовной репрессии за перевозку помимо почтового ведомства писем, денег и маловесных посылок»³ закреплялось, что виновные в перевозке, в виде промысла, писем, денег и маловесных посылок помимо почтового ведомства подвергаются наказанию лишением свободы на срок не ниже одного года, соединенным с принудительными работами и конфискацией всего или части имущества.

Употребляемая в декретах формулировка «виновные в ...» (далее шло описание преступления) имеет, на наш взгляд, преимущества следующего характера: во-первых, вина — важнейшее условие уголовной ответственности, во-вторых, наказывается физическое виновное лицо, а не преступление, в-третьих, такую формулировку есть основание рассматривать как предтечу принципа вины.

---

¹ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917 – 1952 гг.) [сост. А.А. Герцензон] / под ред. И.Т. Голякова. С. 25.

² См.: Там же. С. 28 – 30.

³ См.: Там же. С. 34.

Однако уже в Постановлении Кассационного отдела ВЦИК РСФСР «О подсудности революционных трибуналов» («Известия ВЦИК» 6 октября 1918 г.) вместо термина «виновные» используется термин «Кто», с позиции русского языка обращая на себя внимание написанием с большой, заглавной буквы. Так, в Постановлении предусматривалось: «Революционному трибуналу предаются: 1. По делам по обвинению в контрреволюционной деятельности Кто организует контрреволюционные выступления против Рабоче-Крестьянского Правительства, участвуя в них непосредственно или в подготовительной к ним стадии; или участвует во всевозможных контрреволюционных заговорах и организациях, ставивших своей целью свержение Советского правительства, хотя бы в результате его деятельности и не было контрреволюционного выступления; участвует непосредственно в выступлениях, хотя бы сам специально не был предуведомлен о таковых заранее и не состоял предварительно членом каких-либо организаций, подготавливающих таковые»¹.

Думаем, использование в нормативно-правовом акте термина «кто» вместо термина «виновные» — свидетельство отступления от принципа вины, хотя вполне оправдано с позиции персональной ответственности.

Декрет ВЦИК от 20 июня 1919 г. «Об изъятиях из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении» использовал определение «умышленное»: «Умышленное истребление или повреждение железнодорожных путей, мостов и других сооружений, телеграфного и телефонного сообщения, складов воинского вооружения, снаряжения, продовольственных и фуражных запасов»² (п. 6, разд. I).

Представляет научный интерес идея, заложенная в ст. 98 Положения о полковых судах (декрет СНК от 10 июля 1919 г.): «Суд решает вопросы о вине или невинности обвиняемого по внутреннему своему убеждению, основанному на свободной оценке судом совокупности обстоятельств, обнаруженных на судебном разбирательстве, и на сопоставлении этих обстоятельств с законо-

¹ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917 – 1952 гг.) [сост. А.А. Герцензон] / под ред. И.Т. Голякова. С. 35.

² Там же. С. 48.

положениями и декретами Рабоче-Крестьянского Правительства, требованиями изданных сим правительством воинских уставов и распоряжений и своим революционно-социалистическим правосознанием»¹.

Сие узаконение свидетельствует о востребованности оценочной теории вины в первые годы существования советского права, ибо констатировало, что решение вопроса о вине основывается на внутренней оценке судом совокупности обстоятельств по уголовному делу. Вместе с тем, думаем, в нем было сохранено влияние законодательства и научных воззрений досоветского периода уголовного права России.

В Руководящих началах по уголовному праву (Постановление НКЮ от 12 декабря 1919 г.) отсутствовала норма, прямо определявшая вину и ее формы. По мнению Н.Ф. Кузнецовой, произошло это потому, что при их составлении возобладала точка зрения разработчиков, отождествлявших принцип вины с теорией возмездия и воздаяния за вину классической школы уголовного права².

Но сам термин «вина» все же упоминался в первом кодифицированном акте советского периода развития российского уголовного права. Обратим внимание на ст. 10 Руководящих начал, в которой давались следующие указания: «При выборе наказания следует иметь в виду, что преступление в классовом обществе вызывается укладом общественных отношений, в котором живет преступник. Поэтому наказание не есть возмездие за «вину», не есть искупление вины»³.

Вместе с тем законодатель использовал следующую терминологию: «намерение», «заранее обдуманное намерение», «умысел», «состояние запальчивости». Так, согласно ст. 17 Руководящих начал «Преступление считается окончанным, когда намерение совершившего преступление осуществилось до кон-

---

¹ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917 – 1952 гг.) [сост. А.А. Герцензон] / под ред. И.Т. Голякова. С. 49.

² См.: Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой (автор главы II — Н.Ф. Кузнецова). С. 30.

³ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917 – 1952 гг.) [сост. А.А. Герцензон] / под ред. И.Т. Голякова. С. 58.

ца»¹. «Стадия осуществления намерения совершающего преступление, — закреплена в ст. 20 первого советского кодифицированного акта, — сама по себе не влияет на меру репрессии»². Необходимо обратить внимание на ст. 18 анализируемого исторического закона, в которой нашел отражение термин «умысел»: «Покушением на преступление считается действие, направленное на совершение преступления, когда совершивший выполнил все, что считал необходимым для приведения своего умысла в исполнение, но преступный результат не наступил по причинам, от него не зависящим»³.

Важно констатировать и то, что в Руководящих началах по уголовному праву присутствовало косвенное указание на формы вины: при определении меры наказания в каждом отдельном случае рекомендовалось различать, совершено ли деяние в сознании причиненного вреда или по невежеству и неосознанности, обнаружено ли совершающим деяние заранее обдуманное намерение, совершено ли деяние в состоянии запальчивости (п. «в» и «з» ст. 12 данного нормативно-правового акта)⁴.

В нормативно-правовых актах 1920 г. наряду с термином «кто» встречается термин «виновный». Научный интерес представляет Постановление НКЗдрава и НКЮ от 18 ноября 1920 г. «Об охране здоровья женщины», в п. 1 – 4 которого закреплено: «1. Допускается бесплатное производство операции по искусственному прерыванию беременности в обстановке советских больниц, где обеспечивается ее максимальная безвредность. 2. Абсолютно запрещается производство этой операции кому бы то ни было, кроме врача. 3. Виновные в производстве этой операции акушерка или бабка лишаются права практики и предаются народному суду. 4. Врач, произведший операцию плодоизгнания, в порядке частной практики с корыстной целью, также предается суду»⁵.

---

¹ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917 – 1952 гг.) [сост. А.А. Герцензон] / под ред. И.Т. Голякова. С. 59.

² Там же.

³ Там же.

⁴ См.: Там же. С. 58 – 59.

⁵ Там же. С. 85 – 86.

УК РСФСР 1922 г. не воспринял термин «виновные», вместо него в нем присутствовало словосочетание «те, которые». Так, в ст. 11 гл. II «Общие начала применения наказания» Общей части данного закона содержались предписания такого характера: «Наказанию подлежат лишь те, которые: а) действовали умышленно, т.е. предвидели последствия своего деяния и их желали или же сознательно допускали их наступление, или б) действовали неосторожно, т.е. легкомысленно надеялись предотвратить последствия своих действий или же не предвидели их, хотя и должны были их предвидеть»¹.

Следует согласиться с мнением Г.А. Злобина и Б.С. Никифорова о том, что цитируемый уголовный закон давал преимущественно психологическую характеристику умысла, не упоминая при этом ни об общественно опасном характере деяния, ни об общественно опасном характере его последствий².

Мы бы сказали, данная психологическая характеристика умысла, если ее сравнить с одной по действующему российскому уголовному законодательству, носит «урезанный характер».

Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 г. не внес существенных изменений в решение проблемы вины: термин «вина» так и не появился в уголовно-правовых нормах, не нашел он отражения и в понятии преступления, хотя умысел и неосторожность были закреплены в законе. Согласно ст. 10 разд. 3 «Общие начала уголовной политики РСФСР» Общей части вышеназванного уголовного закона в отношении лиц, совершивших общественно опасные действия, меры социальной защиты судебно-исправительного характера применяются лишь в тех случаях, когда эти лица: а) действовали умышленно, т.е. предвидели общественно опасный характер последствий своих действий, желали этих последствий или сознательно допускали их наступление и б) действовали неосторожно, т.е. не предвидели последствий своих поступков, хотя и должны были

---

¹ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917 – 1952 гг.) [сост. А.А. Герцензон] / под ред. И.Т. Голякова. С. 117.

² См.: Злобин Г.А., Никифоров Б.С. Умысел и его формы. М.: «Юрид. лит-ра», 1972. С. 12.

предвидеть их, или легкомысленно надеялись предотвратить такие последствия¹.

Таким образом, начиная с 1919 г., понятие вины поступательно выхолащивалось из российского закона.

В теории пропагандировалась мысль о том, что умысел и неосторожность не могут быть связаны с понятием вины в советском социалистическом уголовном праве.

Отрицание общего понятия вины, но признание умысла и неосторожности необходимым условием уголовной ответственности было характерным для работ многих криминалистов того периода².

Так, по мнению А.А. Пионтковского, изложенному в конце 20-х гг. XX в., умысел и неосторожность тесно связаны с понятием вины только в буржуазной теории уголовного права; советское же уголовное законодательство, отказавшись от понятия «моральная вина» и сохранив понятия «умысел» и «неосторожность», совершило лишь их дефетишизацию³.

В связи с этим утверждение М.Г. Угрехелидзе о том, что вина рассматривается социалистическим уголовным правом с момента своего зарождения как реальное психическое явление, вызывает удивление. Приведем мысль автора дословно. «Социалистическое уголовное право, — отмечал в 70-е годы XX столетия М.Г. Угрехелидзе, — с первых лет своего существования рассматривает вину как реальное психическое явление, имеющее конкретное содержание. Основным элементом вины признается психическое отношение преступника к совершенному им общественно опасному деянию и вредным последствиям этого деяния. Вместе с тем, так как предметом такого психического отношения являются факты, имеющие определенную социальную значимость, это психическое отношение всегда мыслится как нечто, неразрывно связанное с морально-

---

¹ См.: Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917 – 1952 гг.) [сост. А.А. Герцензон] / под ред. И.Т. Голякова. С. 258.

² См.: Уголовное право: история юридической науки / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М.: Изд-во «Наука», 1978. С. 82.

³ См.: *Пионтковский А.А.* Советское уголовное право. Т. 1: Общая часть. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., Л.: Госиздат, 1928. С. 190.

политической оценкой действий субъекта. В частности, оно понимается как морально-предосудительное психическое отношение»¹.

Однако это не совсем так, и приведенные выше положения нормативно-правовых актов служат тому доказательством. Подтверждением сказанного могут быть и суждения о вине таких авторов, как С.В. Познышев, А.А. Пионтковский, Б.С. Утевский.

В частности, С.В. Познышев отмечал, что вина — это «проявленное субъектом такое настроение, при котором он действует преступным образом, сознавая или, по крайней мере, имея возможность сознать преступный характер своего поведения и находясь в таких обстоятельствах, что мог бы от данного поведения удержаться, если бы у него не были недоразвиты противодействующие последнему чувствования и представления»². В понятии вины автор выделил два элемента: «положительный, заключающийся в известном настроении, вызывающем преступный образ действий (действие или бездействие), и отрицательный, заключающийся в том, что субъект не подавил этого настроения, имея возможность сделать это, находясь в таких обстоятельствах, справиться с которыми доступно и не герою»³.

На формирование такого взгляда ученого, полагаем, оказали большое влияние философские воззрения Аристотеля, который считал, что намерение по преимуществу связано с добродетелью и по нему лучше, чем по действию судить о характере⁴.

Важно отметить то, что понятие «виновный» было востребовано законодателем в период Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.). Так, согласно ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 мая 1943 г. «Об ответственности за незаконное награждение орденами и медалями СССР и нагрудными знаками, за присвоение орденов, медалей и нагрудных знаков и пе-

---

¹ Угрехелидзе М.Г. Проблема неосторожной вины в уголовном праве. Тбилиси: Мецниереба, 1976. С. 25.

² Познышев С.В. Учебник уголовного права. Очерк основных начал Общей и Особенной части науки уголовного права. Общая часть. М.: Юрид. изд-во Наркомюста, 1923. С. 114.

³ Там же.

⁴ См.: Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. С. 193 – 194.

редачу их награжденными лицами другим лицам» карались тюремным заключением сроком от 2-х до 3-х лет виновные в присвоении ордена, медали или нагрудного знака, а по ст. 3 данного указа виновный подлежал лишению награды и карался тюремным заключением сроком от одного года до 3-х лет за продажу или передачу в виде подарка ордена, медали или нагрудного знака другому лицу¹.

Почему в такое трудное для страны время законодатель вернулся к понятию «виновный»? Возможно, данный подход был продиктован стремлением сохранить человеческий ресурс для нужд войны (как бы то ни было неприятно это осознавать).

В уголовно-правовой литературе послевоенных лет вина рассматривалась не только в качестве умысла или неосторожности, но и субъективного основания уголовной ответственности.

Так, Т.Л. Сергеева в монографии 1950 г. отмечала, что вина как субъективное основание уголовной ответственности есть вызывающее осуждение и порицание советского социалистического государства и советского социалистического общества психическое отношение в форме умысла или неосторожности вменяемого и достигшего определенного возраста человека к совершенному им объективно общественно опасному деянию, зависящее от данного человека и являющееся субъективной причиной совершения преступления². К сожалению, вопрос об отдельных формах вины, как утверждал сам автор, оставлен без рассмотрения³.

В 1959 г. А.А. Пионтковский, будучи одним из авторов издания (его соавторы: А.А. Герцензон, Б.С. Утевский, М.А. Гельфер), рекомендованного Министерством высшего образования СССР в качестве учебного пособия по Общей части советского уголовного права для юридических институтов и юридических факультетов государственных университетов, в гл. 10 «Субъективная сто-

---

¹ См.: Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917 – 1952 гг.) [сост. А.А. Герцензон] / под ред. И.Т. Голякова. С. 423.

² См.: *Сергеева Т.Л.* Вопросы виновности и вины в практике Верховного Суда СССР по уголовным делам. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. С. 111 – 112.

³ См.: Там же. С. 12.

рона преступления» писал: «Советский суд должен познать и правильно отразить в своем обвинительном приговоре определенное явление внешнего мира — вину данного лица в совершении преступления»¹.

Научный интерес представляет то, что вина рассматривалась автором как явление внешнего мира (в отличие от современного периода развития уголовно-правовой науки, когда вина, как правило, признается внутренней стороной преступления). Важно отметить, что такое суждение было возвращением к воззрениям начального этапа развития русской уголовно-правовой мысли, сформировавшимся в XIX столетии (Сергий Баршев, В.Д. Спасович), которые подробнее изложены в § 1 настоящей главы диссертации.

Помимо вышеобозначенного подхода к пониманию вины, А.А. Пионтовский дает следующую дефиницию вины: «Вина по советскому уголовному праву есть умысел или неосторожность лица, выраженные в совершенном им деянии, опасном для советского строя или социалистического правопорядка»².

Таким образом, во-первых, понятие вины автором отождествлялось с субъективной стороной преступления, во-вторых, оно было сведено к умыслу и неосторожности и, в-третьих, мотив, цель и эмоции не выделялись как признаки субъективной стороны преступления. В вышеупомянутой главе названного учебного пособия даже не было параграфа, посвященного факультативным признакам субъективной стороны преступления в их современной трактовке.

Вызывает удивление и вместе с тем любопытство то, что эту главу и, в частности, ее первый параграф «Вина — субъективная сторона состава преступления» готовил не Б.С. Утевский, в 1950 г. опубликовавший монографию «Вина в советском уголовном праве», в которой выразил свое недовольство сведением богатого содержания вины к умыслу и неосторожности. В своей монографии ученый, в частности, отмечал: «...нельзя богатую содержанием проблему вины сводить только к умыслу и неосторожности как субъективной стороне состава преступления, притом понимаемым узко, формально-

---

¹ Советское уголовное право. Общая часть / под общей ред. В.М. Чхиквадзе. М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1959. С. 156.

² Там же. С. 157.

психологически. Необходимо изучению умысла и неосторожности как элемента состава преступления, как субъективной его стороны предпослать изучение вины как общего основания уголовной ответственности перед социалистическим государством»¹.

Мы попытались показать, как на протяжении десятилетий советского периода существования России шел процесс выхолащивания важнейших составляющих содержания вины и отстранения ученых от занятия той научной проблемой, которой они посвящали монографические труды и в понимание которой вкладывали мнение, отличное от большинства. В последующие годы такой подход был преодолен.

Уголовный кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (далее — УК РСФСР) 1960 г. предусматривал: «Преступление признается совершенным умышленно, если лицо, его совершившее, сознавало общественно опасный характер своего действия или бездействия, предвидело его общественно опасные последствия и желало их или сознательно допускало наступление этих последствий»² (ст. 8. «Совершение преступления умышленно»).

Как видим, законодатель не выделял видов умысла, однако закреплял основания для такого выделения на теоретическом уровне.

В 60-е гг. XX столетия в теории уголовного права психологическая концепция вины укрепила свои позиции.

В частности, Ю.А. Демидов указывал на порочность «установок» Вышинского по вопросу определения вины, умысла и неосторожности, подчеркивая, что смешение вины и причинной связи ведет на практике к объективному вменению. Будучи сторонником психологической концепции вины, автор вместе с тем придавал большое значение социальному ее содержанию. Об этом свидетельствует утверждение о том, что отношение воли к предвиденным об-

---

¹ Утевский Б.С. Вина в советском уголовном праве. М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1950. С. 9.

² Уголовный кодекс РСФСР. С постановочными материалами. М.: Юрид. лит., 1987. С. 19.

щественно опасным последствиям, как и другие элементы психического отношения лица к деянию, характеризует социальную установку личности, ее позицию по отношению к общественным интересам. Однако вызывает удивление суждение теоретика о том, что определение умысла как «психического состояния обвиняемого» выхолащивает его социальное содержание, затемняет его значение для уголовной ответственности¹.

Можно предположить, что Ю.А. Демидов имел в виду то, что при определении умысла речь должна идти не о психическом состоянии, а о психическом отношении, т.е. не о статике психической деятельности человека, а об ее динамике.

Умысел, по убеждению вышеназванного правоведа, включает три элемента: сознание общественно опасного характера действия или бездействия, интеллектуальный и волевой элементы. Он возражал против принятого на тот момент в литературе объединения первых двух элементов умысла в один, поскольку, считал автор, характеризуя различные стороны единого психического процесса, они имеют качественное различие². Данные рассуждения правоведа подтверждают его приверженность психологической концепции вины.

И.Г. Филановский определял субъективную сторону преступления как психическое отношение лица к совершаемому им преступлению, характеризующееся конкретной формой вины, мотивом и целью преступления. Эмоции не принимались им во внимание. Вина признавалась психическим отношением лица к совершаемому им преступлению, выражающееся в форме умысла или неосторожности. Преступление совершено с прямым умыслом (*dolus directus*), когда субъект сознавал общественно опасный характер своего действия или бездействия, предвидел его общественно опасные последствия и желал их наступления. Когда лицо сознавало общественно опасный характер своего действия или бездействия, предвидело его общественно опасные последствия и соз-

---

¹ См.: Демидов Ю.А. Умысел и его виды по советскому уголовному праву: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М., 1964. С. 5, 7.

² См.: Там же. С. 6.

нательно допускало их наступление, преступление считается совершенным с косвенным умыслом (*dolus indirectus, dolus ivernalis*)¹.

«Советское уголовное право, — отмечали П.С. Дагель и Р.И. Михеев, — рассматривает вину лица, совершившего общественно опасное деяние, не как оценочное суждение суда, не как упрек, адресованный судом преступнику, а как факт объективной действительности, реальный умысел или реальную неосторожность, существовавшие независимо от судебской оценки»².

В данном высказывании отвергается оценочная концепция вины, однако и о психическом отношении лица к содеянному ничего не сказано; в нем поставлен знак равенства между виной, с одной стороны, и умыслом или неосторожностью — с другой.

Вместе с тем правильную оценку фактических обстоятельств в их совокупности, установление их связи, их «силы» и значимости в общей совокупности с элементами и особенностями психического отношения, подлежащего установлению, авторы признают одной из основных предпосылок правильного решения вопроса о субъективной стороне совершенного обвиняемым преступления³.

Содержание и направленность умысла, его динамика, подчеркивали П.С. Дагель и Р.И. Михеев, играют большую роль в установлении субъективной стороны преступления, квалификации и отграничении смежных составов преступлений. Вопрос о виновности лица в совершении преступления решается установлением в его деянии умысла или неосторожности⁴.

Солидный вклад в развитие теории умысла внесли Г.А. Злобин и Б.С. Никифоров. В 1972 г. вышла в свет их монография. В ней соавторы отмечали, что одной из особенностей определения умысла в действующем законодательстве (УК РСФСР 1960 г.) является то, что его верхняя и нижняя интеллектуальные

---

¹ Курс советского уголовного права (Часть Общая) / отв. ред.: Н.А. Беляев, М.Д. Шаргородский. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1968. Т. 1. С. 404, 405, 412, 417.

² Дагель П.С., Михеев Р.И. Установление субъективной стороны преступления: учеб. пособие. Владивосток: Ред.-изд. совет ДГУ, 1972. С. 8.

³ Там же. С. 11.

⁴ См.: Злобин Г.А., Никифоров Б.С. Указ. соч. С. 14, 30.

границы определены в различных терминах: верхняя граница — это сознание общественно опасного характера деяния, нижняя — предвидение общественно опасных последствий. Чтобы соответствовать друг другу и быть однопорядковыми, необходимо «выровнять» категории сознания и предвидения путем выдвигая на первый план сознания общественно опасного характера деяния¹. При сложившихся обстоятельствах «умысел, — иронизировали теоретики, — напоминает человеческую фигуру с интеллектуальными ногами разной длины и волевыми плечами на разном уровне: правая нога длиннее левой и правое плечо ниже левого»².

В 80-е гг. XX столетия вина в умышленных преступлениях рассматривалась через призму психологической концепции вины, которая мало кем оспаривалась (о полемике сказано в § 2 гл. I диссертации).

Так, А.И. Рарог толковал следующим образом понятие вины: «Вина есть психическое отношение в форме умысла или неосторожности лица к совершаемому им общественно опасному деянию, обусловленное вредными искажениями ценностных ориентаций данного лица и выражающее его антисоциальную, асоциальную либо недостаточно выраженную социальную установку по отношению к основным ценностям советского общества»³.

«Умысел, — по мнению ученого, — представляет собой отражение в психике человека важнейших фактических и социальных свойств преступного деяния»⁴. В содержание умысла входит осознание общественной опасности деяния, предвидение общественно опасных последствий, желание или сознательное допущение этих последствий⁵.

В 60 – 80-е гг. XX в. советские ученые возвращались к обсуждению вопроса о возможности совершения неоконченного преступления с косвенным умыслом. В частности, И.И. Горелик обосновывал возможность покушения с

---

¹ См.: Злобин Г.А., Никифоров Б.С. Указ. соч. С. 37 – 38.

² Там же. С. 40.

³ Рарог А.И. Общая теория вины в уголовном праве: учеб. пособие. М.: РИО ВЮЗИ, 1980. С. 26.

⁴ Там же. С. 27.

⁵ Подробнее об этом см.: Рарог А.И. Указ. соч. С. 26 – 43.

косвенным умыслом, в том числе за преступления, ставящие в опасность жизнь и здоровье¹.

А.И. Рарог справедливо и аргументированно доказал несостоятельность данной позиции, отмечая следующее. Среди обстоятельств, учитываемых судом при назначении наказания за неоконченное преступление, значится степень осуществления преступного намерения. Таким образом, законодатель считает преступное намерение субъективной основой приготовления к преступлению и покушения на преступление. С точки зрения филологии и психологии представляют интерес словосочетание «быть намеренным» и глагол «хотеть». «Быть намеренным» и «хотеть» — понятия грамматически почти тождественные, а психологически — однозначные. Объективным основанием уголовной ответственности служат общественно опасные действия виновного, которые при приготовлении создают необходимые условия для совершения преступления, а при покушении представляют собой начало непосредственного осуществления преступления. Ненаступление преступных последствий компенсируется намерением, желанием их причинить, реализованным в совершении общественно опасного деяния. При косвенном умысле нет ни причинения вреда объекту, ни целенаправленных действий, посягающих на этот объект, ни стремления, намерения причинить этому объекту ущерб, иными словами, отсутствуют как объективные, так и субъективные основания для вменения лицу посягательства на фактически не пострадавший объект. Поэтому при косвенном умысле юридически обоснованна ответственность лишь за реально наступившие общественно опасные последствия².

Заключительным этапом советского нормотворчества являются Основы уголовного законодательства Союза ССР и республик (приняты 2 июля

---

¹ См.: Горелик И.И. Ответственность за поставление в опасность по советскому уголовному праву. Минск: Вышэйш. школа, 1964. С. 27 – 32.

² Рарог А.И. Вина и квалификация преступлений: учеб. пособие. М.: РИО ВЮЗИ, 1982. С. 11 – 12.

1991 г.)¹. Планировалось ввести их в действие с июля 1992 г., за исключением ст. 40 («Исключительное наказание — смертная казнь»), введенной в действие с момента опубликования Основ², однако распад СССР не позволил реализовать данный план.

Несмотря на незавидную судьбу, Основы 1991 г. представляют научный интерес с точки зрения эволюции института вины в умышленных преступлениях. Согласно ст. 11 («Совершение преступления умышленно») названного закона «Преступлением, совершенным умышленно, признается общественно опасное деяние, совершенное с прямым или косвенным умыслом.

Преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо сознавало общественно опасный характер своего действия или бездействия, предвидело его общественно опасные последствия и желало их наступления.

Преступление признается совершенным с косвенным умыслом, если лицо сознавало общественно опасный характер своего действия или бездействия, предвидело его общественно опасные последствия и хотя и не желало, но сознательно допускало наступление этих последствий»³.

Основы уголовного законодательства Союза ССР и республик 1991 г., в отличие от УК РСФСР 1960 г., закрепили деление умысла на прямой и косвенный, предложили самостоятельные дефиниции преступлений, совершенных с прямым или косвенным умыслом. В них нашли отражение научные достижения советских ученых.

Завершая анализ развития института вины в умышленных преступлениях в советский период существования уголовного права, подведем некоторые итоги. В частности, с учетом изложенного мы приходим к следующим обобщениям и выводам:

1. В первых декретах советской власти (от 14 ноября 1917 г. «Положение о рабочем контроле», от 8 мая 1918 г. «О взяточничестве», от 22 июля 1918 г.

---

¹ См.: Сборник справочной и методической юридической литературы. Вып. 1. Уголовный кодекс РСФСР / отв. за выпуск и обращение к читателям Ю.И. Бытко. Саратов: Саратов. филиал Всесоюзн. юрид. фирмы «Контракт», 1992. С. 186 – 212.

² См.: Там же. С. 213 – 214.

³ Там же. С. 190.

«О спекуляции» и др.) вина рассматривалась как одна из важнейших уголовно-правовых категорий.

Употребляемая в декретах формулировка «виновные в ...» (далее шло описание преступления) имеет, на наш взгляд, преимущества следующего характера: во-первых, вина — важнейшее условие уголовной ответственности, во-вторых, наказывается физическое виновное лицо, а не преступление, в-третьих, такую формулировку есть основание рассматривать как предтечу принципа вины.

2. Идеи о том, что решение вопроса о вине основывается на внутренней оценке судом совокупности обстоятельств по уголовному делу, заложенные в Положении о полковых судах (декрет СНК от 10 июля 1919 г.), свидетельствуют о востребованности оценочной теории вины в первые годы существования советского права. Вместе с тем, думаем, в нем было сохранено влияние законодательства и научных воззрений досоветского периода уголовного права России.

3. Начиная с 1919 г., понятие вины поступательно выхолащивалось из российского закона. В нормативно-правовых актах (Постановление НКЗдрава и НКЮ от 18 ноября 1920 г. «Об охране здоровья женщины» и др.) наряду с термином «кто» использовался термин «виновный». Употребление термина «кто» вместо термина «виновные» — свидетельство отступления от принципа вины, хотя вполне оправдано с позиции персональной ответственности.

В данный период пропагандировалась мысль о том, что умысел и неосторожность не могут быть связаны с понятием вины в советском социалистическом уголовном праве (А.А Пионтковский).

4. В Руководящих началах по уголовному праву (Постановление НКЮ от 12 декабря 1919 г.) присутствовало косвенное указание на формы вины: при определении меры наказания в каждом отдельном случае рекомендовалось различать, совершено ли деяние в сознании причиненного вреда или по невежеству и неосознанности, обнаружено ли совершающим деяние заранее обдуман-

ное намерение, совершено ли деяние в состоянии запальчивости (пункты «в» и «з» ст. 12).

5. Важно отметить то, что понятие «виновный» было востребовано законодателем в период Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.), о чем, в частности, свидетельствует Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 мая 1943 г. «Об ответственности за незаконное награждение орденами и медалями СССР и нагрудными знаками, за присвоение орденов, медалей и нагрудных знаков и передачу их награжденными лицами другим лицам».

6. В уголовно-правовой литературе послевоенных лет вина рассматривалась не только в качестве умысла или неосторожности, но и субъективного основания уголовной ответственности (Т.Л. Сергеева).

7. В период действия УК РСФСР 1960 г. понятие умышленной вины формировалось и развивалось в системе воззрений на вину как психического отношения лица к совершаемому им общественно опасному деянию и его общественно опасным последствиям.

8. Венцом советского нормотворчества явились Основы уголовного законодательства Союза ССР и республик 1991 г., закрепившие деление умысла на прямой и косвенный, самостоятельные дефиниции преступлений, совершенных с прямым или косвенным умыслом.

Глава III. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ТРАКТОВКИ ВИНЫ В УМЫШЛЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

§ 1. Зарубежный законодательный и научный опыт толкования вины в умышленных преступлениях

В современный период система отечественного права, несмотря на ее богатый опыт и самобытность, не может развиваться изолированно от других правовых систем. Поэтому одной из задач диссертационного исследования мы определили изучение зарубежного опыта толкования вины в умышленных преступлениях. Познание сие осуществляется с целью возможной имплементации приемлемых для российского уголовного законодательства положений либо критического их осмысления.

В теории существуют различные точки зрения относительно правовых систем зарубежного уголовного права. Например, Рене Давид и Камилла Жоффре-Спинози выделяют три главные группы правовых систем: романо-германскую, общего права и социалистического права. Вместе с тем они упоминают и иные правовые системы: мусульманскую, индусскую, иудейскую, а также стран Дальнего Востока¹.

А.В. Наумов называет романо-германскую, англосаксонскую, социалистическую и мусульманскую системы права². Н.Е. Крылова и А.В. Серебренникова различают романо-германскую, англо-американскую и религиозную системы права³. А.Г. Блинов в своем монографическом исследовании придержи-

---

¹ См.: Давид Р. Основные правовые системы современности / пер. с фр. и вступ. ст. В.А. Туманова. М.: Прогресс, 1988. С. 40, 45; Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / пер. с фр. В.А. Туманова. М.: Междунар. отношения, 1998. С. 21, 25 – 27.

² См.: Наумов А.В. Российское уголовное право: курс лекций. В 3-х т. Т. 1. Общая часть. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2008. С. 659.

³ См.: Крылова Н.Е., Серебренникова А.В. Уголовное право зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии): учеб. пособие. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Изд-во «Зерцало», 1998. С. 28 – 34.

ется градации права на романо-германскую, англосаксонскую, мусульманскую системы и право стран-участниц Содружества Независимых Государств и Балтии¹.

Мы в своем диссертационном исследовании будем ориентироваться на романо-германскую (континентально-европейскую), общую (английскую, или англосаксонскую, и англо-американскую) системы права, право стран Дальнего Востока и систему права стран-участниц Содружества Независимых Государств и Балтии (по сути, речь идет о системе права бывших союзных республик, входивших в состав СССР).

Романо-германская правовая семья (система) сформировалась в континентальной Европе XIII в.², отсюда, видимо, и второе ее название — континентально-европейская система права. Она связана с правом Древнего Рима, но более чем тысячелетняя эволюция значительно отделила нормы этого права и самую концепцию права от того, что было признано во времена Августа и Юстиниана³.

Современная континентально-европейская система права (в нее входят Германия, Франция, Испания, Италия и другие страны европейского континента) является преемником не только римского, но и обычного права, германских племен, университетов⁴. В основу названной системы права заложены идеи о том, что гражданское общество должно базироваться на праве и подчиняться нормам разума, а право должно обеспечивать порядок и прогресс⁵.

Анализ зарубежного законодательного опыта регламентации вины в умышленных преступлениях начнем с немецкого права как ярчайшего представителя романо-германской правовой семьи.

---

¹ См.: *Блинов А.Г.* Уголовно-правовая охрана пациента в международном и зарубежном законодательстве / под ред. Б.Т. Разгильдиева. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 35 – 157.

² См.: *Давид Р., Жоффре-Спинози К.* Указ. соч. С. 30.

³ См.: Там же. С. 29.

⁴ См.: *Мелешко Н.П., Тарло Е.Г.* Уголовно-правовые системы России и зарубежных стран (криминологические проблемы сравнительного правоведения, теории, законодательная и правоприменительная практика). М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2003. С. 23.

⁵ См.: *Блинов А.Г.* Указ. соч. С. 73.

В современной немецкой уголовно-правовой доктрине принято выделять объективный (субъект и объект деяния, собственно деяние, поступок и результат, причинная связь и вменение результата) и субъективный (умысел либо неосторожность, иные признаки, ошибки) составы деяния. Вине отводится двойная функция: вначале она исследуется как вменяемость и упречность за пределами состава деяния, а затем — как умысел либо неосторожность внутри состава. Как отмечают А. Жалинский и А. Рерихт, сущность вины доктрина видит в упречности волеобразования и волеосуществления, т.е. в нормативной оценке психического состава деяния¹.

Специальная норма о вине в уголовном законодательстве Германии отсутствует. Следует согласиться с Т.М. Клюкановой в том, что ее отсутствие поначалу удивляет, поскольку общеизвестно, что германская наука уголовного права наиболее фундаментальная, и со времен издания работ всемирно известных авторов — Фейербаха, Белинга, Листа — она не имеет себе равных по глубине и скрупулезности теоретического анализа. Основоположник финальной теории уголовного права (разрабатываемой с 30-х гг. XX в.) Вельцель и его многочисленные последователи пользуются терминами: «социальная этичность», «неэтичность», «социальная вредность». «Социальная вредность», полагают они, заключается в опасности воли субъекта, целенаправленности его действий. Финальность (целенаправленность) отождествляется с умыслом на преступление².

Г. Вельцель, в частности, отмечал: «Центр уголовно-правовой неправды находится в действии субъекта. Оно является структурным единством объективных и субъективных моментов. Оно является, далее, деянием субъекта: личность субъекта накладывает на деяние свое клеймо»³.

---

¹ См.: Жалинский А., Рерихт А. Введение в немецкое право. М.: Спарк, 2001. С. 599, 594, 608.

² Клюканова Т.М. Уголовное право зарубежных стран: Германия, Франция, Финляндия. Общая часть. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1996. С. 15, 16.

³ Цит по: Кузнецова Н., Вельцель Л. Уголовное право ФРГ. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. С. 78.

В период существования Германской Демократической Республики доктор Ион Лекшас (профессор Института юридических наук ГДР) определял вину как опасное для рабоче-крестьянской власти, предосудительное с морально-политической точки зрения рабочих и крестьян, противоправное и наказуемое психическое отношение (психическая направленность — *Einstellung*), проявляющееся в форме умысла или неосторожности и побудившее преступника к его преступному поведению¹.

Как видим, понятие вины было наделено общественной опасностью и излишне политизировано.

Об умышленной вине автор говорил в тех случаях, когда преступник ставил себе цель совершить преступление, желая ее осуществления. Вместе с тем для наличия умысла необходимы определенное сознание и соответствующая воля. Из видов умысла теоретик выделял безусловный и условный².

«Вина в форме безусловного умысла налицо, — отмечал И. Лекшас, — если преступник сознает, что своим действием или бездействием он может осуществить определенное преступление, и если он желает осуществления этого преступления. <...> Вина в форме условного умысла налицо, если преступник предвидел, что путем своего действия или бездействия он может осуществить определенное преступление, совершение которого он не считал необходимым, но, несмотря на такое предвидение, не желал отказаться от своего поведения»³.

Автор приведенного определения расставляет акценты на преступлении, причем, подчеркивая активную роль воли преступника указанием на нежелание отказаться от поведения (термин «преступление» в данном контексте не использован, в отличие от построения безусловного умысла).

Учитывая волевой компонент безусловного умысла (преступник желает осуществления преступления), ожидаемо было, что в условном умысле анало-

---

¹ См.: *Лекшас И.* Вина как субъективная сторона преступного деяния / пер. с нем. С.Л. Либермана; под ред. и с предисл. А.А. Пионтковского. М.: Госюриздат, 1958. С. 16.

² См.: Там же. С. 43.

³ Там же. С. 46, 61.

гичная составляющая будет выглядеть так: «преступник не желает осуществления преступления». Однако автор использовал совершенно другой подход, он сказал о нежелании отказаться от поведения. Вместе с тем все дело, возможно, в переводе с немецкого языка на русский.

Самобытность точки зрения И. Лекшаса заключается еще и в том, что в содержание умысла он включил намерение, которое на языке закона передается формулировками: «с целью...», «для того, чтобы...». По своему существу оно есть ограничение содержания целевой установки умысла и говорит о том, что налицо должен быть не любой, а совершенно определенный умысел. Точная обрисовка намерения позволяет установить, какое специальное направление должен иметь умысел¹.

В вопросе регламентации вины в умышленных преступлениях Уголовный кодекс ФРГ² весьма лаконичен, он не содержит определения умысла и умышленного преступления. Вместе с тем в § 15 «Умышленное и неосторожное действие» закреплено: «Наказуемо только умышленное действие, если закон прямо не предусматривает наказание за неосторожное действие»³.

Признанное господствующим понятие умысла сформулировано Федеральным Верховным судом: «Умысел есть воля к осуществлению состава преступления при осознании всех его обстоятельств»⁴.

Из видов умысла выделяются преднамеренность, предумышленность, при которых доминирует воля (*Absicht*); прямой умысел, при котором доминирует знание (*direkter Vorsatz*), и косвенный (эвентуальный) умысел (*Eventualvorsatz*), который характеризуется равным распределением воли и знания⁵.

Важнейшим положением принципиального свойства уголовного законодательства Австрии является наказуемость за виновное действие, о чем свидетельствует ряд уголовно-правовых норм данной страны. В частности, в Уго-

---

¹ См.: Лекшас И. Указ. соч. С. 65, 64.

² См: Уголовный кодекс ФРГ / пер. с нем. и предисл. А.В. Серебренниковой. М.: ИКД «Зерцало-М», 2001. 208 с.

³ Там же. С. 16.

⁴ Цит по: Жалинский А., Рерихт А. Указ. соч. С. 613.

⁵ Подробнее об этом см.: Жалинский А., Рерихт А. Указ. соч. С. 614 – 616.

ловном кодексе Австрии¹ (далее — УК Австрии), § 4 «Нет наказания без вины» закреплено: «Только тот подлежит наказанию, кто действует виновно»², а в § 5 «Умысел» дается понятие трех его проявлений (можно сказать, видов, используя российскую уголовно-правовую терминологию): 1) умышленное действие (ч. 1 § 5), 2) намеренное действие (ч. 2 § 5) и 3) осознанное действие (ч. 3 § 5).

Согласно ч. 1 § 5 «Умышленно действует тот, кто желает осуществить фактическую сторону дела, которая соответствует составу деяния; для этого достаточно, чтобы лицо серьезно допускало возможность его осуществления и мирилось с этим»³. Следует отметить, что уголовно-правовые нормы Австрии не содержат описания рассматриваемого вида умысла применительно к преступлениям с материальным составом.

Второй вид умысла, согласно ч. 2 § 5 УК Австрии, присутствует в тех случаях, когда «Лицо действует намеренно, если оно предполагает осуществить фактическую сторону дела или достичь наступления последствий, которые определены законом в качестве предполагаемого деяния»⁴. Намеренность в формуле данного вида умысла, думаем, подчеркивает проявление «злой воли» лица, совершившего преступление; и это, по всей видимости, свидетельствует о повышенной степени его общественной опасности. Его особенностью, на наш взгляд, является также то, что он характерен как для преступлений с формальным, так и материальным составом.

Третий вид умысла, согласно ч. 3 § 5 УК Австрии, констатируется в следующих случаях: «Лицо действует осознанно, если оно не просто предвидит возможность осуществления фактической стороны дела или наступления последствий, которые определены законом как осознанные, но и предвидит неизбежность их осуществления или наступления»⁵.

---

¹ См.: Уголовный кодекс Австрии / пер. с нем. А.В. Серебренниковой; науч. ред. Н.Е. Крылова. М.: ИКД «Зерцало-М», 2001. 144 с.

² Там же. С. 10.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Во Франции установлена персональная ответственность физических лиц за преступления и проступки (ст. 121-1 гл. I «Общие положения» раздела II «Об уголовной ответственности» Уголовного кодекса Франции). Из форм вины названы умысел, неосторожность, небрежность, предосторожность и безопасность (ст. 121-3). Согласно ч. 1 ст. 121-3 данного закона преступление или проступок не имеют места в случае отсутствия умысла на их совершение¹. Понятие умысла в УК Франции не раскрывается.

Доктрина выделяет прямой умысел и степени вины в умышленном преступлении. Прямой умысел она усматривает в тех случаях, когда виновный сознает преступный характер своего действия или бездействия, желает его совершить и достичь определенного результата. Предумышленность рассматривается как квалифицированный вид умысла, отягчающий вину. Умысел, возникший в результате провокации, наоборот, смягчает ответственность. Если вред от деяния оказывается большим, чем предвидел субъект, это может свидетельствовать о неопределенном или претеринтенционном видах умысла. При неопределенном умысле субъект желает причинить вред, но не определяет его истинный размер или тяжесть. Ответственность наступает в таком случае за фактический результат. Претеринтенционный умысел характерен для ситуаций, когда виновный имел четкую цель, но результат превзошел намерение, например, хотел избить своего недруга, но тот умер. Концепция косвенного умысла используется в некоторых нормах УК Франции при конструировании конкретных составов преступлений².

В уголовном законодательстве Испании отсутствуют дефиниции вины и ее форм, вместе с тем ему не чужды понятия «виновный», «умысел», «неосторожность». В соответствии с п. «б» ст. 11 (гл. I «Преступление и проступки», разд. I «Уголовное правонарушение», книга I «Общие положения о преступлениях и проступках, лицах, подлежащих уголовной ответственности, наказани-

---

¹ См.: Уголовный кодекс Франции / науч. ред. Л.В. Головкин, Н.Е. Крыловой; пер. с фр. и предисл. Н.Е. Крыловой. СПб.: Изд-во «Юрид. центр Пресс», 2002. С. 77 – 78.

² См.: Преступление и наказание в Англии, США, Франции, ФРГ, Японии: Общая часть уголовного права / отв. ред. Н.Ф. Кузнецова. М.: Юрид. лит., 1991. С. 64 – 65.

ях, мерах безопасности и других последствиях совершения уголовных правонарушений») Уголовного кодекса Испании бездействие приравнивается к действию, когда виновный своим предыдущим действием или бездействием подверг опасности юридически защищаемое право»¹. Согласно ст. 10 преступлениями или проступками являются действия или бездействия, совершенные с умыслом или по неосторожности².

По итальянскому уголовному праву психологическим (субъективным) элементом преступления является вина, т.е. психическое отношение лица к своему действию (бездействию) и вредному результату. В ст. 42 УК Италии закреплено: «Никто не может быть наказан за действие или бездействие, предусмотренное законом как уголовное правонарушение, если оно не совершено осознанно и по своей воле»³.

Согласно ст. 43 названного уголовного закона преступление признается умышленным или соответствующим намерению, когда опасный и вредоносный результат есть следствие добровольного действия (бездействия), нарушающего закон, и когда он осознавался субъектом и желался как следствие такового. Для уголовного права Италии (как и Франции) характерен также претеринтенционный умысел⁴.

В Уголовном кодексе Бельгии (далее — УК Бельгии), принятом Законом от 8 июня 1867 г., по состоянию на 1 сентября 2001 г.⁵, вопрос о вине и ее проявлениях преломляется через призму ответственности физического лица в рамках ответственности лица юридического, назначения наказания по совокупности преступлений и через призму конкретных составов преступлений. «Если ответственность юридического лица порождена исключительно действиями

---

¹ См.: Уголовный кодекс Испании / под ред. и с предисл. Н.Ф. Кузнецовой и Ф.М. Решетникова. М.: Изд-во ЗЕРЦАЛО, 1998. С. 14.

² См.: Там же.

³ Цит по: Уголовное право зарубежных государств. Общая часть: учеб. пособие / под ред. и с предисл. И.Д. Козочкина. М.: Омега-Л, Ин-т междунар. права и экономики им. А.С. Грибоедова, 2003. С. 522.

⁴ См.: Уголовное право зарубежных государств. Общая часть: учеб. пособие / под ред. и с предисл. И.Д. Козочкина. С. 523.

⁵ См.: Уголовный кодекс Бельгии / науч. ред. и предисл. Н.И. Мацнева; пер. с фр. Г.И. Мачковского. СПб.: Изд-во «Юрид. центр Пресс», 2004. 561 с.

конкретного физического лица, осуждено может быть только то лицо, вина которого наиболее тяжкая. Если виновное физическое лицо действовало сознательно и добровольно, оно может быть осуждено наряду с ответственным юридическим лицом»¹ (ч. 2 ст. 5 гл. I «О правонарушениях» книги первой «Общие положения о правонарушениях и о мерах наказания»). В ст. 65 гл. VI книги I уголовного закона использовано словосочетание «преступное намерение»: «Если одни и те же действия образуют несколько правонарушений или если несколько различных правонарушений, находящихся в производстве одного и того же судьи, рассматривающего дело по существу, представляют собой последовательное и непрерывное проявление одного и того же преступного намерения, назначается только наиболее строгое наказание»².

Своеобразные отголоски субъективных элементов присутствуют в ст. 68, в соответствии с которой «Те, кто, зная о преступной деятельности лиц, совершающих вооруженные разбойные нападения или акты насилия в отношении безопасности Государства, общественного спокойствия, лиц или имущества, занимаются предоставлением им жилья, мест для укрытия или сборищ, подлежат наказанию как соучастники»³.

Книга II «Об отдельных правонарушениях и наказаниях за них» УК Бельгии оперирует понятиями «виновный», «сознательно». Так, ст. 116, входящая в гл. II «О преступлениях и проступках против внешней безопасности государства» разд. 1 «О преступлениях и проступках против безопасности государства» данной книги, закрепляет: «Кто сознательно передал или сообщил вражескому государству или любому лицу, действующему в его интересах, полностью или частично, в оригинале или в репродукции, объекты, планы, тексты, документы или сведения, секретность которых по отношению к неприятелю установлена в интересах обороны территории или безопасности государства, карается лишением свободы пожизненно»⁴. Примером использования термина «виновный»

---

¹ Уголовный кодекс Бельгии. С. 43.

² Там же. С. 68.

³ Там же. С. 70 – 71.

⁴ Там же. С. 88 – 89.

может быть ст. 146: «Если побои вызвали кровотечение, ранение или заболевание, виновный карается тюремным заключением на срок от шести месяцев до пяти лет и штрафом от ста франков до тысячи франков»¹.

Датский законодатель в вопросах форм, видов вины очень лаконичен, он не дает развернутых дефиниций ни вины, ни ее форм и видов. В Уголовном кодексе Дании² (далее — УК Дании) упоминаются слова и словосочетания: небрежность; преступление совершено по небрежности, преступный умысел, сила и стойкость преступного умысла, умышленное преступление, неумышленное последствие и др.

Так, в п. 2 § 21 гл. 4 «Покушение и соучастие» закреплено: «Наказание, предусмотренное за преступление, может быть уменьшено в случае покушения, особенно если покушение свидетельствует о небольшой силе или стойкости преступного умысла»³.

В соответствии с § 19 гл. 3 «Условия, касающиеся уголовной ответственности» УК Дании «В отношении преступлений, предусмотренных в настоящем Законе, деяния, совершенные по небрежности, не должны влечь наказание, если это прямо не указано. В отношении иных преступлений соответствующее уголовно-правовое положение должно применяться, даже если преступление было совершено по небрежности, если обратное особо не предусмотрено»⁴. Важно воспроизвести и положение § 20 гл. 3 анализируемого уголовного закона: «Если наказание или ужесточение наказания зависит от того факта, что умышленное преступление привело к неумышленному последствию, то применение такого наказания должно иметь место, только если данное последствие объясняется небрежностью обвиняемого или если он по мере своих возможностей не предотвратил наступление данного последствия после того как узнал об опасности»⁵.

---

¹ Уголовный кодекс Бельгии. С. 118.

² См.: Уголовный кодекс Дании / науч. ред. и предисл. С.С. Беляева; пер. с дат. и англ. С.С. Беляева, А.Н. Рычевой. СПб.: Изд-во «Юрид. центр Пресс», 2001. 230 с.

³ Там же. С. 26.

⁴ Там же. С. 25.

⁵ Там же.

Законы логики и системно-структурный анализ приведенных норм дают основание сделать вывод о том, что из форм вины датский законодатель выделяет умысел и небрежность, психологические оттенки умысла — умысел небольшой силы или стойкости и умысел большой силы или стойкости, а также аналог российской сложной (двойной) формы вины, когда умышленное преступление привело к неумышленному последствию.

В Уголовном кодексе Республики Болгария¹ (далее — УК Республики Болгария) виновность названа в качестве обязательного признака преступления, выделяются умысел и неосторожность как формы виновности деяния, названы два психологических оттенка умысла.

Так, в ч. 1 ст. 9 разд. I «Общие положения» гл. 2 «Преступление» УК Республики Болгария закреплено: «Преступлением является такое общественно опасное деяние (действие или бездействие), которое совершено виновно и объявлено законом наказуемым»², что подтверждает мысль о виновности как обязательном признаке преступления. О формах виновности (вины) сказано в ч. 1 ст. 11 (разд. I, гл. 2) УК Республики Болгария: «Общественно опасное деяние признается виновным, если оно совершено умышленно или по неосторожности»³. Часть вторая данной статьи определяет виды умысла: «Деяние признается совершенным умышленно, если лицо, его совершившее, сознавало его общественно опасный характер, предвидело его общественно опасные последствия и желало или допускало наступление этих последствий»⁴.

В соответствии с § 1 ст. 9 гл. 1 «Принципы уголовной ответственности» части Общей Уголовного кодекса Республики Польша «Запрещенное деяние совершается умышленно, если лицо имеет намерение его совершить, то есть

---

¹ См.: Уголовный кодекс Республики Болгария / науч. ред. А.И. Лукашова; пер. с болг. Д.В. Милушева, А.И. Лукашова; вступ. ст. Й.И. Айдарова. СПб.: Изд-во «Юрид. центр Пресс», 2001. 298 с.

² Там же. С. 30.

³ Там же. С. 31.

⁴ Там же.

желает его совершить либо, предвидя возможность его совершения, соглашается на это»¹.

Из процитированного положения вытекает то, что польский законодатель признает два вида умысла — прямой и косвенный. Вместе с тем в норме права речь идет о запрещенном деянии, совершенном умышленно. Из этого понятия нельзя сделать однозначный вывод о том, имеются в виду преступления только с формальным составом или же не сбрасываются со счетов и материальные составы преступлений. Буквальное толкование вышеприведенной уголовно-правовой нормы свидетельствует в пользу преступлений с формальным составом. Однако в Уголовном кодексе Республики Польша установлена более строгая ответственность за последствия запрещенного деяния, о чем свидетельствует § 3 ст. 9: «Виновный несет более строгую ответственность, которую закон ставит в зависимость от определенного последствия запрещенного деяния, если это последствие он предвидел либо мог предвидеть»².

Страны Латинской Америки, будучи ранее колониями государств Западной Европы, «впитали» в себя многие положения континентальной системы права. Из стран Латинской Америки нас привлекла Аргентина, уголовное законодательство³ которой мало изучено, но которое интересно тем, что представляет собой некий сплав испанского, итальянского и германского законодательства⁴. Оно не дает понятия ни вины, ни умысла, ни их видов, однако термины и словосочетания «виновный», «вина», «предумышленный сговор» в нем встречаются. Так, в соответствии со ст. 42 Уголовного кодекса Аргентины (далее — УК Аргентины) «Тому, кто с целью совершить преступление начал его исполнение, но не довел его до конца по не зависящим от воли виновного причинам, назначаются наказания, предусмотренные в статье 44»⁵. А в ст. 54 данного за-

---

¹ Уголовный кодекс Республики Польша / науч. ред. А.И. Лукашов, Н.Ф. Кузнецова; вступ. ст. А.И. Лукашова, Э.А. Саркисовой; пер. с польск. Д.А. Барилевич. СПб.: Изд-во «Юрид. центр Пресс», 2001. С. 48.

² Там же. С. 49.

³ См.: Уголовный кодекс Аргентины / науч. ред. и вступ. ст. Ю.В. Голика; пер. с исп. Л.Д. Ройзенгурта. СПб.: Изд-во «Юрид. центр Пресс», 2003. 240 с.

⁴ См.: *Голик Ю.А.* Вступительная статья // Уголовный кодекс Аргентины. С. 14.

⁵ Уголовный кодекс Аргентины. С. 56.

кона закреплено: «Если к виновному в совершении противоправного деяния применимы несколько наказаний, назначается только наиболее строгое из них»¹.

Важно также обратить внимание на положения ч. 2 ст. 80 УК Аргентины, в которой констатируется, что при чрезвычайных смягчающих вину обстоятельствах судья вправе назначить наказание в виде каторжных работ или тюремного заключения сроком от восьми до двадцати пяти лет. О предумышленном сговоре речь идет в п. 6 ч. 1 ст. 80 того же закона, согласно которому тот, кто причинил смерть по предумышленному сговору двух или более лиц, наказывается пожизненными каторжными работами или пожизненным тюремным заключением².

Общее право (*common law*), отмечают Р. Давид и К. Жоффре-Спинози, было создано судьями, разрешавшими споры между отдельными лицами. Поэтому норма общего права направлена на разрешение конкретной проблемы³.

Англия — «колыбель» общего права, возникшего как право прецедентное⁴. Поэтому неслучайно в рамках общего права выделяют англосаксонскую систему права, или просто английское право⁵. Особенность английского уголовного права — в отсутствии единого уголовного кодекса⁶. Вопросы преступления и наказания в определенной степени регламентируются Законами об уголовном праве 1967 г. и 1977 г. (*Criminal Law Act 1967; 1977*)⁷.

После неудавшейся попытки принятия Уголовного кодекса Англии, проект которого был опубликован в 1989 г., уголовное законодательство продолжало развиваться традиционным для нее путем — посредством принятия от-

---

¹ Уголовный кодекс Аргентины. С. 66.

² См.: Там же. С. 83 – 84; 82 – 83.

³ См.: Давид Р., Жоффре-Спинози К. Указ. соч. С. 22 – 23.

⁴ См.: Мелешко Н.П., Тарло Е.Г. Указ. соч. С. 24 – 25.

⁵ См.: Давид Р., Жоффре-Спинози К. Указ. соч. С. 208 – 209.

⁶ См.: Уголовное право Англии. Характеристика источников уголовного права Англии // Уголовное право буржуазных стран. Общая часть: сб. законодательных актов / под ред. А.Н. Игнатова и И.Д. Козочкина. М.: Изд-во УДН, 1990. С. 11.

⁷ См.: Уголовное законодательство зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии, Японии): сб. законодат. матер. / под ред. И.Д. Козочкина. М.: Изд-во «Зерцало», 2001. С. 14 – 18.

дельных нормативных актов¹. Среди них следует назвать Закон об уголовной юстиции 1991 г. (Criminal Justice Act 1991)² и Закон о преступлении (наказания) 1997 г. (Crime (Sentences) Act 1997)³.

Вина в уголовном праве Англии обозначается как «mens rea», толкуемое по-разному: и как аморальный мотив, и как порочная воля, и как злой разум и т.п. В частности, английский судья Девлин полагает, что «mens rea» включает два элемента: а) намерение совершить деяние и б) знание обстоятельств, которое делает данное деяние преступлением. Хэлсбери утверждает, что «mens rea» представляет собой психическое состояние, заслуживающее порицания⁴. Р. Кросс и Ф. Джонс вкладывают в это понятие иной смысл: «Это любое психическое состояние, ... которое прямо или косвенно указано в определении того преступления, которое вменяется в вину»⁵.

В законодательстве, доктрине и практике преобладает упоминание трех форм вины: 1) намерение; 2) неосторожность; 3) небрежность. С учетом исследуемой нами проблемы более подробно остановимся на понятии «намерение». Намерение (intent) обосновывает уголовную ответственность за «серьезное преступление». Согласно английскому уголовному праву лишь тогда можно сказать, что лицо намеревается совершить преступление, когда у него есть цель и, можно сказать, оно действует умышленно, даже когда знает, что шансы совершить преступление малы⁶.

В Законе о преступлении (наказания) 1997 г. (Crime (Sentences) Act 1997) мы нашли термины «умышленное» и «серьезное преступление» в следующем контексте: «Преступление, совершенное в Англии и Уэльсе, признается серьезным, ... если оно является ... преступлением согласно параграфу 18 Закона о

¹ См.: Козочкин И.Д. Предисловие // Уголовное законодательство зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии, Японии): сб. законодат. матер. / под ред. И.Д. Козочкина. С. 1.

² См.: Уголовное законодательство зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии, Японии): сб. законодат. матер. / под ред. И.Д. Козочкина. С. 42 – 46.

³ См.: Там же. С. 46 – 51.

⁴ См.: Крылова Н.Е., Серебренникова А.В. Указ. соч. С. 79.

⁵ Цит по: Крылова Н.Е., Серебренникова А.В. Указ. соч. С. 79.

⁶ См.: Преступление и наказание в Англии, США, Франции, ФРГ, Японии: Общая часть уголовного права / отв. ред. Н.Ф. Кузнецова. С. 17.

преступлениях против личности 1861 г. (умышленное ранение или причинение тяжких телесных повреждений)»¹.

В Законе об уголовно наказуемом покушении 1981 г. (Criminal Attempts Act 1981) закреплено: лицо должно быть признано имеющим намерение совершить преступление, если намерение лица не должно быть расценено как намерение совершить преступление, но обстоятельства дела таковы, как оно полагает, намерения лица должны считаться таковыми (Часть I. Покушение и др. Покушение, 1. — (1))². Это положение напоминает мнимое преступление, выделяемое российскими теоретиками уголовного права.

Прецеденты, созданные Палатой лордов, свидетельствуют о попытках выяснить, что представляет собой намерение в отличие от мотива и желания. По данному вопросу основополагающим является вынесенное ею в 1985 г. решение по делу Молоуни, который был признан Апелляционным судом виновным в тяжком убийстве своего отчима при следующих обстоятельствах. После семейного торжества обвиняемый и его отчим, находившиеся в состоянии сильного алкогольного опьянения, поспорили, кто быстрее зарядит ружье и выстрелит. Обвиняемый зарядил ружье быстрее и после слов отчима, что у него не хватит духу выстрелить, не целясь, просто нажал на курок — в результате отчим был убит. Судья при вынесении решения напутствовал присяжных так: «Человек действует намеренно в отношении последствия своего добровольного акта, а) когда он желает его наступления, независимо от того, предвидит он его вероятное наступление или нет, и б) когда он предвидит, что оно наступит, независимо от того, желает он этого или нет». Палата лордов, отменив данное решение судьи, рекомендовала судьям избегать усложненного понятия намерения, а в напутствии присяжным они должны просто сказать, что намерение является чем-то совершенно иным, чем мотив или желание³.

---

¹ Уголовное законодательство зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии, Японии): сб. законодат. матер. / под ред. И.Д. Козочкина. С. 47.

² См.: Там же. С. 18.

³ См.: Уголовное право зарубежных государств. Общая часть: учеб. пособие / под ред. и с предисл. И.Д. Козочкина. С. 28 – 29.

На развитие уголовного права Соединенных Штатов Америки решающее влияние оказало английское право. Бывшие владения Англии унаследовали принципы общего права. По мере расширения территории США сфера их применения распространялась и на все новые штаты, несмотря на влияние других европейских правовых систем. В силу этих особенностей англо-американскую правовую систему называют системой «общего права»¹. Вместе с тем дальнейшее развитие уголовного права США осуществлялось по своему, американскому варианту².

Уголовное законодательство данной страны представляет собой конгломерат нормативных систем, не соподчиненных друг другу: наряду с уголовно-правовыми системами 52 штатов, округов и территорий существует федеральный УК (раздел 18 свода законов США) в качестве 53-й системы³.

Традиционная англо-американская уголовно-правовая доктрина выделяет «mens rea» (виновное состояние ума) как элемент преступления, характеризующий субъективную сторону. В понятие «виновное состояние ума» включается состояние интеллекта, воли и эмоций⁴.

Примерный уголовный кодекс США (проект), опубликованный в 1962 г., вместо «mens rea» предложил более точный термин — «виновность» (culpability). В статье 2.02 (п. 1) провозглашен принцип ответственности только при наличии вины и закреплены ее формы: «... лицо не виновно в посягательстве, если не действовало с целью, заведомо (осознанно), опрометчиво (неосторожно) или небрежно, — в зависимости от того, что требуется по закону относительно каждого из материальных элементов этого посягательства»⁵.

Современное американское уголовное право различает четыре формы виновности (вины) применительно к результату, две из них можно назвать умыш-

---

¹ См.: *Никифоров Б.С., Решетников Ф.М.* Современное американское уголовное право / отв. ред. В.А. Власихин. М.: «Наука», 1990. С. 6, 11.

² См.: Преступление и наказание в Англии, США, Франции, ФРГ, Японии: Общая часть уголовного права / отв. ред. Н.Ф. Кузнецова. С. 124.

³ См.: *Никифоров Б.С., Решетников Ф.М.* Указ соч. С. 9.

⁴ См.: Там же. С. 44.

⁵ Цит по: Преступление и наказание в Англии, США, Франции, ФРГ, Японии: Общая часть уголовного права / отв. ред. Н.Ф. Кузнецова. С. 142.

ленными. Они выглядят следующим образом: 1) «с целью» действует тот, кто стремится достигнуть именно этого результата; 2) «с сознанием» действует тот, кто не преследует цели достижения данного результата, но сознает «высокую степень вероятности того, что его поведение приведет к этому (или «практически убежден», что такой результат наступит). Первое проявление умышленной формы виновности отличается от второго наличием или отсутствием позитивного желания вызвать результат¹. Однако в литературе «с целью» (намерение) и «с сознанием» (заведомость) подчас объединяются под названием «специальная вина»².

Американскому уголовному законодательству известно понятие «умышленное действие»: «Тот, кто умышленно вызывает совершение действия, которое, будь оно совершено непосредственно им или другим лицом, считалось бы посягательством против Соединенных Штатов, наказывается как его исполнитель»³ (Свод законов Соединенных Штатов Америки, разд. 18 «Преступления и уголовный процесс», ч. 1 «Преступления», гл. 1 «Общие положения», § 2 «Исполнители», (b)).

Согласно п. 6 § 15.00 «Виновность; определение терминов» ст. 15 («Виновность») разд. В «Принципы уголовной ответственности» Уголовного кодекса штата Нью-Йорк (гл. 40 Свода законов штата) «Виновное психическое состояние» означает: «намеренно», «осознанно» («заведомо»), «неосторожно» или с «преступной небрежностью»⁴. По сути, законодатель так назвал формы вины.

«Лицо действует намеренно по отношению к результату или поведению, которые описаны законом, определяющим посягательство, если его сознательной целью является причинение такого результата или осуществление такого

---

¹ См.: *Никифоров Б.С., Решетников Ф.М.* Указ соч. С. 47.

² См.: Уголовное законодательство России и стран АТР: компаративное исследование / колл. авт.; отв. ред. А.И. Коробеев. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. — (Серия «Монографии»). С. 28.

³ Уголовное законодательство зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии, Японии): сб. законодат. матер. / под ред. И.Д. Козочкина. С. 65.

⁴ Там же. С. 102.

поведения», — разъясняется значение формы вины «намеренно» в п. 1 § 15.05 «Виновность; определения виновных психических состояний» вышеназванной статьи¹.

В понятия «осознанно», «заведомо» законодатель вкладывает следующий смысл: «Лицо действует осознанно или заведомо по отношению к поведению или обстоятельствам, которые описаны законом, определяющим посягательство, если оно осознает, что его поведение является таковым по своему характеру или что такие обстоятельства существуют»².

Можно сказать, что осознанность и заведомость, по сути, отождествляются друг с другом и с осознанием противоправности посягательства.

Правовая система Австралии, по мнению Ф.М. Решетникова, формировалась под решающим влиянием английского права³.

В соответствии с Уголовным кодексом Австралии⁴ (далее — УК Австралии) умысел признается одним из элементов вины наряду с преступным знанием (заведомостью), неосторожностью или небрежностью (ч. 2.2, разд. 5 «Элементы вины», ст. 5.1).

Согласно п. 1 ст. 5.2 разд. 5 ч. 2.2. Кодекса «Лицо имеет умысел на совершение деяния, если он или она предполагают осуществить данное поведение»⁵.

Пункт 2 ст. 5.2 разд. 5 ч. 2.2 названного закона закрепляет такое положение: «Лицо имеет умысел относительно какого-либо обстоятельства, если он или она полагают, что оно существует или будет существовать»⁶.

---

¹ Уголовное законодательство зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии, Японии): сб. законодат. матер. / под ред. И.Д. Козочкина. С. 103.

² Там же.

³ См.: Решетников Ф.М. Правовые системы стран мира: справочник. М.: Юрид. лит-ра, 1993. С. 6.

⁴ См.: Уголовный кодекс Австралии 1995 г. / науч. ред. и предисл. И.Д. Козочкина и Е.Н. Трикоз; пер. с англ. Е.Н. Трикоз. СПб.: Изд-во «Юрид. центр Пресс», 2002. 388 с.

⁵ Там же. С. 54 – 55.

⁶ Там же. С. 55.

Пункт 3 анализируемой статьи гласит: «Лицо имеет умысел относительно какого-либо результата, если он или она предполагают вызвать его или знают, что он наступит при обычном развитии событий»¹.

Представляет теоретико-прикладной интерес понятие преступного знания (заведомости), которое ст. 5.3 разд. 5 ч. 2.2. УК Австралии определяется следующим образом: «Лицо имеет преступное знание об обстоятельстве или результате, если он или она знают, что они существуют или будут существовать при обычном развитии событий»².

Страны Дальнего Востока, по мнению Р. Давида и К. Жоффре-Спинози, придерживаются формулы «право хорошо для варваров». Например, Китай, отмечая, отказавшись от кодексов по западной модели, избрал свой собственный путь, в котором праву отведено скромное место³.

Вместе с тем в уголовном законе Китайской Народной Республики⁴ закреплено понятие «преступление, совершенное умышленно». Статья 14 Уголовного кодекса Китайской Народной Республики содержит следующее положение: «Преступление признается совершенным умышленно, если лицо сознавало общественно опасный характер своих действий и их последствий, желало или сознательно допускало их наступление»⁵.

Япония привлекает своей самобытностью и некой исключительностью правовой культуры. «Особенность исторического развития уголовной юстиции, равно как и всей правовой культуры Японии, — отмечает А.И. Коробеев, — заключается прежде всего в ее обособленности (до XIX в.) от правового влияния западных культур. Когда же все-таки такое влияние осуществилось, японцы смогли органически соединить традиции страны и современный западный прагматизм»⁶.

---

¹ Уголовный кодекс Австралии 1995 г. С. 55.

² Там же.

³ См.: Давид Р., Жоффре-Спинози К. Указ. соч. С. 27.

⁴ См.: Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / под ред. А.И. Коробеева; пер. с кит. Д.В. Вичикова. СПб.: Изд-во «Юрид. центр Пресс», 2001. 303 с.

⁵ Там же. С. 20.

⁶ См.: Коробеев А.И. Предисловие // Уголовный кодекс Японии / науч. ред. и предисл. А.И. Коробеева. СПб.: Изд-во «Юрид. центр Пресс», 2002. С. 7.

В литературе есть и суждения, которые развеивают этот ореол. Так, Р. Давид и К. Жоффре-Спинози считают, что в Японии действуют кодексы, созданные по европейской модели, но население мало обращается к ним, равно как и к правосудию. И суды сами склоняют стороны к мировому соглашению, разработав оригинальную технику применения права¹.

В Японии традиционна психологическая теория вины, однако среди теоретиков есть и сторонники (например, Кимура) нормативной (оценочной) концепции².

Об умысле в Уголовном кодексе Японии³ упоминается вместе с неосторожностью и ошибкой в одной ст. 38, которая так и называется «Умысел, неосторожность, ошибка», предусматривающая следующее: «Ненаказуемо действие, совершенное при отсутствии умысла совершить преступление; однако это не относится к случаям, когда закон содержит специальные положения. <...> Отсутствие умысла совершить преступление не может образовываться через незнание закона; однако в зависимости от обстоятельств возможно смягчение наказания»⁴.

Уголовное законодательство Республики Корея⁵ (далее — УК Республики Корея) использует термин «умышленно», однако не дает никаких пояснений по этому поводу; понятие «умысел» вообще в нем не встречается. Термин «умышленно» предстает в таком контексте: «Положения двух предыдущих параграфов не должны применяться к действиям лица, которое предвидело совершение преступления, однако умышленно подверглось чьему-то психическому воздействию»⁶ (ч. 3 ст. 10, гл. II «Преступление», разд. 1 «Совершение преступления и назначение наказания» УК Республики Корея). Вместе с тем

---

¹ См.: Давид Р., Жоффре-Спинози К. Указ. соч. С. 27.

² См.: Преступление и наказание в Англии, США, Франции, ФРГ, Японии: Общая часть уголовного права / отв. ред. Н.Ф. Кузнецова. С. 224.

³ См.: Уголовный кодекс Японии / науч. ред. и предисл. А.И. Коробеева. СПб.: Изд-во «Юрид. центр Пресс», 2002. 226 с.

⁴ Там же. С. 51 – 52.

⁵ Уголовный кодекс Республики Корея / науч. ред. и предисл. А.И. Коробеева; пер. с кор. В.В. Верхоляка. СПб.: Изд-во «Юрид. центр Пресс», 2004. 240 с.

⁶ Там же. С. 46.

корейским законодателем востребованы понятия «преступное намерение» и «преступная небрежность». Так, в соответствии со ст. 13 («Преступное намерение») «Деяние, совершенное вследствие незнания фактов, содержащих обязательные элементы преступления, не подлежит наказанию, за исключением специальных случаев, предусмотренных законом»¹, а со ст. 14 («Преступная небрежность») УК Республики Корея «Деяние, совершенное вследствие незнания фактов, содержащих обязательные элементы преступления, если при этом пренебрегается обычным вниманием, подлежит наказанию только в случаях, предусмотренных законом»².

Правовая система стран Балтии и стран-участниц СНГ длительное время испытывала влияние советского уголовного права, что объясняется их функционированием в недалеком прошлом в едином правовом пространстве. Как справедливо отмечает А.Г. Блинов, близкие по доктринальным взглядам и законодательной технике уголовные кодексы названных государств основываются на одинаковых принципах, исходят из единых задач. Однако каждое из ныне самостоятельных и независимых государств, опираясь на накопленный национальный опыт, идет по своему пути развития уголовно-правовой доктрины, законотворческой и правоприменительной деятельности³.

В уголовном законодательстве стран Балтии востребована психологическая концепция вины. Из форм вины признаются умысел и неосторожность, умысел подразделяется на прямой и косвенный.

Так, в Уголовном кодексе Латвийской Республики⁴ есть прямое указание на то, что в нем заложена психологическая концепция вины, о чем свидетельствует его ч. 2 ст. 8: «При определении формы вины лица, совершившего преступное деяние, необходимо установить психическое отношение данного лица

---

¹ Уголовный кодекс Республики Корея. С. 47.

² Там же.

³ См.: *Блинов А.Г.* Указ. соч. С. 35.

⁴ См.: Уголовный кодекс Латвийской Республики / науч. ред. и вступ. ст. А.И. Лукашова и Э.А. Саркисовой; пер. с латыш. А.И. Лукашова. СПб.: Изд-во «Юрид. центр Пресс», 2001. 313 с.

к объективным признакам преступного деяния»¹. Из форм вины латвийский законодатель выделяет умысел и неосторожность (ч. 1 ст. 8 Кодекса). Согласно ст. 9 уголовного закона Латвии преступное деяние признается совершенным с умыслом (умышленно), если лицо, его совершившее, предвидело последствия деяния и желало их (прямой умысел) или, хотя и не желало этих последствий, но сознательно допускало их наступление (косвенный умысел)². Следует заметить, что в определении умыслов (как прямого, так и косвенного) интеллектуальный момент представлен лишь предвидением последствий деяния, причем, характер (общественно опасные, вредоносные и т.п.) и степень предвидения последствий не конкретизируются.

Литовский законодатель также пошел по пути признания формами вины умысла и неосторожности (ст. 14 Уголовного кодекса Литовской Республики³ (далее — УК ЛР). Из видов умысла названы прямой и косвенный (ч. 1 ст. 15 УК ЛР). Спецификой следует признать дифференцированный подход к определению прямого умысла с учетом конструкции состава преступления (формальный или материальный составы). Так, преступление признается совершенным с прямым умыслом, если при его совершении лицо осознавало опасный характер своего преступного деяния и желало так действовать (п. 1 ч. 2 ст. 15 УК ЛР)⁴. Данная дефиниция прямого умысла ориентирована на формальный состав преступления. Преступление с материальным составом признается совершенным с прямым умыслом, когда лицо осознавало опасный характер своего преступного деяния, предвидело возможность наступления последствий в результате его действия (бездействия) и желало их наступления (п. 2 ч. 2 ст. 15 УК ЛР)⁵. Косвенный умысел определен только применительно к материальным составам преступлений. Сие свидетельствует о том, что в материальных составах пре-

---

¹ Уголовный кодекс Латвийской Республики. С. 54.

² См.: Там же.

³ См.: Уголовный кодекс Литовской Республики / науч. ред. В. Павилониса; предисл. Н.И. Мацнева; вступ. ст. В. Павилониса, А. Абрамавичюса, А. Дракшене; пер. с лит. В.П. Казанскене. СПб.: Изд-во «Юрид. центр Пресс», 2003. С. 129.

⁴ См.: Там же.

⁵ См.: Там же.

ступлений косвенный умысел невозможен. Согласно ч. 3 ст. 15 УК ЛР преступление признается совершенным с косвенным умыслом, если при его совершении лицо осознавало опасный характер своего преступного деяния, предвидело возможность наступления последствий и, хотя не желало их наступления, но сознательно допускало эти последствия¹. Из приведенных законодательных дефиниций прямого и косвенного умыслов следует, что их единственное различие — в волевом компоненте.

В отличие от латвийской трактовки прямого и косвенного умыслов, литовское их прочтение имеет более полное представление об интеллектуальном компоненте, иными словами, в нем идет речь не только о восприятии сознанием деяния, но и его последствия.

В уголовном законодательстве Эстонии также присутствует вышеописанная модель умысла и его видов, однако есть нюансы в законодательной технике, на что мы и обратим внимание. В частности, умысел является прямым, если лицо сознает характер и значение своего действия или бездействия, и в случае, если деяние признается доведенным до конца с наступлением определенных последствий, — предвидит эти последствия и желает их (ч. 2 ст. 8 Уголовного кодекса Эстонской Республики). Умысел является косвенным, если лицо сознает характер и значение своего действия или бездействия, предвидит, что его деяние повлечет последствия, с наступлением которых оно признается доведенным до конца, и хотя не желает, но сознательно допускает наступление этих последствий (ч. 3 ст. 8 УК Эстонской Республики)².

Таким образом, эстонский законодатель сохранил приверженность советской школе уголовного права в вопросе конструирования видов умысла. Вместе с тем достаточно определенно решил вопрос о возможности косвенного умысла только в материальных составах преступлений. Однако в формулировках прямого и косвенного умыслов присутствует некая «размытость»: 1) указывая на осознание характера и значения действия (бездействия), законодатель не уточ-

---

¹ См.: Уголовный кодекс Литовской Республики. С. 129 – 130.

² См.: Уголовный кодекс Эстонской Республики / науч. ред. и пер. с эст. В.В. Запевалова; вступит. ст. Н.И. Мацнева. СПб.: Изд-во «Юрид. центр Пресс», 2001. С. 42 – 43.

няет их свойств — общественную опасность, вредоносность и т.д.; 2) весьма обтекаемо говорит о качественной характеристике предвиденных последствий, используя термин «определенные».

Белорусский законодатель дает следующую дефиницию вины: «Вина — это психическое отношение лица к совершаемому общественно опасному деянию, выраженное в форме умысла или неосторожности»¹ (ч. 1 ст. 21 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК РБ)). Таким образом, на уровне закона закреплена психологическая концепция вины.

Понятия прямого и косвенного умыслов представлены через понятия преступлений, совершенных с данными видами вины (использован тот же технический прием, что и в российском уголовном законе): «Преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо, его совершившее, сознавало общественную опасность своего действия или бездействия, предвидело их общественно опасные последствия и желало их наступления.

Преступление признается совершенным с косвенным умыслом, если лицо, его совершившее, предвидело их общественно опасные последствия, не желало, но сознательно допускало наступление этих последствий либо относилось к ним безразлично»² (ч. 2 и 3 ст. 22 УК РБ).

Белорусский законодатель решил вопрос присутствия косвенного умысла только в материальных составах преступлений, используя метод «от противного». В ч. 2 ст. 24 («Вина в преступлении, не связанном с наступлением последствий») УК РБ закреплена возможность совершения преступления с формальным составом только с прямым умыслом: «Преступление признается совершенным умышленно, если лицо, его совершившее, сознавало общественно опасный характер своего действия или бездействия и желало его совершить»³.

Теоретики уголовного права Республики Казахстан признают психологическую концепцию вины. В одном из изданий по уголовному праву дается

---

¹ Уголовный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобрен Советом Республики 24 июня 1999 г. / предисл. Б.В. Волженкина; обзорн. ст. А.В. Баркова. СПб.: Изд-во «Юрид. центр Пресс», 2001. С. 97.

² Там же. С. 97 – 98.

³ Там же. С. 99.

весьма распространенное в российской уголовно-правовой литературе определение вины, а именно: «Вина — это психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию и к его общественно опасным последствиям, выраженное в форме умысла или неосторожности»¹.

Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V (с изм. и доп. по сост. на 24 ноября 2015 г.)² в ст. 20 «Уголовное правонарушение, совершенное умышленно» практически дословно воспроизводит дефиниции прямого и косвенного умыслов, сформулированных в ст. 25 Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. Поэтому с точки зрения научного поиска они не представляют какого-либо интереса.

Таким же образом решен вопрос и в Уголовном кодексе Республики Таджикистан, ст. 28 которого закрепляет дефиниции прямого и косвенного умыслов³.

По этому пути пошел и азербайджанский законодатель. Согласно ст. 25 (25.2, 25.3) Уголовного кодекса Азербайджанской Республики «Преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих деяний (действий или бездействия), предвидело возможность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления.

Преступление признается совершенным с косвенным умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих деяний (действий или бездействия),

---

¹ *Абилгазин Г.-Г.С. и др.* Уголовное право Республики Казахстан. Общая часть: учебник-конспект / *Г.-Г.С. Абилгазин, Г.М. Байзакова, А.Б. Бекмагамбетов, П.В. Волошин, И.В. Корзун* / под ред. И.В. Корзуна. Костанай: Изд-во ОФППИ «Интерлигал», ГОУ ВПО «Челябинский гос. ун-т», 2011. — (Правовая реформа в Казахстане). С. 126.

² См.: URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 04.02.16).

³ Уголовный кодекс Республики Таджикистан: принят Законом Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. «О принятии Уголовного кодекса Республики Таджикистан»: введен в действие 1 сент. 1998 г. Постановлением Парламента Таджикистана / предисл. А.В. Федорова. СПб.: Изд-во «Юрид. центр Пресс», 2001. С. 43 – 44.

предвидело возможность наступления общественно опасных последствий, не желало, но сознательно допускало эти последствия»¹.

В ст. 21 Уголовного кодекса Республики Узбекистан (принят в 1994 г., введен в действие с 1 апреля 1995 г.²) дано понятие видов умышленного преступления, выделенных с учетом видов умысла (прямой и косвенный) и видов составов преступлений по конструкции (формальные, материальные).

Данный подход представляет научный интерес. Считаем, в нем нашли отражение позитивные достижения советской школы уголовно-правовой доктрины. И надо отдать должное узбекскому законодателю, поскольку Уголовный кодекс данной страны был разработан и введен в действие ранее Уголовного кодекса Российской Федерации.

Приведем сами законодательные положения, поскольку они того заслуживают: «Преступление, окончание которого статья настоящего Кодекса определяет моментом выполнения общественно опасного деяния, признается умышленным, если лицо, его совершившее, сознавало общественно опасный характер деяния и желало его совершения.

Преступление, окончание которого статья настоящего Кодекса определяет моментом наступления общественно опасных последствий, может быть совершено с прямым или косвенным умыслом.

Преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо, его совершившее, сознавало общественно опасный характер деяния, предвидело его общественно опасные последствия и желало их наступления.

Преступление признается совершенным с косвенным умыслом, если лицо, его совершившее, сознавало общественно опасный характер деяния, пред-

---

¹ См.: Уголовный кодекс Азербайджанской Республики / науч. ред., предисл. И.М. Рагимова; пер. с азерб. Б.Э. Аббасова. СПб.: Изд-во «Юрид. центр Пресс», 2001. С. 52 – 53.

² См.: Постановление Верховного Совета Республики Узбекистан от 22 сент. 1994 г. «О порядке введения в действие Уголовного кодекса Республики Узбекистан и Уголовно-процессуального кодекса Республики Узбекистан // Уголовный кодекс Республики Узбекистан (с изм. и доп. на 15 июля 2001 г. / вступ. ст. М.Х. Рустамбаева, А.С. Якубова, З.Х. Гулямова. СПб.: Изд-во «Юрид. центр Пресс», 2001. С. 326 – 330.

видело его общественно опасные последствия и сознательно допускало их наступление»¹ (ст. 20 УК Республики Узбекистан).

Особенность определения видов умысла грузинским законодателем проявляется в выделении признака «осознание и предвидение противоправности». Согласно ч. 2 ст. 9 Уголовного кодекса Грузии «Деяние совершено с прямым умыслом, если лицо осознавало противоправность своего деяния, предвидело возможность наступления противоправных последствий и желало этих последствий либо предусматривало неизбежность осуществления таких последствий»².

«Деяние совершено с косвенным умыслом, если лицо осознавало противоправность своего деяния, предвидело возможность наступления противоправных последствий и не желало этих последствий, но сознательно допускало или безразлично относилось к их наступлению»³ (ч. 3 ст. 9 УК Грузии).

Отход грузинского законодателя от традиций советской школы уголовного права в вопросе определения видов умысла выражается в замене понятия общественной опасности на противоправность.

Несколько неожиданно прочтение умышленной вины в уголовном законодательстве Республики Молдова⁴. Из видов умышленной вины представлены аналоги прямого и косвенного умыслов: «Преступление признается совершенным умышленно, если лицо, его совершившее, осознавало вредный характер своих действий или бездействия, предвидело вредные последствия, желало их или сознательно допускало наступление этих последствий» (ст. 17 УК Республики Молдова)⁵.

---

¹ Уголовный кодекс Республики Узбекистан (с изм. и доп. на 15 июля 2001 г. / вступ. ст. М.Х. Рустамбаева, А.С. Якубова, З.Х. Гулямова. СПб.: Изд-во «Юрид. центр Пресс», 2001. С. 64 – 65.

² Уголовный кодекс Грузии / науч. ред. З.К. Бигвава; вступ. ст. В.И. Михайлова, обзорн. ст. О. Гамкрелидзе; пер. с груз. И. Мериджанашвили. СПб.: Изд-во «Юрид. центр Пресс», 2002. С. 88 – 89.

³ Там же. С. 89.

⁴ См.: Уголовный кодекс Республики Молдова / вступ. ст. А.И. Лукашова. СПб.: Изд-во «Юрид. центр Пресс», 2003. 408 с.

⁵ Там же. С. 121 – 122.

Как видим, значимый признак конструирования умыслов — вредоносность, а не общественная опасность; деление умысла на виды в уголовно-правовых нормах отсутствует. Однако использование законодателем категорий «желание» и «сознательное допущение» дает основание вести речь о прямом и косвенном умыслах.

Украинский законодатель закрепил психологическую концепцию вины: «Виной является психическое отношение лица к совершаемому действию либо бездействию ... и его последствиям, выраженное в форме умысла или неосторожности»¹ (ст. 23 Уголовного кодекса Украины).

Особенностью украинского законодательства в контексте рассматриваемой проблемы является дефинирование понятий именно прямого и косвенного умыслов, а не преступлений, совершенных с названными видами умысла. Данный опыт следует признать позитивным. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 24 УК Украины «Прямым является умысел, если лицо осознавало общественно опасный характер своего деяния (действия или бездействия), предвидело его общественно опасные последствия и желало их наступления»². «Косвенным является умысел, если лицо осознавало общественно опасный характер своего деяния (действия или бездействия), предвидело его общественно опасные последствия и хотя не желало, но сознательно допускало их наступление» (ч. 3 ст. 24 УК Украины)³.

Следует сказать, что сами определения мало, чем отличаются от оных в российской теории вины советского, да и современного периодов.

Проведенный анализ уголовного законодательства зарубежных стран позволил прийти к следующим выводам:

1. Немецкая доктрина видит сущность вины в нормативной оценке психического состава деяния. В вопросе регламентации вины в умышленных преступлениях Уголовный кодекс ФРГ весьма лаконичен, он не содержит опреде-

---

¹ Уголовный кодекс Украины / науч. ред. и предисл. В.Я. Тация и В.В. Сташиса; пер. с укр. В.Ю. Гиленченко. СПб.: Изд-во «Юрид. центр Пресс», 2001. С. 28.

² Там же.

³ Там же.

ления умысла и умышленного преступления. Данные вопросы разрабатывает теория уголовного права и судебная практика.

2. Уголовное законодательство Австрии закрепляет умысел, намеренность, осознанность (§ 5 УК) в качестве разновидностей умышленной вины.

3. В УК Франции понятие умысла присутствует, но не раскрывается. Доктрина выделяет прямой умысел и степени вины в умышленном преступлении: 1) предумышленность; 2) умысел, возникший в результате провокации; 3) неопределенный умысел; 4) претеринтенционный умысел и 5) косвенный умысел.

4. В уголовном законодательстве Испании отсутствуют дефиниции вины и ее форм, вместе с тем ему не чужды понятия «виновный», «умысел», «неосторожность».

5. По итальянскому уголовному праву вина есть психологический элемент преступления. Видами умышленной вины признаются прямой умысел, намерение (ст. 43 УК Италии), а также претеринтенционный умысел.

6. В Уголовном кодексе Бельгии вопрос о вине и ее проявлениях преломляется через призму ответственности физического лица в рамках ответственности лица юридического, назначения наказания по совокупности преступлений и через призму конкретных составов преступлений. Из видов умышленной вины названы «преступное намерение» (ст. 65 гл. VI книги I) и осознанность (ст. 116 гл. II разд. 1 книги II).

7. В уголовном законе Дании упоминаются слова и словосочетания: преступный умысел, сила и стойкость преступного умысла, умышленное преступление, неумышленное последствие и др.

8. В уголовном законодательстве Латвии, Белоруссии и Украины даны дефиниции вины с точки зрения психологической концепции. Нормотворческий опыт дефинирования вины представляется позитивным.

9. В уголовном законодательстве стран Балтии востребована психологическая концепция вины. Из форм вины признаются умысел и неосторожность, умысел подразделяется на прямой и косвенный. Все это свидетельствует о сохранении традиций советской школы уголовного права. Спецификой решения

вопроса о видах умысла литовским законодателем является дифференцированный подход к определению прямого умысла с учетом конструкции состава преступления — формальный или материальный — (ст. 15 УК Литовской Республики), из которого следует вывод о невозможности косвенного умысла в формальных составах преступлений.

По уголовному законодательству Эстонской Республики в формулировках прямого и косвенного умыслов присутствует некая «размытость»: 1) указывая на осознание характера и значения действия (бездействия), законодатель не уточняет их свойств — общественную опасность, вредоносность и т.д.; 2) весьма обтекаемо говорит о качественной характеристике предвиденных последствий, используя термин «определенные».

10. В УК Республики Беларусь понятия прямого и косвенного умыслов представлено через понятия преступлений, совершенных с данными видами вины (использован тот же технический прием, что и в российском уголовном законе). Белорусский законодатель решил вопрос присутствия косвенного умысла только в материальных составах преступлений, используя метод «от противного».

11. Уголовное законодательство Республик Казахстан и Таджикистан практически дословно воспроизводит дефиниции прямого и косвенного умыслов, сформулированных в ст. 25 Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. По этому пути пошел и законодатель Азербайджанской Республики.

12. Уголовный кодекс Республики Узбекистан дает понятие умышленных преступлений с учетом видов умысла (прямой и косвенный) и видов составов преступлений по конструкции (формальные, материальные).

В данном подходе нашли отражение позитивные достижения советской школы уголовно-правовой доктрины. И надо отдать должное узбекскому законодателю, поскольку Уголовный кодекс данной страны был разработан и введен в действие ранее Уголовного кодекса Российской Федерации.

13. Значимый признак конструирования умыслов в УК Республики Молдова — вредоносность, а не общественная опасность; деление умысла на виды

в уголовно-правовых нормах отсутствует. Однако использование законодателем категорий «желание» и «сознательное допущение» дает основание вести речь о прямом и косвенном умыслах.

14. Отход грузинского законодателя от традиций советской школы уголовного права в вопросе определения видов умысла выражается в замене понятия «общественная опасность» на понятие «противоправность».

15. Украинский законодатель закрепил психологическую концепцию вины, определения прямого и косвенного умыслов.

§ 2. Компаративистский аспект трактовки умысла в уголовном законодательстве России и отдельных зарубежных стран

В современный период уголовное право отдельно взятой страны не может развиваться абсолютно обособленно, в замкнутом правовом пространстве. Поэтому и для российского уголовного права важен зарубежный опыт, который достаточно подробно представлен нами в § 1 настоящей главы диссертации.

Научный интерес, на наш взгляд, представляет сравнительный анализ важнейших уголовно-правовых понятий, среди которых одно из центральных мест занимают формы и виды вины, и, в частности, особенности трактовки умысла в уголовном законодательстве различных стран, при выборе которых мы пошли по пути изучения уголовного законодательства стран, представляющих различные правовые системы (семьи) и просто Западную Европу, Восток и Латинскую Америку.

Институт вины в умышленных преступлениях в уголовном законодательстве стран романо-германской правовой семьи (системы), в отличие от отечественного права, представлен лаконично. В лучшем случае, виды умысла названы в уголовно-правовых нормах. Их дефиниции разработаны уголовно-правовой теорией.

Так, немецкий ученый И. Лекшас отвергал прямой умысел¹, признаваемый российской уголовно-правовой наукой как советского, так и современного периодов ее развития. Но все же его безусловный умысел имеет с ним сходство. В данном автором определении безусловного умысла, как и умысла прямого, находит отражение работа сознания (интеллекта) и воли. Однако в первом они «привязаны» к преступлению, а во втором — к общественно опасному деянию и общественно опасному последствию. Кроме того, для безусловного умысла характерно осознание противоправности, для прямого — осознание общественной опасности. Преимуществом безусловного умысла является его унифицированность, поскольку дефиниция одного применима не только к материальным, но и формальным составам преступлений. Формулировка прямого умысла ориентирована только на преступления с материальным составом.

Условный умысел И. Лекшаса напоминает умысел косвенный (признаваемый как российским уголовным законодательством, так и российской уголовно-правовой доктриной) тем, что и там, и там присутствует указание на нежелание, но в первом — это нежелание отказаться от поведения, а во втором — нежелание наступления общественно опасного последствия.

Из числа стран Западной Европы исключение составляет Австрия, которой мы и уделим более пристальное внимание. Как мы отмечали в § 1 данной главы нашей диссертации, важнейшим положением принципиального свойства уголовного законодательства Австрии является наказуемость за виновное действие, о чем свидетельствует ряд уголовно-правовых норм данной страны. В частности, в Уголовном кодексе Австрии, § 4 «Нет наказания без вины» закреплено: «Только тот подлежит наказанию, кто действует виновно»², а в § 5 «Умысел» дается понятие трех его проявлений, можно сказать видов, используя российскую терминологию: умышленное действие (ч. 1 § 5), намеренное действие (ч. 2 § 5) и осознанное действие (ч. 3 § 5). Проанализируем каждый из названных видов умысла в заявленном сравнительном контексте.

---

¹ См.: *Лекшас И.* Вина как субъективная сторона преступного деяния. Подробнее мы об этом писали в § 1 настоящей главы диссертации.

² Уголовный кодекс Австрии. С. 10.

Согласно ч. 1 § 5 УК Австрии «Умышленно действует тот, кто желает осуществить фактическую сторону дела, которая соответствует составу деяния; для этого достаточно, чтобы лицо серьезно допускало возможность его осуществления и мирилось с этим»¹. Указанный вид умысла напоминает некий симбиоз прямого и косвенного умыслов по российскому уголовному праву (ст. 25 Уголовного кодекса Российской Федерации), поскольку в нем присутствует желание по отношению к деянию (что характерно для прямого умысла в преступлениях с формальным составом) и одновременно — своеобразный аналог сознательного допущения при косвенном умысле, проявляющийся в серьезном допущении возможности осуществления деяния и смирении с этим. Следует также отметить, что уголовно-правовые нормы Австрии не содержат описания рассматриваемого вида умысла применительно к преступлениям с материальным составом.

Второй вид умысла, согласно ч. 2 § 5 УК Австрии, присутствует в тех случаях, когда «Лицо действует намеренно, если оно предполагает осуществить фактическую сторону дела или достичь наступления последствий, которые определены законом в качестве предполагаемого деяния»². Намеренность в формуле данного вида умысла, думаем, подчеркивает проявление «злой воли» лица, совершившего преступление; и это, по всей видимости, свидетельствует о повышенной степени его общественной опасности. Его особенностью, на наш взгляд, является также то, что он характерен как для преступлений с формальным, так и материальным составом.

Третий вид умысла, согласно ч. 3 § 5 УК Австрии, констатируется в следующих случаях: «Лицо действует осознанно, если оно не просто предвидит возможность осуществления фактической стороны дела или наступления последствий, которые определены законом как осознанные, но и предвидит неизбежность их осуществления или наступления»³. В нем мы усматриваем отголоски интеллектуального момента прямого и косвенного умыслов, известных

---

¹ Уголовный кодекс Австрии. С. 10.

² Там же.

³ Там же.

российскому уголовному законодательству. На это указывает словосочетание «лицо действует осознанно», коррелирующее со словосочетанием «лицо осознает общественную опасность деяния» при прямом и косвенном умыслах в отечественном уголовном праве. Помимо этого, «осознанно действовать» по австрийскому законодательству значит еще и предвидеть неизбежность наступления последствий, что свидетельствует об определенной схожести с прямым умыслом в российском уголовном праве, поскольку одной из составляющей интеллектуального момента последнего является предвидение неизбежности наступления общественно опасного последствия. Важно констатировать, что австрийский законодатель признает значимость для уголовной ответственности и наказания различных психологических оттенков деятельности лица, которые не безразличны российскому законодателю и теории российского уголовного права. О них еще Н.С. Таганцев говорил так: «...центральным типом виновности является вина умышленная, в ее различных оттенках...»¹.

Одной из особенностей датского законодательства является выделение психологических оттенков умысла — умысла небольшой силы или стойкости и умысла большой силы или стойкости, что не характерно для уголовного права России. Сама идея учета степени общественной опасности умысла в зависимости от различных его психологических оттенков заслуживает одобрения и, полагаем, пристального внимания российского законодателя.

Есть ряд особенностей регламентации умысла в уголовном законодательстве стран Западной Европы, в недалеком прошлом относящихся к социалистическому лагерю. Например, ч. 2 ст. 11 УК Республики Болгария определяет виды умысла следующим образом: «Деяние признается совершенным умышленно, если лицо, его совершившее, сознавало его общественно опасный характер, предвидело его общественно опасные последствия и желало или допускало наступление этих последствий»².

---

¹ См.: Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть Общая: лекции. Изд. 2-е, пересм. и доп. СПб.: Гос. Тип., 1902. Т. 1. С. 573 – 574.

² Уголовный кодекс Республики Болгария. С. 31.

В приведенной законодательной дефиниции достаточно четко просматриваются аналоги прямого и косвенного умыслов, известных российскому уголовному законодательству, сохранившего достижения советской школы уголовного права.

Таким образом, бывшие социалистические европейские страны сохранили в своем уголовном законодательстве влияние советского уголовного права.

Уголовное законодательство Аргентины, как мы выше отмечали, не дает понятия ни вины, ни умысла, ни их видов, однако термины и словосочетания «виновный», «вина», «предумышленный сговор» в нем встречаются. Так, в соответствии со ст. 42 Уголовного кодекса Аргентины «Тому, кто с целью совершить преступление начал его исполнение, но не довел его до конца по не зависящим от воли виновного причинам, назначаются наказания, предусмотренные в статье 44»¹. А в ст. 54 данного Закона закреплено: «Если к виновному в совершении противоправного деяния применимы несколько наказаний, назначается только наиболее строгое из них»².

Важно также обратить внимание на положения ч. 2 ст. 80 УК Аргентины, в которой констатируется, что при чрезвычайных смягчающих вину обстоятельствах судья вправе назначить наказание в виде каторжных работ или тюремного заключения сроком от восьми до двадцати пяти лет. О предумышленном сговоре речь идет в п. 6 ч. 1 ст. 80 того же закона, согласно которому тот, кто причинил смерть по предумышленному сговору двух или более лиц, наказывается пожизненными каторжными работами или пожизненным тюремным заключением³.

Впрочем, в УК Аргентины не содержится и определения преступления, что, как отмечает Ю.А. Голик, характерно для большинства стран Латинской Америки⁴. Теоретической базой такого законодательного решения служат труды аргентинских ученых. Например, Луис Хименес де Асуа считает, что

---

¹ Уголовный кодекс Аргентины. С. 56.

² Там же. С. 66.

³ См.: Там же. С. 83 – 84; 82 – 83.

⁴ См.: *Голик Ю.А.* Вступительная статья. С. 19.

«... дефиниция преступления, как и всякая другая дефиниция, всегда или почти всегда является результатом силлогизма, который хорошо ставит проблему, но ничего нового не раскрывает»¹. Таким образом, основополагающие для российского уголовного законодательства понятия (преступление; преступление, совершенное с прямым или косвенным умыслом, или им подобные) не характерны, насколько можно судить по представленным положениям, для правовой системы стран Латинской Америки.

С точки зрения российского юриста можно сказать, что английские законодательные нормы очень неопределенные, запутанные и «размытые». На «размывание» границ между основными категориями и институтами уголовного права не только в странах англосаксонской, но и романо-германской систем права обращает внимание и А.Г. Кибальник².

Напомним, что в уголовном праве Англии вина обозначается как «mens rea», толкуемое по-разному: и как аморальный мотив, и как порочная воля, и как злой разум и т.п. В теории есть мнение о двух элементах «mens rea»: а) намерение совершить деяние и б) знание обстоятельств, которое делает данное деяние преступлением.

Если сравнивать российское и американское уголовное право, то важно констатировать, что умышленная вина по-американски отождествляется с целью по-русски, о чем свидетельствуют законодательные и доктринальные положения, изложенные нами в § 1 данной главы диссертации.

Континентальную и англосаксонскую системы права объединяет понятие подразумеваемой вины, что не свойственно отечественному праву. Так, уголовное законодательство Франции, США содержит положения, позволяющие наказывать лиц на основании подразумеваемой вины. Для привлечения к уголовной ответственности достаточно установить факт совершения правонару-

---

¹ Луис Хименес де Асуа. Закон и право. Принципы уголовного права. Буэнос-Айрес, 1973 (цит по: Голик Ю.А. Вступительная статья. С. 19).

² См.: Кибальник А.Г. Основные положения Общей части уголовного права зарубежных государств. М.: Илекса, 2008. — (Серия: Борьба с преступностью: вчера, сегодня, завтра). С. 120.

шения, не влекущего за собой наказания в виде лишения свободы. Вина правонарушителя в таком случае презюмируется. Этот институт называется «строгой ответственностью», но, по сути, представляет собой объективное вменение¹. По российскому же праву вина должна быть доказана.

Система общего права, в отличие от российского, носит прецедентный характер. Однако, как справедливо отмечает А.Г. Кибальник, и в российской доктрине активно обсуждается вопрос о признании судебных решений прецедентного характера «толкующим» источником уголовного права, обеспечивающим единообразие и эффективность применения УК РФ².

На основе процитированной в § 1 настоящей главы диссертационного исследования нормы, заложенной в ст. 14 Уголовного кодекса Китайской Народной Республики, можно сделать вывод о том, что для уголовного права КНР характерны прямой и косвенный умыслы. Содержание интеллектуального момента включает осознание общественно опасного характера как действия (о бездействии не упоминается), так и последствий. В законодательной дефиниции умышленного преступления прослеживается серьезное влияние советской школы уголовного права. На наш взгляд, в ней нашла воплощение идея Г.А. Злобина и Б.С. Никифорова о необходимости «выровнять» категории сознания и предвидения путем выдвигания на первый план сознания общественно опасного характера деяния³, подробнее о которой мы писали в § 2 главы II диссертации.

В Уголовном кодексе Японии, как выше отмечалось, об умысле упоминается вместе с неосторожностью и ошибкой в одной ст. 38, которая так и называется «Умысел, неосторожность, ошибка», предусматривающая следующее: «Ненаказуемо действие, совершенное при отсутствии умысла совершить преступление; однако это не относится к случаям, когда закон содержит специальные положения. <...> Отсутствие умысла совершить преступление не может

---

¹ См.: Малиновский А.А. Сравнительное правоведение в сфере уголовного права. М.: Междунар. отношения, 2002. С. 58 – 59.

² См.: Кибальник А.Г. Указ. соч. С. 122.

³ См.: Злобин Г.А., Никифоров Б.С. Умысел и его формы. С. 37 – 38.

образовываться через незнание закона; однако в зависимости от обстоятельств возможно смягчение наказания»¹.

Как видим, японский законодатель, в отличие от российского, ограничивается лишь констатацией того, что уголовная ответственность наступает за умышленные преступления, а в случаях, специально закрепленных уголовным законом, — за преступления, совершенные по неосторожности. О видах умысла и их влиянии на уголовную ответственность в уголовном законе Японии также ничего не сказано. Однако можно с уверенностью утверждать, что осознание противоправности деяния не входит в структуру умысла, характерного для японского уголовного права, в силу предписания «отсутствие умысла совершить преступление не может образовываться через незнание закона». В российском уголовном праве аналогом является формула «незнание закона не освобождает от уголовной ответственности» и то, что интеллектуальный момент прямого и косвенного умыслов включает осознание общественной опасности, а не противоправности деяния. Это свидетельствует о некоторых общих моментах, которые характерны и для российского, и для японского уголовного права.

Сравнивая японское и российское уголовное законодательство, невольно приходишь к выводу о том, что уровень правовой культуры общества обусловлен не только и не столько совершенством уголовного законодательства. Поэтому следует согласиться с суждением Н.А. Морозова о том, что исключительная эффективность японского уголовного законодательства обусловлена не столько разработанностью правовых институтов и не тонкой юридической техникой (порой уступающих российским аналогам), сколько соответствием правовой системы этическим воззрениям, устоям японского общества, его традициям, социальным поведенческим стереотипам².

Уголовное законодательство стран постсоветского пространства закрепляет психологическую концепцию вины. В отличие от российского уголовного законодательства в УК ряда стран (Белоруссия, Латвия, Украина) дана дефини-

---

¹ Уголовный кодекс Японии / науч. ред. и предисл. А.И. Коробеева. С. 51 – 52.

² См.: Морозов Н.А. Преступность и борьба с ней в современной Японии: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Владивосток, 2000. С. 22.

ция психологической концепции вины. Как и в российском уголовном законе, в уголовных законах всех вышеназванных стран умысел подразделяется на прямой и косвенный. Вместе с тем есть определенные особенности в формулировании интеллектуальных и волевых компонентов видов умысла. Так, в российском уголовном законодательстве важнейшей составляющей дефиниций умыслов является общественная опасность, а например, в грузинском — противоправность, в молдавском — вредоносность.

Интеллектуальный момент прямого и косвенного умыслов в уголовном законе России представлен двумя компонентами, отражающими работу сознания по отношению к деянию и его последствию. В формулировках умыслов по уголовному закону Латвийской Республики присутствует лишь сознательное восприятие деяния.

Особенностью украинского законодательства, в отличие от российского, является дефинирование понятий именно прямого и косвенного умыслов (цитаты из УК Украины приведены в § 1 настоящей главы диссертации), а не преступлений, совершенных с названными видами умысла.

В конечном итоге следует согласиться с А.А. Малиновским в том, что в зарубежном законодательстве (имеется в виду дальнейшее зарубежье) практически полностью отсутствуют четкие дефиниции важнейших уголовно-правовых институтов, часто используются юридически неопределенные термины и оценочные понятия. Такое положение объясняется правовыми традициями и особенностями юридической техники, а вовсе не отсталостью уголовно-правовой науки и несовершенством законодательства. Зарубежные правоведы полагают, что формулирование понятий — задача преимущественно юридической науки, что приводит к бурным дискуссиям в зале суда и в итоге — судебным прецедентам. По этому поводу американские юристы замечают, что никогда неизвестно, будет ли человек осужден за преступление к смертной казни или суд вообще не сочтет его деяние преступным¹.

---

¹ См.: Малиновский А.А. Уголовное право зарубежных государств. М.: Новый Юрист, 1998. С. 3.

Российское уголовное законодательство, напротив, содержит дефиниции важнейших уголовно-правовых категорий, что сводит к минимуму возможности судебного прецедента.

Вместе с тем одной из современных тенденций развития различных правовых систем является их сближение¹. Она находит проявление и в институте умышленной вины, на что мы обращали внимание в данном параграфе. Однако нельзя принимать поспешных решений, слепо следовать западноевропейским канонам. Необходимо бережно относиться к традициям отечественного уголовного права.

Проведенный сравнительный анализ регламентации российским и зарубежным уголовным законодательством вины в умышленных преступлениях позволил нам сделать ряд выводов:

1. Континентальную и англосаксонскую системы права объединяет понятие подразумеваемой вины, что не свойственно отечественному праву.

2. С точки зрения российского юриста можно сказать, что английские законодательные нормы об умышленной вине очень неопределенные, запутанные и «размытые».

3. Бывшие социалистические европейские страны (Республика Болгария, Республика Польша) сохранили в своем уголовном законодательстве влияние советского уголовного права.

4. В китайской законодательной (УК КНР) дефиниции умысла прослеживается заметное влияние советской школы уголовного права. В данной дефиниции, на наш взгляд, нашла воплощение идея Г.А. Злобина и Б.С. Никифорова о необходимости «выровнять» категории сознания и предвидения путем выдвижения на первый план сознания общественно опасного характера деяния.

5. В уголовном законодательстве стран Балтии заложена психологическая концепция вины. Конструкции видов умысла укладываются в рамки прямого и косвенного умыслов, характерных для российского уголовного права. Вместе с тем интеллектуальный момент прямого и косвенного умыслов в уголовном за-

---

¹ См.: *Кибальник А.Г.* Указ. соч. С. 120 – 127.

коне России представлен двумя компонентами, отражающими работу сознания по отношению к деянию и его последствию. В формулировках умыслов по уголовному закону Латвийской Республики присутствует лишь сознательное восприятие деяния.

6. Грузинский законодатель, в отличие от российского, при определении видов умысла использует понятие «противоправность» вместо общественной опасности.

7. Украинский законодатель не только закрепил психологическую концепцию вины, но и представил ее дефиницию в традиционной для российской (как советского, так и современного периода) школы уголовного права трактовке. Определения прямого и косвенного умыслов мало чем отличаются от оных в российской теории вины советского и современного периодов.

Глава IV. ВИНА В УМЫШЛЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА: ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ, ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

§ 1. Вина (виновность) в умышленных преступлениях: законодательный и теоретический аспекты проблемы

Современному российскому обществу остро необходима новая уголовно-правовая теория, но, как справедливо отмечают М.М. Бабаев и Ю.Е. Пудовочкин, теория эта должна быть не революционной, а построенной на началах преемственности¹. Иными словами, развитие теории должно носить эволюционный, а не взрывной характер. Данное утверждение имеет самое непосредственное отношение к институту вины в умышленных преступлениях. Поэтому трудно согласиться с предложением И.А. Петина об отказе от принципа вины, признака преступления «виновность», законодательного конструирования и вообще упоминания в уголовном законе умысла и его видов². Более того, мы убеждены в том, что принцип вины, признак преступления «виновность», законодательное конструирование и вообще упоминание в уголовном законе умысла и его видов необходимо сохранить в уголовном законодательстве. Нельзя принимать поспешных решений, слепо следовать западноевропейским канонам. Необходимо бережно относиться к традициям отечественного уголовного права.

В начале прошлого столетия Г.С. Фельдштейн отмечал: «...учение о виновности и его большая или меньшая глубина есть как бы барометр уголовного права, ... лучший показатель его культурного уровня»³.

---

¹ Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Принципы уголовного права и основания его устойчивого развития // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 1. С. 14.

² Петин И.А. Концептуальная модель Общей части Криминального кодекса России // Библиотека криминалиста. 2013. № 2 (7). С. 297 – 298.

³ Фельдштейн Г.С. Учение о формах виновности в уголовном праве. М.: Тип. Т-ва В. Чичерин, 1902. С. 24.

Понятию «виновность» уделялось большое внимание в научных публикациях первых лет действия УК РСФСР 1960 г. В частности, Б.В. Волженкин предложил отличную от вины дефиницию данной категории: «Виновность лица означает, что в совершение общественно опасного деяния включилась личность субъекта преступления как разумного существа, способного правильно расценивать фактическое содержание и общественную значимость того, что он делает, включилась личность субъекта с ее внутренними особенностями, со свойственной ей системой отношений к действительности»¹.

В настоящий период развития российской уголовно-правовой науки принято вести речь, скорее, о вине, нежели о виновности, и именно учение о вине занимает в ней одно из центральных мест.

Вместе с тем в уголовно-правовой литературе широко распространено суждение о тождестве понятий «вина» и «виновность», а предпринимаемые теоретиками попытки их размежевать не приносят весомых результатов. Видимо, по этой же причине, например, И.С. Ной оперировал понятиями «вина» и «виновность» как тождественными².

В современный период развития уголовно-правовой мысли дискуссия по данному вопросу продолжается.

Так, Б.Т. Разгильдиев подчеркивает, что «...вину и виновность нельзя наполнять различным содержанием, поскольку они отражают сущность одного явления, название которому — вина»³.

По мнению Е.В. Благова, виновным в совершении преступления признается лицо, должна быть установлена вина также соответствующего лица, а в итоге заключает, что виновность характеризует не преступление, а его субъекта⁴.

---

¹ Волженкин Б.В. Общественная опасность преступника и ее значение для уголовной ответственности и наказания по советскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1964 // Российский криминологический взгляд. 2008. № 1 (13). С. 83.

² См.: Ной И.С. Новое в трактовке основных уголовно-правовых понятий. С. 94.

³ Разгильдиев Б.Т. Раздел I. Преступление по уголовному праву России и его категории. С. 105 – 106.

⁴ См.: Благов Е.В. Актуальные проблемы уголовного права (Общая часть): учеб. пособие. Ярославль: ЯрГУ, 2008. С. 44.

В этих рассуждениях правоведа нельзя не заметить подмены понятий «вина» и «виновность», что, на наш взгляд, обусловлено признанием их тождества. Резонен также вопрос: почему Е.В. Благов считает, что виновность характеризует субъекта преступления, а не преступление?

Наиболее удачной попыткой размежевать понятия «вина» и «виновность» следует признать научные идеи А.И. Марцева. Он, в частности, отмечал, что под виновностью в уголовном праве следует понимать совершение конкретным лицом конкретного общественно опасного деяния с определенным психическим отношением к своему деянию и его последствиям, выраженное в форме умысла или неосторожности; вина же в форме умысла или неосторожности входит составной частью в понятие виновности, выступает важнейшим ее элементом¹.

По всей видимости, в понимание виновности А.И. Марцев вкладывал в большей степени уголовно-процессуальный аспект (возможно, факт доказанности того, что конкретное лицо совершило конкретное преступление), нежели материальный, уголовно-правовой. Не даром автор ссылался на мнения специалистов в области уголовно-процессуального права, в частности, отмечая, что Б.Я. Петелин под виновностью понимает не только психическое отношение субъекта к содеянному, но и принадлежность вины конкретному лицу и само противоправное деяние².

Процессуальный уклон присутствует также в воззрениях С.В. Складорова, отмечающего, что виновность представляет собой доказанность вины лица в совершении конкретного преступления³. Если согласиться с тем, что виновность — сугубо уголовно-процессуальная категория, то почему она использует-

---

¹ См.: *Марцев А.И.* О вине и виновности в уголовном праве // Предмет уголовного права и его роль в формировании уголовного законодательства Российской Федерации: науч.-практ. конф., посвящ. памяти проф. А.Н. Красикова (25 – 26 апреля 2002 г.) / отв. ред. Б.Т. Разгильдиев. Саратов: Изд-во СГАП, 2002. С. 19.

² См.: Там же.

³ См.: *Складоров С.В.* Вина и мотивы преступного поведения как основание дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 15.

ся законодателем в материальном праве, в частности, при определении преступления?

Проведенное нами анкетирование сотрудников правоприменительных органов показало: из них 17 % считают вину и виновность тождественными понятиями, 31 % наделяют названные категории относительной самостоятельностью, 49 % признают вину уголовно-правовой категорией, а виновность — уголовно-процессуальной и 3 % затруднились дать ответ на поставленный вопрос (см.: Приложение 3, таблица 2).

Результаты опроса теоретиков уголовного права следующие: за признание вины и виновности тождественными понятиями высказались доктора юридических наук: Б.Т. Разгильдиев, М.С. Рыбак, Г.В. Верина, кандидаты юридических наук: Е.В. Кобзева (заметила при этом, что тождество вины и виновности она признает в рамках материального уголовного права), Р.А. Севостьянов, Е.В. Христофорова и др.; за их относительную самостоятельность — кандидаты юридических наук: И.Н. Вишневецкая, Е.В. Евстифеева, Н.В. Желоков, М.М. Лапунин и др.; вину относят к уголовно-правовой категории, а виновность — к уголовно-процессуальной доктора юридических наук: Ю.И. Бытко, А.Н. Варыгин, В.Г. Громов, В.В. Николайченко, кандидаты юридических наук: Н.И. Насиров, Е.В. Пономаренко, О.В. Шляпникова и др. О.В. Шляпникова вместе с тем подметила, что виновность — более широкое понятие, чем вина. Показатели в процентном соотношении представлены в Приложении 3, таблице 1.

Соответствующие показатели опроса студентов: 80 %, 5 %, 5% и 10 % (см.: Приложение 3, таблица 3).

Приведенные данные также свидетельствуют о том, что дискуссия по данному вопросу далеко себя не исчерпала и поставленный вопрос продолжает оставаться актуальным.

Признавая в рамках материального уголовного права тождество вины и виновности, вместе с тем, думаем, правильнее считать вину (виновность) понятием многогранным, комплексным. Следует согласиться с Г.В. Вериной в том,

что в настоящий период российский законодатель придает понятию вины полисемичность: закрепляет вину как самостоятельный институт уголовного права, принцип вины, выделяет вину в качестве обязательного признака преступления и одного из условий уголовной ответственности¹. Следовательно, оно может характеризовать различные уголовно-правовые категории — и преступление, и лицо, совершившее это преступление. С позиции классического теоретического представления о признаках преступления виновность — его обязательный признак, и этот постулат имеет под собой законодательную базу: «Преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние...» (ч. 1 ст. 14 УК РФ). Вместе с тем в ч. 1 ст. 24 УК РФ закреплено: «Виновным в преступлении признается лицо...».

Основанием возникновения виновности, как утверждал И.С. Ной, является совершенное лицом преступление². Коль скоро мы ставим знак равенства между понятиями «вина» и «виновность», значит и основанием возникновения вины также можно признать совершенное лицом преступление, а основанием уголовной ответственности — вину лица в совершенном преступлении. В связи с этим представляется обоснованным вывод Ю.И. Бытко о том, что основанием уголовной ответственности по делам, рассматриваемым судом присяжных, является вина как социальная вредность, социальное зло содеянного. Другими словами, решая вопрос о виновности или невиновности субъекта, отмечает далее автор, суд присяжных должен оценить содеянное с точки зрения его соответствия (несоответствия) нравственным принципам³. Однако, полагаем, данный вывод не стоит ограничивать рамками деятельности суда присяжных.

Вышесказанное приводит к мысли о том, что вина может находиться и за пределами преступления: преступление может существовать в объективном

---

¹ См.: *Верина Г.В.* Проблема понятия вины в российском уголовном праве // Российская юридическая доктрина в XXI веке: проблемы и пути их решения: науч.-практ. конф. (3 – 4 октября 2001 г.) / под ред. А.И. Демидова. Саратов: СГАП, 2001. С. 234.

² См.: *Ной И.С.* Указ соч. С. 94.

³ *Бытко Ю.И.* Понятия «вина» и «виновность» в нормах УК и УПК РФ // Известия высших учебных заведений. Правоведение. Научно-теоретический журнал. 2011. № 2 (295). С. 74.

мире, а установить вину в этом преступлении и дать при этом соответствующую оценку объективным и субъективным признакам преступления еще предстоит. Такой подход выходит за рамки привычного понимания вины только как важнейшей составляющей преступления, ядра субъективной стороны преступления и дает основание сделать вывод о том, что вина является связующим звеном объективных и субъективных признаков преступления, вместе с тем как бы возвышаясь над преступлением.

В этом контексте представляет научный интерес позиция Т.Л. Сергеевой, считавшей что «...виновность может быть определена как совокупность объективных и субъективных обстоятельств, обосновывающих с точки зрения ... уголовного права применение к лицу конкретного наказания за совершенное им определенное преступление»¹.

Как видим, в элементах виновности, по мнению Т.Л. Сергеевой, присутствуют признаки объективной (деяние) и субъективной (умысел и неосторожность) сторон преступления. Развивая идею автора, можно сказать, что объединение в виновности объективных и субъективных признаков имеет рациональное зерно, поскольку вина (виновность) — это именно то недостающее звено, которое должно объединить объективные и субъективные признаки преступления в единое целое.

Ю.А. Демидов в понятие вины включал «все объективные и субъективные (относящиеся к субъекту) элементы преступления, в которых выражается отрицательное отношение лица к ценностям социалистического общества»².

Важно вспомнить слова В.В. Есипова о том, что учение «о внутренней стороне каждого преступного деяния есть учение об отношении внутреннего личного состояния виновника преступления к самому преступлению, как проявлению этого внутреннего состояния во вне»³.

---

¹ Сергеева Т.Л. Вопросы виновности и вины в практике Верховного Суда СССР по уголовным делам. М.; Л., 1950. С. 34.

² Цит по: Парог А.И. Общая теория вины в уголовном праве. С. 8 – 9.

³ Есипов В.В. Очерк русского уголовного права. Часть Общая: преступление и преступники. Наказание и наказуемые. С. 181.

Современное состояние учения о вине свидетельствует о том, что многие авторы придерживаются того мнения, что умысел и неосторожность исчерпывают понятие вины.

Из этого правила есть и исключения. Так, Б.Т. Разгильдиев считает необходимым, чтобы вина обладала нравственным аспектом и он отражался бы в ней самостоятельным признаком, предлагая родовое понятие вины сформулировать следующим образом: «Вина — это осознанно-волевое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию, противоречащему справедливому удовлетворению своих интересов»¹.

В этом определении для нас представляет интерес, прежде всего, то, что вину автор вообще не связывает с умыслом и неосторожностью. Однако на сегодня мы не готовы принять эту позицию. Думаем, нельзя отказываться от умысла и неосторожности как частного проявления вины, поскольку в реальной действительности, при совершении конкретного преступления, вина находит еще более детальное свое воплощение, облекаясь в прямой или косвенный умысел, преступную небрежность или легкомыслие.

С вышеприведенным традиционным подходом к понятию вины не соглашался также И.С. Ной, отмечая, что понятия умысла и неосторожности и понятие вины отнюдь не однозначны². Эту идею развила Г.В. Верина, существование позиции которой можно свести к следующему: вина — это не только умысел или неосторожность, но и отрицательная оценка от имени государства всех объективных и субъективных признаков, характеризующих преступление и преступника³. Ю.И. Бытко свидетельством вины как социального зла считает не только психологическое отношение деятеля к деянию и его последствиям в форме умысла или неосторожности, но и всю совокупность иных субъективных и объективных признаков⁴.

---

¹ Разгильдиев Б.Т. Указ. соч. С. 113.

² Ной И.С. Указ. соч. С. 93.

³ См.: Верина Г.В. Субъективная сторона преступления. С. 331 – 332.

⁴ Бытко Ю.И. Указ. соч. С. 74.

Насколько такое суждение верно? Находит ли оно бесспорное подтверждение в нормах действующего российского уголовного законодательства? Обратимся к принципу вины. Согласно ст. 5 УК РФ лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина. Как видим, в данной норме ничего не сказано о том, что вина — это умысел или неосторожность. Особый научный интерес в аспекте интересующей нас проблемы представляет действующая редакция ч. 1 ст. 24 УК РФ: «Виновным в преступлении признается лицо, совершившее деяние умышленно или по неосторожности»¹. Здесь также отсутствует утверждение о том, что вина — это только умысел или неосторожность. Законодатель подчеркивает, что без умысла или неосторожности лицо не может быть признано виновным в совершении преступления.

С учетом приведенных аргументов, полагаем, есть основания считать, что умысел или неосторожность не исчерпывают понятие вины. Мы исходим из того, что вина — это осознанно-волевое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию и его общественно опасному последствию, выраженное в форме умысла или неосторожности, получившее отрицательную оценку от имени государства. Поэтому можно сказать, что вина имеет двуединое начало: 1) вина есть внутренняя составляющая преступления, ядро его субъективной стороны, находящая выражение в умысле или неосторожности, и 2) вина имеет и внешнее проявление в виде отрицательной оценки судом от имени государства осознанно-волевого отношения лица к совершаемому им общественно опасному деянию и его общественно опасному последствию; в этом качестве вина проявляет себя связующим звеном объективных и субъективных признаков преступления.

---

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая 1996 г. (в ред. от 6 июля 2016 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 (дата обращения: 27.07.2016).

В контексте заявленной проблемы, с учетом вышесформулированного тезиса, основная научная гипотеза может быть представлена следующим образом: умысел, являясь обязательным субъективным признаком преступления, выступает частным проявлением внутренней составляющей преступления, частным проявлением вины как ядра субъективной стороны преступления. Вместе с тем вина в умышленных преступлениях имеет и свое внешнее проявление, находящее выражение в отрицательной оценке судом от имени государства осознанно-волевого отношения лица к совершаемому им общественно опасному деянию и его общественно опасному последствию, имеющего свою определенную специфику в различных вариациях умысла.

С учетом сказанного предлагаем авторскую дефиницию вины в умышленных преступлениях: вина в умышленных преступлениях — это осознанно-волевое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию и его общественно опасному последствию, выраженное в форме прямого или косвенного умысла, получившее отрицательную оценку от имени государства.

В современный период продолжает оставаться значимым анализ вины в умышленных преступлениях через призму нравственности.

Еще Н.К. Ренненкампф отмечал: «Нравственность есть внутренній личный законъ чловѣка, направляющій его къ добру въ его отношеніяхъ къ себѣ, другимъ и ко всему міру»¹. Злободневность его суждения не требует доказывания.

Опираясь на мысль Н.К. Ренненкампфа, применительно к вопросу о вине в умышленных преступлениях можно сказать, что умышленные преступления с доброй целью не совершаются, поэтому они не могут быть нравственными, соответственно, и вина в них — антипод нравственности. Таким образом, вина в

---

¹ Юридическая енциклопедія Ренненкампфа Н.К., проф. ун-та. Св. Владимира. Изд. 4-е, книжн. магазина Н.Я. Оглоблина. СПб.; Київ: Тип. Т-ва И.Н. Кушнеревъ и К^о в Київѣ, 1913. С. 32.

умышленных преступлениях — это не добро, а зло. Как справедливо отмечал Г. Тард, «преступление ... не приносит пользы ничему и вредит всему»¹.

С учетом того, что мы признаем вину в преступлении социальным злом, проявлением безнравственности, вина в умышленных преступлениях — наивысшее социальное зло, наивысшее проявление безнравственности.

По данным нашего экспертного опроса, с такой оценкой согласились 18 практических работников (судьи, прокуроры, следователи), иными словами, 51 % респондентов. Среди теоретиков-юристов данную точку зрения одобрили: доктора юридических наук: Ю.И. Бытко, Г.В. Верина, В.Г. Громов, М.С. Рыбак и кандидаты юридических наук: Е.В. Кобзева, Н.И. Насиров, Р.А. Севостьянов, О.В. Шляпникова (однако она вместе с тем указала, что вина еще и нравственная категория) и др. Доктор юридических наук А.Н. Варыгин считает вину и вину в умышленных преступлениях проявлением безнравственности. Кандидат юридических наук М.М. Лапунин отметил, что высшим проявлением безнравственности правильнее считать отсутствие чувства вины.

Ряд ученых досоветского периода развития российской уголовно-правовой мысли характеризовали умысел через злонамеренность. Так, по мнению П.Д. Калмыкова, умысел состоит в том, что человек совершает зло, им вполне сознаваемое и желаемое². «Умыслом, — писал В.Д. Спасович, — называется то настроение воли преступной, когда субъект действовал намеренно, <...> когда он решился на злое дело заведомо»³. Намерение автор определял как «сознание возможности произвести перемену в мире внешнем, подействовавшее на решимость и руководившее преступником при исполнении»⁴ (подробнее об этом мы писали в § 1 гл. 2 диссертации).

В современный период данный аспект затронул И.А. Солодков в контексте характеристики категории «общественная опасность», с которым следует

---

¹ Тардъ Г. Преступник и преступление / пер. Е.В. Выставкиной; под ред. М.Н. Гернета; с предисл. Н.Н. Полянского. М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1906. С. 323.

² Учебник уголовного права профессора П.Д. Калмыкова, изданный А. Любавским. Часть Общая. Часть Особенная. С. 111.

³ Учебник уголовного права, составленный В. Спасовичем. Т. I (вып. 1, 2). С. 153.

⁴ Там же. С. 154.

согласиться в том, что злонамеренность лица, совершающего умышленное преступление, выражается в осознании общественной опасности своего деяния, предвидении реальной возможности или неизбежности наступления общественно опасных последствий (интеллектуальный момент умысла) и желании либо сознательном допущении и безразличном отношении к ним (волевой момент умысла)¹.

Проведенный автором диссертации экспертный опрос показал, что 88 % теоретиков уголовного права, 91 % практических работников (судьи, прокуроры, следователи) и 95 % студентов согласились с тем, что злонамеренность есть качественное свойство вины в умышленных преступлениях.

С учетом проведенного исследования, мы пришли к выводу о том, что злонамеренность можно признать качественным свойством вины в умышленных преступлениях.

Российский законодатель не дает определения умысла, в том числе как прямого, так и косвенного. Он ведет речь о преступлениях, совершаемых умышленно, о преступлениях, совершенных с прямым или косвенным умыслом. Законодатель использует также словосочетание «деяние, совершенное с прямым или косвенным умыслом». Все эти понятия использованы в ст. 25 УК РФ. В частности, в уголовном законе дано такое определение: «Преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления»² (ч. 2 ст. 25 УК РФ).

В уголовно-правовой литературе обсуждались различные новые определения преступлений, совершенных с прямым умыслом. Так, И.В. Паньков предложил неординарный проект законодательной дефиниции: «Преступление

---

¹ См.: *Солодков И.А.* Общественная опасность преступления и ее уголовно-правовое измерение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. С. 18 – 19.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая 1996 г. (в ред. от 6 июля 2016 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 (дата обращения: 27.07.2016).

признается совершенным с прямым умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своего деяния, а также его фактические обстоятельства, предусмотренные настоящим Кодексом в качестве признаков состава преступления, предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия) и желало их наступления»¹.

В процитированном определении представляется излишним указание на осознание фактических обстоятельств, предусмотренных УК РФ в качестве признаков состава преступления, поскольку, по сути, оно свидетельствует о требовании осознания лицом, совершающим деяние, уголовной противоправности, а, как известно, незнание уголовного закона не освобождает от уголовной ответственности.

Нельзя согласиться и с излишне унифицированными определениями преступлений, совершенных умышленно. На подобной позиции настаивает Д.А. Чанышев, разработавший свой проект ст. 25 УК РФ: «Преступление признается совершенным умышленно, если лицо, его совершившее, осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), то есть, приступая к их выполнению, не исключало, что результатом их совершения станет преступление»².

Предложив это определение, автор тем самым отказался от деления умысла на прямой и косвенный. Полагаем, решение унифицировать умышленную вину не соответствует традициям российского уголовного права, эта модель взята из континентальной системы права, и ее привнесение в отечественное законодательство вряд ли сыграет позитивную роль. Вместе с тем идея Д.А. Чанышева противоречит принципу дифференциации уголовной ответственности, пронизывающему практически все нормы российского уголовного права.

---

¹ *Паньков И.В.* Умышленная вина по российскому уголовному праву: теоретический и нормативный аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2010. С. 10.

² *Чанышев Д.А.* Вопросы дифференциации вины в российском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2009. С. 10.

Приведенные определения ориентированы на преступления, совершенные умышленно или с конкретным видом вины. В связи с этим возникает вопрос: ставит ли законодатель знак равенства между понятиями: «преступление, совершенное с прямым умыслом» и «прямой умысел»?

На наш взгляд, конечно же, нет. Соответственно, на заданный вопрос следует дать отрицательный ответ. Преступление вбирает в себя совокупность объективных и субъективных признаков. Умысел — всего лишь один из субъективных признаков преступления. Следует обратить внимание на неудачную законодательную формулировку, порождающую подобного рода вопросы. Думаем, правильнее было бы дать определение самого прямого умысла, например, такое: «При прямом умысле лицо осознает общественную опасность своих действий (бездействия), предвидит реальную возможность наступления общественно опасных последствий и желает их наступления». Его следует поместить в ч. 2 ст. 25 УК РФ.

В предложенной нами дефиниции прямого умысла мы отказались от категории «неизбежность» по следующим причинам: во-первых, как справедливо отмечает В.Ф. Щепельков, неизбежность является частным случаем возможности¹, соответственно, ее дублирование в законе утрачивает актуальность, и, во-вторых, не все неизбежные последствия общественно опасного деяния желаемы для лица, его совершившего.

В процессе проведенного нами экспертного опроса были заданы вопросы и получены на них следующие ответы:

1) всегда ли неизбежные последствия желаемы?

Из числа экспертов-теоретиков отрицательно ответили на заданный вопрос 64 %, утвердительно — 27 % и затруднились ответить — 9 %.

91 % экспертов-практиков считают, что не всегда неизбежные последствия желаемы, 3 % согласились с тем, что неизбежные последствия всегда желаемы и 6 % — затруднились ответить.

---

¹ Щепельков В.Ф. Уголовный закон: преодоление противоречий и неполноты. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2003. С. 205.

90 % опрошенных студентов-юристов не признают неизбежные последствия всегда желаемыми, соответственно, 10 % — высказали противоположное мнение;

2) с точки зрения психологической составляющей человеческой деятельности является ли категория «неизбежность» бесспорным свидетельством прямого умысла?

45 % проанкетированных теоретиков уголовного права отдали предпочтение тому, что категория «неизбежность» с точки зрения психологической составляющей человеческой деятельности является бесспорным свидетельством прямого умысла; 52 % — не согласились с подобным мнением и 3 % — затруднились ответить.

Данные результаты нас несколько обескуражили, поскольку они не стыкуются с результатами ответов на первый вопрос. Почему это произошло? Видимо, при ответе на второй вопрос эксперты руководствовались положениями действующего уголовного законодательства (ч. 2 ст. 25 УК РФ) и его научным комментарием, согласно которым одним из признаков интеллектуального момента прямого умысла является предвидение неизбежности наступления общественно опасного последствия.

Поразительное единодушие и последовательность во мнении, которое коррелирует вышеприведенным данным по первому вопросу, продемонстрировали практические работники: из них 91 % считают, что с точки зрения психологической составляющей человеческой деятельности категория «неизбежность» не может выступать бесспорным свидетельством прямого умысла, соответственно, их оппоненты составили 9 %.

Из числа студентов отрицательно ответили на означенный вопрос 95 % и положительно — 5 %;

3) целесообразно ли сохранение категории «неизбежность» в законодательном определении прямого умысла?

Результаты экспертного опроса по данному вопросу перед нами представили таковыми: 36 % ученых отметили ненужность категории «неизбежность» в

законодательном определении прямого умысла, 46 % возразили подобному предложению и 18 % не приняли ни одной из этих позиций, выступили в роли сомневающихся.

49 % практиков признали нецелесообразным сохранение категории «неизбежность» в законодательном определении прямого умысла, 40 % — высказали противоположное мнение и 11 % — затруднились ответить.

Видимо, при ответе на этот вопрос авторитет уголовного закона не позволил ряду экспертов согласиться с предложением о внесении в него корректив, но и, возможно, их подвела логика, поскольку, отрицая правильность безоговорочного признания категории «неизбежность» свидетельством прямого умысла, нелогично ее сохранять в законодательной дефиниции названного вида умысла.

Более последовательными оказались студенты: 90 % выступили за исключение из законодательного определения прямого умысла категории «неизбежность», 5 % высказались против и так же 5 % затруднились в принятии решения.

С учетом изложенного следует заключить, что признание российским законодателем категории «неизбежность» бесспорным свидетельством прямого умысла не опирается на результаты социологических исследований, глубоко ошибочно и умозрительно, вместе с тем оно свидетельствует об искусственном расширении сферы репрессивных мер и не востребовано практикой.

Согласно ч. 3 ст. 25 УК РФ преступление признается совершенным с косвенным умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность наступления общественно опасных последствий, не желало, но сознательно допускало эти последствия либо относилось к ним безразлично.

С учетом высказанных применительно к прямому умыслу аргументов, имеющих непосредственное отношение и к умыслу косвенному, предложим новую дефиницию для ч. 3 ст. 25 УК РФ: «При косвенном умысле лицо осознает общественную опасность своих действий (бездействия), предвидит реальную

возможность наступления общественно опасных последствий, не желает, но сознательно допускает эти последствия либо относится к ним безразлично».

Следует согласиться с изложенным в уголовно-правовой литературе мнением о необходимости закрепления в УК РФ дефиниции прямого умысла в формальных составах преступлений¹. Подобная практика имеет место в уголовном законодательстве стран Балтии и СНГ (в 3-й гл. диссертационного исследования мы обращали внимание на этот позитивный опыт более подробно).

Вопросам детального анализа интеллектуальных и волевых компонентов прямого и косвенного умыслов было посвящено достаточно много научных трудов. Среди них следует назвать диссертационные исследования Д.П. Потапова, С.В. Склярова, С.В. Дубовиченко, И.В. Панькова, А.Ю. Ширяева и др.²

Поэтому мы не ставим своей задачей рассмотрение интеллектуальных и волевых компонентов прямого и косвенного умыслов как теоретической абстракции. Считаем более целесообразным уделить внимание тем аспектам, которые не получили достаточного отражения в уголовно-правовой литературе, в частности, особенностям регламентации умысла в уголовно-правовых нормах Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации.

Субъективные признаки преступлений, характеризующие внутреннее содержание оных, находят отражение в нормативных моделях конкретных составов преступлений, т.е. лаконично представлены в уголовно-правовых нормах Особенной части УК РФ.

В контексте интересующей нас научной проблемы сосредоточим внимание на способах описания умысла в диспозициях статей гл. 16 «Преступления против жизни и здоровья» и гл. 17 «Преступления против свободы, чести и достоинства личности» УК РФ. Так, в нормах, регламентирующих уголовную

---

¹ Подробнее об этом см.: *Дубовиченко С.В.* Интеллектуальные моменты умышленной формы вины: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007. 7 – 8; *Паньков И.В.* Указ. соч. С. 10 и др.

² См.: *Потапов Д.П.* Содержание интеллектуального момента умышленной вины: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1992; *Скляров С.В.* Указ. соч.; *Дубовиченко С.В.* Указ. соч.; *Паньков И.В.* Указ. соч.; *Ширяев А.Ю.* Предметное содержание вины в преступлениях с формальным составом: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2013 и др.

ответственность за преступления против жизни и здоровья, законодатель, как правило, ограничивается констатацией умысла (ч.1 ст.ст. 105, 108 УК РФ) или неосторожности (ст. 109, ч. 1 ст. 118 УК РФ).

Важно обратить внимание и на другой, еще более аскетичный подход к данному вопросу: в уголовном законе есть нормы, в которых вообще отсутствует упоминание о форме вины (ст. 110, 126 УК РФ и др.).

Не утрачивает научного интереса нормативно-правовая дефиниция убийства: «Убийство, то есть умышленное причинение смерти другому человеку»¹ (ч. 1 ст. 105 УК РФ). В ней форма вины раскрывается через умышленное отношение к общественно опасному последствию.

Именно данная законодательная конструкция позволила правоведам выработать некий постулат, существо которого заключается в следующем: с позиции субъективных признаков преступления убийство характеризуется умышленной формой вины, а умысел может быть как прямым, так и косвенным².

Насколько представленный в уголовном законе способ демонстрации формы вины в конкретных составах преступлений соответствует нормативно-правовым понятиям видов умысла?

Еще раз напомним, в преступление, совершенное с прямым умыслом, нормой права вкладывается следующий смысл: преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления (ч. 2 ст. 25 УК РФ). А совершенным с косвенным умыслом преступление признается в том случае, если лицо, его учинившее, осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность наступления общест-

---

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая 1996 г. (в ред. от 6 июля 2016 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 (дата обращения: 27.07.2016).

² См., напр.: *Бородин С.В.* Преступления против жизни. М.: Юрист, 2000. — (Библиотека следователя). С. 57; *Красиков А.Н.* Ответственность за убийство по российскому уголовному праву. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. С. 48.

венно опасных последствий, не желало, но сознательно допускало эти последствия либо относилось к ним безразлично (ч. 3 ст. 25 УК РФ).

Вспомним справедливые слова Б.Т. Разгильдиева о том, что закон, регламентирующий виды вины, применительно к умыслу оперирует словами «сознание» и «воля»¹.

Однако в вышеприведенном законодательном определении убийства просматривается лишь волевой момент умысла и то слабо. В связи с этим возникает много вопросов, которые можно адресовать нормотворцу. В частности, почему в дефиниции убийства не отражен интеллектуальный момент умысла? Почему указано на умышленное причинение смерти, а не на умышленное лишение жизни? Насколько это правильно с позиции общественной опасности преступления, которая проявляется, в первую очередь, через объект преступления?

Поскольку объектом убийства уголовно-правовая теория признает либо жизнь², либо право человека на жизнь³, следует согласиться с тем, что в законодательной дефиниции убийства более правильным было бы указание на умышленное лишение жизни⁴. Соответственно, предпочтительнее будет следующая законодательная конструкция ч. 1 ст. 105 УК РФ:

«Статья 105. Убийство (проект)

1. Убийство, то есть умышленное лишение жизни другого человека, — наказывается ...».

Данное определение также подчеркнет то, что жизнь — самое ценное благо человека.

Аналогичный вышеописанному способ законодательной регламентации умысла использован в ст.ст. 111 («Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью»), 112 («Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью»), 113 («Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии

---

¹ См.: Разгильдиев Б.Т. Указ. соч. С. 108.

² См., напр.: Бородин С.В. Указ. соч. С. 14.

³ См., напр.: Красиков А.Н. Преступления против права человека на жизнь: в аспектах de lege lata и de lege ferenda. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. С. 72.

⁴ См.: Верина Г.В. Указ. соч. С. 322.

аффекта)), 114 («Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление») и 115 («Умышленное причинение легкого вреда здоровью») УК РФ. И в названных составах преступлений законодатель указывает на умышленное отношение к причинению вреда.

С учетом поднятой проблемы предпочтительнее было бы конструкциям всех уголовно-правовых норм Особенной части УК РФ придать следующую форму: «Лицо, виновное в совершении (далее идет описание преступления), — наказывается ...».

Данное предложение обусловлено принципом вины, который в Особенной части УК РФ практически игнорируется.

Некую конкретизацию субъективных признаков и вместе с тем дискуссионность в их трактовке вносит термин «заведомость», который используется, в частности, в дефиниции клеветы (ч. 1 ст. 128.1 УК РФ): «Клевета, то есть распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию»¹.

О заведомости также идет речь в ч. 1 ст. 122 («Заражение ВИЧ-инфекцией») и ст. 125 («Оставление в опасности»), входящих в систему преступлений против жизни и здоровья (гл. 16 УК РФ).

«Заведомость» многими авторами отождествляется с прямым умыслом. А.Н. Красиков, например, отмечал, что субъективная сторона клеветы характеризуется умышленной виной в виде прямого умысла, признак заведомости требует достоверного знания о ложности сообщаемой информации².

На наш взгляд, заведомость может быть лишь одним из свидетельств прямого умысла, отождествлять же ее с прямым умыслом неправильно. Выше

---

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая 1996 г. (в ред. от 6 июля 2016 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 (дата обращения: 27.07.2016).

² См.: Красиков А.Н. Преступления против личности: учеб. пособие для студентов учеб. заведений юрид. профиля. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. С. 103.

мы приводили нормативно-правовую дефиницию прямого умысла. В ней о заведомости нет ни слова. Поэтому она не может быть единственным показателем формы и вида вины. Как справедливо отмечает А.И. Рарог, избирательное отношение законодателя к признаку заведомости является недостаточно продуманным и представляет серьезные трудности для его теоретического обоснования¹.

Подводя итог рассуждениям, сформулируем основные выводы относительно наших воззрений о вине и вине в умышленных преступлениях:

1. Феномену вины свойственна полисемичность. Вина — это не только внутренняя составляющая преступления, но и проявление внутреннего состояния преступника во вне.

2. Вина — психолого-оценочное понятие, выступающее связующим звеном объективных и субъективных признаков преступления; вместе с тем вина, как бы, стоит над преступлением, отсюда логично сделать вывод: преступление как некая данность может существовать в объективном мире, а вина в полном объеме — еще нет.

3. Важно также констатировать, что вина имеет двуединое начало: 1) внутренняя составляющая преступления, ядро его субъективной стороны, находящая воплощение в умысле или неосторожности, и 2) внешняя «субстанция» в виде отрицательной оценки суда от имени государства осознанно-волевого отношения лица к совершаемому им общественно опасному деянию и его общественно опасному последствию.

4. Основанием возникновения вины следует признать совершенное лицом преступление.

5. Содержание вины наполнено объективными и субъективными признаками преступления.

6. Умысел, являясь обязательным субъективным признаком преступления, выступает частным проявлением внутренней составляющей преступления,

---

¹ Подробнее об этом см.: *Рарог А.И. Учение о вине в современной российской науке уголовного права: состояние и перспективы развития // Российский криминологический взгляд. 2009. № 4 (20). С. 216 – 220.*

частным проявлением вины как ядра субъективной стороны преступления. Вместе с тем вина в умышленных преступлениях имеет и свою внешнюю «оболочку», находящую выражение в отрицательной оценке судом от имени государства осознанно-волевого отношения лица к совершаемому им общественно опасному деянию и его общественно опасному последствию, имеющего свою определенную специфику в различных вариациях умысла. Качественное свойство вины в умышленных преступлениях — злонамеренность.

7. Конструкциям всех уголовно-правовых норм Особенной части УК РФ предпочтительно придать следующую форму: «Лицо, виновное в совершении (далее идет описание преступления), — наказывается ...».

Предложенная конструкция отвечает требованиям принципа вины.

8. Избранный законодателем способ демонстрации формы вины в конкретных составах преступлений против личности лишь отдаленно напоминает и фрагментарно отражает им же данные определения преступлений, совершенных с прямым или косвенным умыслом.

9. Признание российским законодателем категории «неизбежность» бесспорным свидетельством прямого умысла не опирается на результаты социологических исследований, глубоко ошибочно и умозрительно, вместе с тем оно свидетельствует об искусственном расширении сферы репрессивных мер и не востребовано практикой.

10. Предлагаем проект ч. 2 ст. 25 УК РФ: «При прямом умысле лицо осознает общественную опасность своих действий (бездействия), предвидит реальную возможность наступления общественно опасных последствий и желает их наступления».

11. Часть 3 ст. 25 УК РФ предлагаем сформулировать следующим образом: «При косвенном умысле лицо осознает общественную опасность своих действий (бездействия), предвидит реальную возможность наступления общественно опасных последствий, не желает, но сознательно допускает эти последствия либо относится к ним безразлично».

12. Предлагаем авторскую дефиницию вины в умышленных преступлениях: вина в умышленных преступлениях — это осознанно-волевое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию и его общественно опасному последствию, выраженное в форме прямого или косвенного умысла, получившее отрицательную оценку от имени государства.

Несомненно, изложенный нами научный подход не укладывается в традиционное представление о соотношении умысла и вины, однако, надеемся, он сможет дать новый импульс развитию учения о вине (виновности).

§ 2. Правоприменительный опыт интерпретации вины в умышленных преступлениях: проблемы и пути решения

Научный интерес представляет вопрос о том, насколько правоприменительная практика в аспекте толкования вины в умышленных преступлениях близка или, наоборот, далека от законодательного описания данного феномена и теоретических воззрений.

Напомним, российский законодатель ведет речь о «преступлениях, совершаемых умышленно», «преступлениях, совершенных с прямым и косвенным умыслами». Он использует также словосочетание «деяние, совершенное с прямым или косвенным умыслом». Все эти понятия закреплены в ст. 25 Уголовного кодекса Российской Федерации. В частности, в уголовном законе дано такое определение: «Преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления»¹ (ч. 2 ст. 25 УК РФ). Согласно ч. 3 ст. 25 УК РФ преступление признается совершенным с косвенным умыс-

---

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая 1996 г. (в ред. от 6 июля 2016 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 (дата обращения: 27.07.2016).

лом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность наступления общественно опасных последствий, не желало, но сознательно допускало эти последствия либо относилось к ним безразлично.

Для того чтобы «приоткрыть занавес» обозначенной проблемы, мы провели выборочный анализ материалов судебной практики по уголовным делам о преступлениях против личности и преступлениях против собственности, изучив при этом 217 обвинительных приговоров, которые в определенной мере могут свидетельствовать об имеющихся в правоприменении тенденциях. Внимание к названным категориям преступлений обусловлено, прежде всего, тем, что преступления против личности посягают на важнейшее благо человека, а преступления против собственности продолжают оставаться самыми распространенными на территории России. По данным МВД, в 2013 г. на территории России зарегистрировано 2206249 преступлений, из них 392759 — преступления против личности (в их числе 12361 убийств и покушений на убийства), 1304622 — преступления против собственности (в том числе 922562 краж); в 2014 г. всего было зарегистрировано 2190578 преступлений, из них 393009 — преступления против личности (в их числе 11933 убийств и покушений на убийства), 1258305 — против собственности (в том числе 908901 краж); в 2015 г. аналогичные показатели были следующими: 2388476; 409559 (11496); 1397391 (1018451)¹.

Представить на страницах диссертации весь массив изученных материалов уголовных дел не представляется возможным в связи с тем, что, в противном случае, ее объем будет превышать допустимые нормы. Поэтому остановимся на наиболее типичных ошибках судебной практики, выявленных в процессе ее изучения.

---

¹ См.: Состояние преступности в России за январь — декабрь 2013 года [Электронный ресурс]. URL: https://mvd.ru/upload/site1/document_file/H8NGnfdiEu.pdf; Состояние преступности в России за январь — декабрь 2014 года [Электронный ресурс]. URL: https://mvd.ru/upload/site1/document_file/pxOrdPt4BF.pdf (дата обращения: 10.02.2015); Состояние преступности в России за январь — декабрь 2015 года [Электронный ресурс]. URL: https://mvd.ru/upload/site1/document_file/sb_1512.pdf (дата обращения 04.02.2016).

Анализ материалов судебной практики начнем с приговора Марксовского городского суда Саратовской области, в котором отмечается: «...Подсудимый В., ... находясь в состоянии алкогольного опьянения в помещении магазина «Магнит», <...> увидев ранее не знакомую ему П., ... покупающую в магазине товар, решил похитить у нее деньги и продукты питания. С целью реализации своего преступного умысла, направленного на открытое хищение чужого имущества, подсудимый В. ... проследовал за П. ...»¹.

Как видим, в данном процессуальном документе не указывается, с каким видом умысла совершено преступление, нет анализа не только интеллектуального, но и волевого компонентов умысла, определяемых в теории уголовного права как осознание общественной опасности деяния и предвидение реальной возможности или неизбежности наступления общественно опасного последствия (интеллектуальный компонент) и желание наступления общественно опасного последствия (волевой компонент)². Можно предположить, вид умысла не указан по той причине, что для хищения (будь то кража, грабеж или разбой) характерен прямой умысел и для любого лица, обладающего юридическими знаниями, данный факт очевиден и не требует доказательств.

Однако вина не является теоретической абстракцией, она носит строго персонифицированный характер, выражаясь в реальном бытии, при совершении преступления, в конкретном виде вины. По этому поводу, например, Р.Р. Галиакбаров отмечает, что в реальной практике нет вины как общего явления, а есть вина в конкретной краже, хулиганстве и т.д., представленная определенным видом умысла со своей совокупностью признаков³. Поэтому важно констатировать, что лицо не может совершить просто умышленное преступление. Оно совершает преступление с прямым или косвенным умыслом. К сожа-

---

¹ Архив УФСИН по Саратовской области. 2006. Дело № 1–173/06.

² См., напр.: Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / под ред. Р.Р. Галиакбарова. Саратов: Сарат. гос. академия права, Сарат. высш. школа МВД РФ, 1997. С. 189; Уголовное право России: курс лекций: в 6 т. / под ред. Б.Т. Разгильдиева. Т. 2. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Сарат. гос. академия права», 2008. С. 110.

³ См.: Галиакбаров Р.Р. Уголовное право. Общая часть: учебник. Краснодар, 1999. С. 149.

лению, данное теоретическое положение практически забыто правоприменителем.

Рассмотрим положения приговора Кировского районного суда г. Саратова: «Подсудимый Ж. ... совершил умышленное преступление ... <...> ...у Ж. ... возник преступный умысел, направленный на тайное хищение сотового телефона у Л. <...> Продолжая осуществлять свои преступные намерения, направленные на тайное хищение имущества Л. ... Реализуя намеченное, Ж., ... будучи уверен в том, что за его преступными намерениями никто не наблюдает ... Ж., ... осознавая, что его действия стали носить явно открытый характер, решил довести до конца свои преступные намерения, направленные на хищение сотового телефона Л. ... путем грабежа»¹.

В данном приговоре суда используется словосочетание «преступное намерение» в качестве аналога понятия «преступный умысел». Однако результаты проведенного нами экспертного опроса свидетельствуют о том, что вообще-то правоприменитель не мыслит возможной замену уголовно-правовой категории «умысел» на термин «намерение»: 35 респондентам был задан вопрос о том, какое понятие наиболее приемлемо для обозначения формы вины — «умысел» или «намерение»; из них лишь 5 человек отдали голос за «намерение» и один — вместо умысла предложил понятие «степень причастности», все остальные (29 человек) согласились с традиционным термином «умысел».

Продолжим анализ вышеприведенного приговора Кировского районного суда г. Саратова. Преступление, начатое Ж. как кража, переросло в грабеж. С точки зрения субъективных признаков, грабеж — это преступление, характеризующееся прямым умыслом, однако в приговоре суда вид умысла также не конкретизирован, сказано лишь, что Ж. совершил умышленное преступление и что у него возник преступный умысел.

Зададимся вопросом, насколько характеристика прямого умысла, представленная в вышеприведенных выдержках из приговоров судов, соответствует уголовному законодательству. С позиции законодательного описания преступ-

---

¹Архив УФСИИ по Саратовской области. 2006. Дело № 1–122/06.

ления, совершаемого с прямым умыслом, в приговоре Кировского районного суда г. Саратова нашел частичное отражение интеллектуальный компонент прямого умысла, который представлен такими словами: «Ж., ... осознавая, что его действия стали носить явно открытый характер». Второй интеллектуальный компонент (предвидение реальной возможности или неизбежности наступления общественно опасного последствия), а также волевой компонент (желание наступления общественно опасного последствия) прямого умысла не востребованы приговором суда.

Вместе с тем нельзя забывать о сложности законодательной конструкции прямого умысла, на которую не раз обращалось внимание в уголовно-правовой литературе. Так, С.В. Векленко и М.В. Бавсун указывают на нечеткость и оценочность понятия «осознание общественной опасности своих действий (бездействия)», которое не всегда могут понять и оценить (тем более, максимально конкретизировать юридические элементы интеллектуального содержания умысла) ни правоприменитель, ни лица, совершающие преступление¹.

Не меньше проблем со вторым интеллектуальным компонентом прямого умысла, который характеризуется предвидением возможности или неизбежности наступления общественно опасных последствий. По большому счету российский законодатель вообще не дает определения прямого умысла. Он ведет речь о преступлениях, совершаемых умышленно, о преступлениях, совершенных с прямым умыслом. На наш взгляд, правильнее было бы дать определение самого прямого умысла, которое мы представили в § 1 настоящей главы диссертации.

Посмотрим, каким образом учтены районным судом рекомендации Верховного Суда РФ при рассмотрении уголовных дел о преступлениях против собственности. Так, в п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (с изм. и доп. от 6 февраля 2007 г. и 23 декабря 2010 г.) отмечается: «От-

---

¹ См.: Векленко С.В., Бавсун М.В. Уголовно-правовая оценка субъективной стороны состава преступления. С. 46, 47.

крытым хищением чужого имущества, предусмотренным статьей 161 УК РФ (грабеж), является такое хищение, которое совершается в присутствии собственника или иного владельца имущества либо на виду у посторонних, когда лицо, совершающее это преступление, сознает, что присутствующие при этом лица понимают противоправный характер его действий независимо от того, принимали ли они меры к пресечению этих действий или нет»¹. Надо отдать должное, данная рекомендация Пленума Верховного Суда РФ была учтена судьей при вынесении обвинительного приговора.

С точки зрения соблюдения буквы закона, теоретико-прикладной интерес представляет приговор Энгельского городского суда Саратовской области, в котором подчеркивается: «Осуществляя свой преступный замысел, ... <...>. Подсудимый Г. ... виновным себя не признал. <...> ... виновность Г. ... в полном объеме содеянного подтверждается следующими представленными суду доказательствами»².

Вновь в приговоре суда речь идет, можно сказать, только о преступном умысле, хотя, справедливости ради, следует заметить, в данном процессуальном документе суд не использовал даже и этого понятия, он его подменил преступным замыслом, иными словами, термином, который не встречается в уголовном законодательстве.

Обратим внимание на практику вынесения приговоров по делам об убийстве. Например, в приговоре одного из районных судов г. Брянска мы находим такое заключение: «Судебным следствием установлено, что Г-ва (фамилия нами изменена. — *В.Н.*) на почве личных неприязненных отношений, в ходе ссоры, умышленно, с целью убийства своего мужа Г. нанесла последнему кухонным ножом одно проникающее в область живота колото-резаное ранение с повреждением ... канала желудка и поджелудочной железы, что обусловило развитие массивной кровопотери, которая и явилась непосредственной причиной

---

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003, № 2; 2007, № 5; 2011, № 2.

² Архив УФСИН по Саратовской области. 2006. Дело № 1–364/06.

смерти Г., что свидетельствует об умысле подсудимой на умышленное причинение смерти Г.»¹.

Показания подсудимой Г-вой суд во внимание не принял. Суду она пояснила следующее: убивать своего мужа Г. не хотела; когда он стал наносить ей множественные удары руками в область головы и туловища, она пыталась защищаться и между ними завязалась драка; сумев вырваться из рук мужа, удерживающего ее за одежду сзади и продолжающего избивать, схватила с холодильника кухонный нож и острием лезвия ножа ударила мужа в живот, в результате чего в области живота образовалась рана, из которой шла кровь².

В приговоре суда привлекает внимание фраза «умысел подсудимой на умышленное причинение смерти». Для чего понадобилась тавтология «умысел на умышленное»? Для усиления доказательственной базы, психологического воздействия? Или это произошло от незнания положений ст. 25 УК РФ? Вновь в приговоре не указан вид умысла (прямой или косвенный), не проанализированы интеллектуальные и волевой моменты умысла. Отсутствие этого анализа привело, на наш взгляд, к тому, что лицо было осуждено за убийство, тогда как, возможно, причинило смерть в состоянии необходимой обороны или, по крайней мере, превышения ее пределов. Убийство убийству рознь. В этом отношении поучителен пример, приведенный В.Д. Спасовичем еще во второй половине XIX в.: «Петр убил Андрея выстрелом из пистолета. Зачем он выстрелил? Он хотел убить Андрея (намерение). Почему хотел он убить? Он хотел завладеть деньгами, которые Андрей имел при себе ... Почему же Петр хотел завладеть деньгами Андрея? Он хотел спасти семью свою от голода»³.

Важно найти ответ на вопрос о том, нет ли искусственного, не отвечающего интеллектуально-волевым качествам человека, расширения сферы уголовно-правовой оценки деяний как умышленных преступлений.

---

¹ Дело № 1-114 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gcourts.ru/case/6629603> (дата обращения: 11.02.2015).

² См.: Там же.

³ Учебник уголовного права, составленный В. Спасовичем. Т. I (вып. 1, 2). СПб.: В тип. Иосафата Огризко, 1863. С. 154.

Подтверждением злободневности данного аспекта проблемы умышленных преступлений служит Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности»¹.

В Пояснительной записке к проекту данного закона отмечается, что в 2014 г. из 719305 лиц общего числа осужденных 330898 лиц были признаны виновными и осуждены за преступления небольшой тяжести (к ним относятся и ряд умышленных преступлений), причем как сами деяния, так и лица, их совершившие, не обладают достаточной степенью общественной опасности, соответственно, негативные последствия от судимости в таких случаях не вполне адекватны этой опасности².

Мы поддержали инициативу Верховного Суда Российской Федерации о расширении института освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим и частично положения проекта Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности», который был внесен в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации в соответствии с Постановлением Пленума от 31 июля 2015 г. № 37. Вместе с тем отмечали, что с этой задачей вполне можно справиться с помощью ст. 76 УК РФ, и поэтому не видели смысла дополнять уголовный закон новой ст. 76² об освобождении от уголовной ответственности в связи с применением иных мер уголовно-правового характера. Причин тому несколько: 1) в проекте ст. 76² УК РФ основания и условия освобождения от уголовной ответственности дублируют оные, заложенные в ст. 76 УК РФ: совершение преступления впервые, преступление небольшой или средней тяжести, заглаживание причиненного потерпевшему вреда; 2) по правилам ст. 76 УК

---

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 27, ч. II, ст. 4256.

² См.: Сайт Верховного Суда Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vsrfl.ru/>; <http://supcourt.ru/second.php> (дата обращения: 02.08.2015).

РФ все уголовно-правовые последствия совершенного преступления аннулируются, а в ст. 76² (проект) при наличии тех же оснований и условий предусматривается применение уголовных наказаний, закрепленных в п. «а», «б», «г», «д» ст. 44 («Виды наказаний») УК РФ, а именно: штрафа, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; обязательных или исправительных работ в качестве мер уголовно-правового характера. Целесообразно ли использовать одни и те же меры и в качестве уголовного наказания, и в качестве иных мер уголовно-правового характера? Думаем, нет. Примером тому служит конфискация имущества (гл. 15.1 УК РФ), которая трансформирована из уголовного наказания в иные меры уголовно-правового характера; при этом законодатель исключил конфискацию имущества из ст. 44 УК РФ; 3) по правилам ст. 76 УК РФ освобождением от уголовной ответственности лицо освобождается от уголовного наказания и фактически, и юридически; в проекте же ст. 76² освобождение от наказания лишь декларируется, в действительности же лицо будет испытывать негативное воздействие уголовного наказания¹.

Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ дополнил УК РФ ст. 76.2 в следующей редакции: «Лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено судом от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа в случае, если оно возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред»².

Подобное решение вопроса представляется более предпочтительным по сравнению с проектом. Как видим, законодатель не воспринял идею авторов проекта о признании иными мерами уголовно-правового характера наказаний в виде штрафа, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательных и исправительных работ. В качестве иной меры уголовно-правового характера введено новое понятие «су-

---

¹ См.: *Найбойченко В.В.* Умысел в преступлениях: закон, теория и судебная практика // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 5 (106). С. 164 – 165.

² Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 27, ч. II, ст. 4256.

дебный штраф». Согласно ст. 104.4 УК РФ «Судебный штраф есть денежное взыскание, назначаемое судом при освобождении лица от уголовной ответственности в случаях, предусмотренных статьей 76.2 настоящего Кодекса»¹.

Еще одна из типичных ошибок, допускаемых судами в приговорах, — это указание при характеристике умысла в материальных составах преступлений на совершение умышленного действия. Например, в приговоре Ичалковского районного суда Республики Мордовия, вынесенного 24 апреля 2012 г. в отношении гр-на А.В. П-ва, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 («Убийство») УК РФ, отмечается: «Обстоятельство ... позволяет суду сделать вывод о том, что А.В. П-в нанес удар ножом Ж. умышленно, преследуя цель убийства»².

Данное положение не соответствует уголовному закону по следующим соображениям: законодатель, определяя преступления, совершенные с прямым или косвенным умыслом (ч. 2, 3 ст. 25 УК РФ), дает характеристику интеллектуальной и волевой деятельности лица по отношению к деянию и его общественно опасному последствию; о совершении деяния умышленно можно вести речь только применительно к формальным составам преступлений, объективная сторона которых им (общественно опасным деянием) и исчерпывается, что не характерно для преступлений с материальным составом по конструкции, объективная сторона которых включает помимо общественно опасного деяния еще и общественно опасное последствие; убийство относится к числу последних. Поэтому об умысле можно вести речь только по отношению к преступлению в целом, в данном случае — к убийству.

В заключение проведенного исследования отметим ряд следующих положений в качестве выводов:

1. Правоприменительное описание вины в умышленных преступлениях лишь отдаленно напоминает законодательные и доктринальные дефиниции.

---

¹ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 27, ч. II, ст. 4256.

² Приговор Ичалковского районного суда Республики Мордовия в отношении гр-на А.В. П-ва от 24.04.2012 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://rospravosudie.com/court-ichalkovskij-rajonnyj-sud-respublika-mordoviya-s/act-104827666/> (дата обращения: 13.02.2015).

2. В приговорах судов вид умысла не конкретизируется (несмотря на то, что законодатель выделяет прямой и косвенный умыслы — ч. 2, 3 ст. 25 УК РФ).

3. Традиционно в приговорах судов отсутствует анализ интеллектуальных и волевых моментов прямого и косвенного умыслов. Однако следует заметить, он затруднен и в силу сложности законодательных конструкций данных уголовно-правовых категорий, новые дефиниции которых нами предложены в § 1 данной главы диссертационного исследования.

4. Правоприменительную практику предлагаем скорректировать в следующем направлении:

– в обвинительных приговорах судам следует конкретизировать вид умысла (прямой или косвенный);

– интеллектуальные и волевые моменты прямого и косвенного умыслов должны подлежать обязательному анализу в приговоре суда;

– правоприменительное описание вины в умышленных преступлениях должно строго соответствовать законодательным конструкциям;

– расширить практику освобождения от уголовной ответственности лиц, совершивших умышленные преступления небольшой и средней тяжести в связи с примирением с потерпевшим.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги проведенного исследования, важно констатировать, что основными его результатами являются система нетрадиционных научных воззрений о вине и вине в умышленных преступлениях, разработанные проекты законодательных дефиниций вины, прямого и косвенного умыслов, которые представляются значимыми для теории уголовного права, а также законодательной и правоприменительной практики.

Ряд теоретических положений и выводов представим более детально:

I. Философские основы уголовно-правового понимания вины нами видятся в следующем.

Период античной философии имел огромное значение для формирования уголовно-правового учения о вине и продолжает быть значимым в настоящее время для правильного толкования вины. Такие понятия, как «намеренное нарушение норм», «невольная вина» и «трагическая вина», выработанные античными философами, думаем, служили прототипом умысла, неосторожности и невиновного причинения вреда в их современной уголовно-правовой трактовке.

Можно предположить, что в соответствии с учением Гераклита вина и виновное поведение рассматривались в неразрывной связи и единстве с глобальными, космическими процессами, а огонь выступал эквивалентом преступления и наказания, виновного и невиновного поведения.

Демокрит придавал большое значение намерениям и желанию человека, а следовательно, и умыслу, в волевой компонент которого включается желание.

Софисты взамен божественному и космическому объяснению всех явлений и понятий за виной закрепляли значение «проступок», «неправильное поведение» человека (Протагор).

Аристотель выделял такие понятия, как «воля», «намерение», «стремление», «страсть», «внезапные, произвольные и преднамеренные действия» и устанавливал между ними корреляцию. Как отмечал философ, намерение по преимуществу связано с добродетелью и по нему лучше, чем по действию судить о

характере. Внезапные действия он называл произвольными, но не преднамеренными; различал намерение и стремление. Все эти понятия сыграли значимую роль для формирования уголовно-правовых воззрений относительно вины, умысла и его видов.

Мыслители придавали большое значение степеням вины (Аристотель, Н. Макиавелли и др.). Выделением понятия «злой умысел» они, полагаем, указывали на различную степень общественной опасности видов вины.

Признание христианством «вины» и «виновности» оценкой поведения как «упречного» или «безупречного» имеет большое значение для уголовно-правовой трактовки вины (виновности): во-первых, оно свидетельствует о тождестве данных понятий; во-вторых, о наличии в вине оценочной составляющей и, в-третьих, о нравственном присутствии.

Постулат христианского учения о психическом, субъективном основании ответственности наряду с объективным, а именно тезис о том, что «лицо не может нести ответственность только за факт причинения вреда, необходимо еще установить характер его психического отношения к содеянному», во многом обусловили формирование психологической концепции вины.

Христианские религиозные воззрения признавали прямой умысел, который определяли терминами «злоумышление» и «намерение».

По Гуго Гроцию, все люди по природе своей склонны владеть и действовать. Значит, человек — не пассивен, а активен, соответственно, у него есть возможность активно проявлять свою волю, направлять ее на совершение поступков, выбирать поведение, которое может быть нравственным или безнравственным, виновным или невиновным.

Понятие вины Иммануил Кант рассматривал с позиции учения о долге, некоей шкале его исполнения, выделяя при этом преднамеренную, неумышленную и прирожденную вину. Последняя заключается в человеческом стремлении к злу, неисполнению долга как необходимости совершать добро во всей возможной полноте. Виновность, полагал философ, состоит не только в поступках,

имевших злые последствия, но и в поступках, не имевших видимых злых последствий, но совершенных не ради долга.

Сторонники оценочной концепции вины, полагаем, взяли за основу суждение Г.В.Ф. Гегеля о том, что вина есть оценка факта совершения деяния, внешнее осуждение этого деяния.

Состояние правосознания, писал И.А. Ильин, оказывает влияние на виновность или невиновность человека, изначально служа условием совершения или несовершения преступления или иного волевого поступка.

Согласно философским рассуждениям человек, наделенный разумом и положительными нравственными представлениями, способен приблизиться к идеалу нравственного совершенства, хотя и не способен полностью избавиться от своей вины. Еще одним свойством вины является невозможность переложить ее на кого-нибудь другого, что востребовано современной российской уголовно-правовой доктриной и находит проявление в персональной ответственности лица, совершившего преступление.

Сегодня нравственная составляющая содержания вины также востребована уголовно-правовой наукой. В частности, Б.Т. Разгильдиев считает необходимым, чтобы вина обладала нравственным аспектом и он отражался в ней самостоятельным признаком.

Теория абсолютной свободы оказала влияние на формирование в науке уголовного права взгляда на виновность как на «дефект воли» (Н.С. Таганцев), а также позволила выработать мнение о том, что внутреннее состояние личности создается свободой воли: злая воля, противопоставляясь воле доброй, рассматривалась как единственная причина преступлений; человек, совершавший какое-либо преступное деяние, считался проникнутым злой волей (И.Я. Фойницкий).

II. Есть все основания для выделения трех периодов досоветской эпохи развития института вины в умышленных преступлениях: 1) период Русской Правды, 2) период Московского государства и 3) период Империи.

Выявлены определенные особенности и тенденции исторического развития института вины в умышленных преступлениях, как на уровне законодательства, так и на доктринальном уровне.

Несмотря на господство объективного вменения в древнерусском праве, зачатки понимания умысла и вины в умышленных преступлениях начали формироваться в период мести и частных композиций (период Русской Правды), иными словами, в древнерусском праве появляется некий пролог умышленной вины. Понятие вины также употреблялось в двух аспектах: 1) наказания и 2) вины в поступке (Пространная редакция Устава князя Ярослава о церковных судах). Таким образом, генезис института вины в умышленных преступлениях можно датировать XI веком.

Законодательная база русского уголовного права периода развития Московского государства была наполнена такой терминологией, как: «внутренняя оценка нравственной испорченности», «кто учнетъ мыслить», «умысел несвободного человека» и др. Это дает основание предположить, что в законодательных актах данного периода, в частности Соборном Уложении 1649 г., институт вины в умышленных преступлениях получил более совершенное юридическое оформление по сравнению с предшествовавшими памятниками права.

Наибольший расцвет институт умышленной вины получил в период Российской империи, что обусловлено уровнем развития уголовного права и в целом самого государства.

Авторы научных трудов начала XIX в. выделяли неумышленные и умышленные преступления, преступления, учиненные с намерением и без такового (И. Нейман, Г.И. Солнцев).

В 1840-е годы развития уголовно-правовой мысли умысел определялся как форма внешнего проявления преступления (С.И. Баршев).

В 50-е гг. XIX столетия наблюдается постепенный, хотя достаточно болезненный, отход от понимания умысла как частного случая внешнего проявления преступления. Воззрения В.Д. Спасовича являются тому примером.

60-е гг. XIX в. ознаменовались тем, что умысел в уголовном праве рассматривался под углом зрения степени глубины и решимости преступной воли (А.Ф. Бернер, П.Д. Калмыков).

В рассуждениях А.Ф. Кистяковского (научный труд 1882 г.), В.В. Есипова (научный труд 1898 г.) отчетливо просматривается корреляционная связь между умысленной виной и прямым умыслом (преддверие и период действия Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г.).

Научное суждение А.Д. Киселева о том, что «понятие умысленной вины охватывает внутреннее состояние личности» (1903 г.), имело огромное значение для формирования учения о вине, ее формах и видах и в современный период продолжает оставаться значимым для трактовки вины в умысленных преступлениях.

Одна из заслуг Г.С. Фельдштейна в развитии института вины в умысленных преступлениях заключается в том, что в субъективном отношении он рассматривал преступление как деятельность психического свойства.

В начале XX столетия сформировалась концепция вины не только как виновности физической, но и виновности психической — наличность или умысла, или неосторожности (Н.С. Таганцев), как внутренних процессов, происходящих в самом деятеле преступления, и проявление этих внутренних процессов во вне, в деятельности человека (Д.А. Дриль). Умысел рассматривался как одно из проявлений вины и подразделялся на виды.

Одна из примечательных черт уголовно-правовой теории вины досоветского периода — выделение понятия «злой умысел», которое своими корнями уходит в философские воззрения (например, Г.Е. Колоколов).

III. Советский период развития института вины в умысленных преступлениях, на наш взгляд, может быть представлен следующим образом.

В первых декретах Советской власти (от 14 ноября 1917 г. «Положение о рабочем контроле», от 8 мая 1918 г. «О взяточничестве», от 22 июля 1918 г. «О спекуляции» и др.) вина рассматривалась как одна из важнейших уголовно-правовых категорий.

Употребляемая в декретах формулировка «виновные в ...» (далее шло описание преступления) имеет преимущества следующего характера: во-первых, вина — важнейшее условие уголовной ответственности; во-вторых, наказывается физическое виновное лицо, а не преступление; в-третьих, такую формулировку есть основание рассматривать как предтечу принципа вины.

Идеи о том, что решение вопроса о вине основывается на внутренней оценке судом совокупности обстоятельств по уголовному делу, заложенные в Положении о полковых судах (декрет СНК от 10 июля 1919 г.), свидетельствуют о востребованности оценочной теории вины в первые годы существования советского права. Вместе с тем в нем было сохранено влияние законодательства и научных воззрений досоветского периода уголовного права России.

Начиная с 1919 г., понятие вины поступательно выхолащивалось из российского закона. В нормативно-правовых актах (Постановление НКЗдрава и НКЮ от 18 ноября 1920 г. «Об охране здоровья женщины» и др.) наряду с термином «кто» использовался термин «виновный». Употребление термина «кто» вместо термина «виновные» — свидетельство отступления от принципа вины, хотя вполне оправдано с позиции персональной ответственности.

В данный период пропагандировалась мысль о том, что умысел и неосторожность не могут быть связаны с понятием вины в советском социалистическом уголовном праве (А.А. Пионтковский).

В Руководящих началах по уголовному праву (Постановление НКЮ от 12 декабря 1919 г.) присутствовало косвенное указание на формы вины: при определении меры наказания в каждом отдельном случае рекомендовалось различать, совершено ли деяние в сознании причиненного вреда или по невежеству и неосознанности, обнаружено ли совершающим деяние заранее обдуманное намерение, совершено ли деяние в состоянии запальчивости (п. «в» и «з» ст. 12).

Важно отметить то, что понятие «виновный» было востребовано законодателем в период Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.), о чем, в частности, свидетельствует Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 мая

1943 г. «Об ответственности за незаконное награждение орденами и медалями СССР и нагрудными знаками, за присвоение орденов, медалей и нагрудных знаков и передачу их награжденными лицами другим лицам».

В уголовно-правовой литературе послевоенных лет вина рассматривалась не только в качестве умысла или неосторожности, но и субъективного основания уголовной ответственности (Т.Л. Сергеева).

В период действия УК РСФСР 1960 г. понятие умышленной вины формировалось и развивалось в системе воззрений на вину как психического отношения лица к совершаемому им общественно опасному деянию и его общественно опасным последствиям.

Венцом советского нормотворчества явились Основы уголовного законодательства Союза ССР и республик 1991 г., закрепившие деление умысла на прямой и косвенный, самостоятельные дефиниции преступлений, совершенных с прямым или косвенным умыслом.

IV. Зарубежный опыт трактовки вины в умышленных преступлениях имеет ряд своих характерных черт.

Немецкая доктрина видит сущность вины в нормативной оценке психического состава деяния. В вопросе регламентации вины в умышленных преступлениях Уголовный кодекс ФРГ весьма лаконичен, он не содержит определения умысла и умышленного преступления. Данные вопросы разрабатывает теория уголовного права и судебная практика.

Уголовное законодательство Австрии закрепляет умысел, намеренность, осознанность (§ 5 УК) в качестве разновидностей умышленной вины.

В УК Франции понятие умысла присутствует, но не раскрывается. Доктрина выделяет прямой умысел и степени вины в умышленном преступлении: 1) предумышленность; 2) умысел, возникший в результате провокации; 3) неопределенный умысел; 4) претеринтенционный умысел и 5) косвенный умысел.

В уголовном законодательстве Испании отсутствуют дефиниции вины и ее форм, вместе с тем ему не чужды понятия «виновный», «умысел», «неосторожность».

По итальянскому уголовному праву вина есть психологический элемент преступления. Видами умышленной вины признаются прямой умысел, намерение (ст. 43 УК Италии), а также претеринтенционный умысел.

В Уголовном кодексе Бельгии вопрос о вине и ее проявлениях преломляется через призму ответственности физического лица в рамках ответственности лица юридического, назначения наказания по совокупности преступлений и через призму конкретных составов преступлений. Из видов умышленной вины названы «преступное намерение» (ст. 65 гл. VI книги I) и осознанность (ст. 116 гл. II разд. 1 книги II) .

В уголовном законе Дании упоминаются слова и словосочетания: преступный умысел, сила и стойкость преступного умысла, умышленное преступление, неумышленное последствие и др.

Бывшие социалистические европейские страны (Республика Болгария, Республика Польша) сохранили в своем уголовном законодательстве влияние советского уголовного права.

В китайской законодательной дефиниции умысла (УК КНР) прослеживается серьезное влияние советской школы уголовного права. Можно сказать, в ней нашла воплощение идея Г.А. Злобина и Б.С. Никифорова о необходимости «выровнять» категории сознания и предвидения путем выдвижения на первый план сознания общественно опасного характера деяния.

В уголовном законодательстве Латвии, Белоруссии и Украины даны дефиниции вины с точки зрения психологической концепции. Нормотворческий опыт дефинирования вины представляется позитивным.

В уголовном законодательстве стран Балтии востребована психологическая концепция вины. В Уголовном кодексе Латвийской Республики (ч. 2 ст. 8) присутствует дефиниция вины как психического отношения лица к объективным признакам преступного деяния. Из форм вины признаются умысел и неосторожность, умысел подразделяется на прямой и косвенный. Все это свидетельствует о сохранении традиций советской школы уголовного права. Спецификой решения вопроса о видах умысла литовским законодателем является

дифференцированный подход к определению прямого умысла с учетом конструкции состава преступления — формальный или материальный — (ст. 15 УК Литовской Республики), из которого следует вывод о невозможности косвенного умысла в формальных составах преступлений.

По уголовному законодательству Эстонской Республики в формулировках прямого и косвенного умыслов присутствует некая «размытость»: 1) указывая на осознание характера и значения действия (бездействия), законодатель не уточняет их свойств — общественную опасность, вредоносность и т.д.; 2) весьма обтекаемо говорит о качественной характеристике предвиденных последствий, используя термин «определенные».

В УК Республики Беларусь понятия прямого и косвенного умыслов представлены через понятия преступлений, совершенных с данными видами вины (использован тот же технический прием, что и в российском уголовном законе). Белорусский законодатель решил вопрос присутствия косвенного умысла только в материальных составах преступлений, используя метод «от противного».

Уголовное законодательство Республик Казахстан и Таджикистан практически дословно воспроизводит дефиниции прямого и косвенного умыслов, сформулированных в ст. 25 Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. По этому пути пошел и законодатель Азербайджанской Республики.

Уголовный кодекс Республики Узбекистан дает понятие умышленных преступлений с учетом видов умысла (прямой и косвенный) и видов составов преступлений по конструкции (формальные, материальные).

В данном подходе нашли отражение позитивные достижения советской школы уголовно-правовой доктрины. И надо отдать должное узбекскому законодателю, поскольку Уголовный кодекс данной страны был разработан и введен в действие ранее Уголовного кодекса Российской Федерации.

Значимый признак конструирования умыслов в УК Республики Молдова — вредоносность, а не общественная опасность; деление умысла на виды в уголовно-правовых нормах отсутствует. Однако использование законодателем ка-

тегорий «желание» и «сознательное допущение» дает основание вести речь о прямом и косвенном умыслах.

Отход грузинского законодателя от традиций советской школы уголовного права в вопросе определения видов умысла выражается в замене понятия общественной опасности на противоправность.

Украинский законодатель не только закрепил психологическую концепцию вины, но и представил ее дефиницию в традиционной для российской (как советского, так и современного периода) школы уголовного права трактовке. Определения прямого и косвенного умыслов мало чем отличаются от оных в российской теории вины советского и современного периодов.

V. Развитие учения о вине в российской уголовно-правовой науке происходило через трактовку вины как одной из составляющей преступного деяния, важнейшего понятия уголовного права, от отождествления данного понятия с субъективной стороной преступления к признанию вины явлением внешнего мира, причинной связью, отказу от вины как субъективного признака преступления, через бурные дискуссии о сущности вины и ее назначении вновь к пониманию вины как важнейшего признака субъективной стороны преступления.

В современный период в российской уголовно-правовой доктрине существует целая система концепций по вопросу о понятии вины, среди них: психологическая, оценочная, психолого-оценочная. Большинство теоретиков признает вину одним из важнейших признаков состава преступления и преступления, принцип вины — основополагающим принципом уголовного права.

Подводя итог дискуссии о понятии вины, важно также констатировать, что учение о вине развивается по эволюционному пути.

Среди основных тенденций современного этапа развития учения о вине необходимо выделить следующие: 1) в российской уголовно-правовой науке наблюдается плюрализм мнений ученых по данной проблеме; 2) наряду с психологической теорией вины востребованы оценочная и психолого-оценочная концепции; 3) продолжается дискуссия сторонников психологической и оценочной концепций вины; 4) российские ученые предпринимают серьезные шаги

по сближению различных взглядов на понятие вины; 5) психологическая концепция вины продолжает сохранять доминирующие позиции; 6) теоретики уголовного права предлагают наполнить содержание вины нравственным аспектом; 7) понятие вины рассматривается во взаимосвязи с категорией «справедливость».

VI. В результате проведенного исследования мы сформировали систему воззрений о вине и вине в умышленных преступлениях.

На наш взгляд, феномену вины свойственна полисемичность. Вина — это не только внутренняя составляющая преступления, но проявление внутреннего состояния преступника во вне.

Вина — психолого-оценочное понятие, выступающее связующим звеном объективных и субъективных признаков преступления; вместе с тем вина, как бы, стоит над преступлением, отсюда логично сделать вывод: преступление как некая данность может существовать в объективном мире, а вина в полном объеме — еще нет.

Важно также констатировать, что вина имеет двуединое начало: 1) внутренняя составляющая преступления, ядро его субъективной стороны, находящая воплощение в умысле или неосторожности, и 2) внешняя «субстанция» в виде отрицательной оценки суда от имени государства осознанно-волевого отношения лица к совершаемому им общественно опасному деянию и его общественно опасному последствию.

Основанием возникновения вины следует признать совершенное лицом преступление.

Содержание вины наполнено объективными и субъективными признаками преступления.

Понятие вины предлагаем определить в ч. 1 ст. 24 УК РФ следующим образом: «Вина — это осознанно-волевое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию и его общественно опасному последствию, выраженное в форме умысла или неосторожности, получившее отрицательную оценку от имени государства».

Умысел, являясь обязательным субъективным признаком преступления, выступает частным проявлением внутренней составляющей преступления, частным проявлением вины как ядра субъективной стороны преступления. Вместе с тем вина в умышленных преступлениях имеет и свою внешнюю «оболочку», находящую выражение в отрицательной оценке судом от имени государства осознанно-волевого отношения лица к совершаемому им общественно опасному деянию и его общественно опасному последствию, имеющего свою определенную специфику в различных вариациях умысла.

Избранный законодателем способ демонстрации формы вины в конкретных составах преступлений против личности лишь отдаленно напоминает и фрагментарно отражает им же данные определения преступлений, совершенных с прямым или косвенным умыслом.

Предлагаем проект ч. 2 ст. 25 УК РФ: «При прямом умысле лицо осознает общественную опасность своих действий (бездействия), предвидит реальную возможность наступления общественно опасных последствий и желает их наступления».

Часть 3 ст. 25 УК РФ предлагаем сформулировать следующим образом: «При косвенном умысле лицо осознает общественную опасность своих действий (бездействия), предвидит реальную возможность наступления общественно опасных последствий, не желает, но сознательно допускает эти последствия либо относится к ним безразлично».

Предлагаем авторскую дефиницию вины в умышленных преступлениях: вина в умышленных преступлениях — это осознанно-волевое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию и его общественно опасному последствию, выраженное в форме прямого или косвенного умысла, получившее отрицательную оценку от имени государства.

Несомненно, изложенный нами научный подход не укладывается в традиционное представление о соотношении умысла и вины, однако, полагаем, он сможет дать новый импульс развитию учения о вине (виновности).

VII. Выводы по правоприменительному блоку диссертационного исследования можно свести к следующему.

Правоприменительное описание вины в умышленных преступлениях лишь отдаленно напоминает законодательные и доктринальные дефиниции.

В приговорах судов вид умысла не конкретизируется (несмотря на то, что законодатель выделяет прямой и косвенный умыслы — ч. 2, 3 ст. 25 УК РФ).

Традиционно в приговорах судов отсутствует анализ интеллектуальных и волевых моментов прямого и косвенного умыслов. Однако следует заметить, он затруднен и в силу сложности законодательной конструкции данных уголовно-правовых категорий, новые дефиниции которых нами предложены в § 1 главы IV диссертационного исследования и в положении VI Заключения.

Правоприменительную практику предлагаем скорректировать в следующем направлении:

- в обвинительных приговорах судам следует конкретизировать вид умысла (прямой или косвенный);
- интеллектуальные и волевые моменты прямого и косвенного умыслов должны подлежать обязательному анализу в приговоре суда;
- правоприменительное описание вины в умышленных преступлениях должно строго соответствовать законодательным конструкциям;
- расширить практику освобождения от уголовной ответственности лиц, совершивших умышленные преступления небольшой и средней тяжести в связи с примирением с потерпевшим.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

I. Нормативные акты, официальные документы, памятники права:

1.1. Российское законодательство

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законом РФ о поправках к Конституции РФ от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Рос. газета. 1993. 25 дек., № 237; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014, № 30, ч. I, ст. 4202.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с изм. и доп. от 6 июля 2016 г., № 375-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996, № 25, ст. 2954; 2016, № 28, ст. 4559.
3. Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 27, ч. II, ст. 4256.
4. Краткая редакция. Текст по академическому списку. Правда Роськая // Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 1. Законодательство Древней Руси / отв. ред. В.Л. Янин. М.: Юрид. лит., 1984. С. 47 – 49.
5. Пространная редакция. Суд Ярославль Володимерич. Правда Русьская // Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 1. Законодательство Древней Руси / отв. ред. В.Л. Янин. М.: Юрид. лит., 1984. С. 64 – 73.
6. Устав князя Владимира Святославича о десятинах, судах и людях церковных. Оленинская редакция. Текст // Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 1. Законодательство Древней Руси / отв. ред. В.Л. Янин. М.: Юрид. лит., 1984. С. 139 – 140.

7. Устав кн. Ярослава о церковных судах. Краткая редакция. Текст // Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 1. Законодательство Древней Руси / отв. ред. В.Л. Янин. М.: Юрид. лит., 1984. С. 168 – 170.
8. Устав кн. Ярослава о церковных судах. Пространная редакция. Текст // Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 1. Законодательство Древней Руси / отв. ред. В.Л. Янин. М.: Юрид. лит., 1984. С. 189 – 193.
9. Новгородская Судная грамота о суде и о закладе на наездщики и на грабещики. Текст // Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 1. Законодательство Древней Руси / отв. ред. В.Л. Янин. М.: Юрид. лит., 1984. С. 304 – 308.
10. Псковская Судная грамота. Текст // Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 1. Законодательство Древней Руси / отв. ред. В.Л. Янин. М.: Юрид. лит., 1984. С. 331 – 342.
11. Судебник 1497 года. Текст. Лет а 7006-го месяца септемвриа уложил Князь Великий Иван Васильевич Всея Руси с детми своими и с бояры о суде, как судити бояром и околничим // Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / отв. ред. А.Д. Горский. М.: Юрид. лит., 1985. С. 54 – 62.
12. Судебник 1550 года. Текст. Лет а 7000 пят десят осмаго июня Царь и Великий Князь Иван Васильевич Всеа Русии с своею братьею и з бояры сесь судебник у ложыл: как судити бояром, и околничим, и дворецким, и казначеем, и дьяком, и всяким приказным людем, и по городом наместником, и по волостем волостелем, и тиуном и всяким судьям // Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / отв. ред. А.Д. Горский. М.: Юрид. лит., 1985. С. 97 – 120.

13. Губная белозерская грамота. Текст // Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / отв. ред. А.Д. Горский. М.: Юрид. лит., 1985. С. 213 – 215.
14. Соборное Уложение 1649 года // Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 3. Акты Земских соборов / отв. ред. А.Г. Маньков. М.: Юрид. лит., 1985. С. 83 – 257.
15. Указ о наказании фальшивомонетчиков (не позднее 1637 г. февраля 10) // Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Тексты / подготовка текстов Р.Б. Мюллер; под ред. Н.Е. Носова. Л.: Изд-во «Наука», ленинградское отделение, 1986. — (Серия: Законодательные памятники Русского централизованного государства XV–XVII веков). С. 175.
16. 1715, апреля 26 Артикул воинский. Текст // Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 3. Акты Земских соборов / отв. ред. А.Г. Маньков. М.: Юрид. лит., 1985. С. 327 – 365.
17. Устав благочиния или полицейский (1782 г., апреля 8). Текст // Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма / отв. ред. Е.И. Индова. М.: Юрид. лит., 1987. С. 324 – 387.
18. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (1845 г., августа 15). Текст // Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 6. Законодательство первой половины XIX века / отв. ред. О.И. Чистяков. М.: Юрид. лит., 1988. С. 174 – 309.
19. Уложение о наказанияхъ уголовныхъ и исправительныхъ (изд. 1885 г.) // Сводъ законовъ Россійской имперіи. Полный текстъ всѣхъ 16 томовъ, согласованный съ послѣдними продолженіями, изданными въ порядкѣ ст. 87 Зак. Осн., и позднѣйшими узаконеніями. Въ пяти книгахъ / подъ ред. и съ прим. И.Д. Мордухай-Болтовского; сост.: Н.П. Балкановъ, С.С. Войтъ и

- В.Э. Герценбергъ. Книга пятая. Т. XIII–XVI. СПб.: Русское Книжное Тов-во «Дьятель». Т. XV. С. 1 – 195.
20. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (Свод Законов. Т. XV). По изданию 1885 г., Сводному Продолжению 1906 г., Очередным Продолжениям 1908, 1909 и 1910 годов и позднейшим узаконениям // Законы уголовные [сост. Н. Громов]. Изд. 3-е, перераб. и доп. СПб.: Издание Юридического Книжного Магазина Н.К. Мартынова, 1913. С. 1 – 657.
  21. Уголовное уложение 22 марта 1903 г. Съ мотивами, извлеченными изъ объяснительной записки редакціонной комиссіи, представленія Мин. Юстиціи въ Государственный Совѣтъ и журналовъ — особаго совѣщанія, особаго присутствія департаментовъ и общаго собранія Государственного Совѣта / изд. Н.С. Таганцева. СПб., 1904. 1125 с.
  22. Уголовное Уложение (статьи, введенные в действие). Т. XV. Изд. 1909 г., с позднейшими узаконениями и извлечениями из решений Правительствующаго Сената, а также Главных Военного и Военно-Морского Судов // Законы Уголовные [сост. Н. Громов]. Изд. 3-е, перераб. и доп. СПб.: Издание Юридического Книжного Магазина Н.К. Мартынова, 1913. С. 659 – 869.
  23. Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 1. Законодательство Древней Руси / отв. ред. В.Л. Янин. М.: Юрид. лит., 1984. 432 с.
  24. Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / отв. ред. А.Д. Горский. М.: Юрид. лит., 1985. 520 с.
  25. Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 3. Акты Земских соборов / отв. ред. А.Г. Маньков. М.: Юрид. лит., 1985. 512 с.

26. Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма / отв. ред. Е.И. Индова. М.: Юрид. лит., 1987. 528 с.
27. Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 6. Законодательство первой половины XIX века / отв. ред. О.И. Чистяков. М.: Юрид. лит., 1988. 432 с.
28. Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Тексты / подготовка текстов Р.Б. Мюллер; под ред. Н.Е. Носова. Л.: Изд-во «Наука», ленинградское отделение, 1986. — (Серия: Законодательные памятники Русского централизованного государства XV – XVII веков). 264 с.
29. О борьбе с буржуазией и ее агентами, саботирующими дело продовольствия армии и препятствующими заключению мира: обращение СНК ко всем армейским организациям, военно-революционным комитетам, всем солдатам на фронте от 11 ноября 1917 г. // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917 – 1952 гг.) [сост. А.А. Герцензон] / под ред. и с предисл. И.Т. Голякова. М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1953. С. 13 – 14.
30. Положение о рабочем контроле: декрет СНК от 14 ноября 1917 г. // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917 – 1952 гг.) [сост. А.А. Герцензон] / под ред. и с предисл. И.Т. Голякова. М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1953. С. 14.
31. О взяточничестве: декрет СНК РСФСР от 8 мая 1918 г. // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917 – 1952 гг.) [сост. А.А. Герцензон] / под ред. и с предисл. И.Т. Голякова. М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1953. С. 25.
32. О спекуляции: декрет СНК РСФСР от 22 июля 1918 г. // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917 – 1952 гг.) [сост. А.А. Герцензон] / под ред. и с предисл. И.Т. Голякова. М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1953. С. 28 – 30.

33. Об усилении уголовной репрессии за перевозку помимо почтового ведомства писем, денег и маловесных посылок: постановление СНК от 19 сентября 1918 г. // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917 – 1952 гг.) [сост. А.А. Герцензон] / под ред. и с предисл. И.Т. Голякова. М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1953. С. 34.
34. О подсудности революционных трибуналов: постановление Кассационного отдела ВЦИК («Известия ВЦИК» 6 октября 1918 г.) // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917 – 1952 гг.) [сост. А.А. Герцензон] / под ред. и с предисл. И.Т. Голякова. М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1953. С. 35.
35. Об изъятиях из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении: декрет ВЦИК от 20 июня 1919 г. // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917 – 1952 гг.) [сост. А.А. Герцензон] / под ред. и с предисл. И.Т. Голякова. М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1953. С. 48 – 49.
36. Положение о полковых судах: декрет СНК от 10 июля 1919 г. // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917 – 1952 гг.) [сост. А.А. Герцензон] / под ред. и с предисл. И.Т. Голякова. М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1953. С. 49 – 50.
37. Об ответственности за незаконное награждение орденами и медалями СССР и нагрудными знаками, за присвоение орденов, медалей и нагрудных знаков и передачу их награжденными лицами другим лицам: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 мая 1943 г. // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917 – 1952 гг.) [сост. А.А. Герцензон] / под ред. и с предисл. И.Т. Голякова. М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1953. С. 422 – 423.
38. Руководящие начала по уголовному праву (Постановление НКЮ от 12 декабря 1919 г.) // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917 – 1952 гг.) [сост. А.А. Герцензон] / под ред. и с предисл. И.Т. Голякова. М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1953. С. 57 – 60.

39. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917 – 1952 гг.) [сост. А.А. Герцензон] / под ред. и с предисл. И.Т. Голякова. М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1953. С.116 – 143.
40. Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 года // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917 – 1952 гг.) [сост. А.А. Герцензон] / под ред. и с предисл. И.Т. Голякова. М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1953. С. 257 – 288.
41. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917 – 1952 гг.) [сост. А.А. Герцензон] / под ред. и с предисл. И.Т. Голякова. М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1953. 464 с.
42. Уголовный кодекс РСФСР. С постатейными материалами. М.: Юрид. лит., 1987. 464 с.
43. Основы уголовного законодательства Союза ССР и республик (приняты ВС СССР 2 июля 1991 г.) // Сборник справочной и методической юридической литературы. Вып. 1. Уголовный кодекс РСФСР / отв. за выпуск и обращение к читателям Ю.И. Бытко. Саратов: Саратов. филиал Всесоюзн. Юрид. фирмы «Контракт», 1992. С. 186 – 212.
44. Постановление Верховного Совета СССР «О введении в действие Основ уголовного законодательства Союза ССР и республик» (принято ВС СССР 2 июля 1991 г.) // Сборник справочной и методической юридической литературы. Вып. 1. Уголовный кодекс РСФСР / отв. за выпуск и обращение к читателям Ю.И. Бытко. Саратов: Саратов. филиал Всесоюзн. Юрид. фирмы «Контракт», 1992. С. 213 – 214.
45. Сборник справочной и методической юридической литературы. Вып. 1. Уголовный кодекс РСФСР / отв. за выпуск и обращение к читателям Ю.И. Бытко. Саратов: Саратов. филиал Всесоюзн. Юрид. фирмы «Контракт», 1992. 240 с.

1.2. Зарубежное законодательство

46. Закон об уголовном праве 1967 г. / Criminal Law Act 1967 // Уголовное законодательство зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии, Японии): сб. законодат. матер. / под ред. И.Д. Козочкина. М.: Изд-во «Зерцало», 2001. С. 14 – 16.
47. Закон об уголовном праве 1977 г. / Criminal Law Act 1977 // Уголовное законодательство зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии, Японии): сб. законодат. матер. / под ред. И.Д. Козочкина. М.: Изд-во «Зерцало», 2001. С. 16 – 18.
48. Закон об уголовно наказуемом покушении 1981 г. / Criminal Attempts Act 1981 // Уголовное законодательство зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии, Японии): сб. законодат. матер. / под ред. И.Д. Козочкина. М.: Изд-во «Зерцало», 2001. С. 18 – 20.
49. Закон об уголовной юстиции 1991 г. / Criminal Justice Act 1991 // Уголовное законодательство зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии, Японии): сб. законодат. матер. / под ред. И.Д. Козочкина. М.: Изд-во «Зерцало», 2001. С. 42 – 46.
50. Закон о преступлении (наказания) 1997 г. (Crime (Sentences) Act 1997) // Уголовное законодательство зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии, Японии): сб. законодат. матер. / под ред. И.Д. Козочкина. М.: Изд-во «Зерцало», 2001. С. 46 – 51.
51. Свод законов Соединенных Штатов Америки. Раздел 18 «Преступления и уголовный процесс» // Уголовное законодательство зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии, Японии): сб. законодат. матер. / под ред. И.Д. Козочкина. М.: Изд-во «Зерцало», 2001. С. 63 – 96.
52. Уголовный кодекс Австралии 1995 г. / науч. ред. и предисл. И.Д. Козочкина, Е.Н. Трикоз; пер. с англ. Е.Н. Трикоз. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2002. 388 с.
53. Уголовный кодекс Австрии / пер. с нем. А.В. Серебренниковой; науч. ред. Н.Е. Крылова. М.: ИКД «Зерцало-М», 2001. 144 с.

54. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики / науч. ред., предисл. И.М. Рагимова; пер. с азерб. Б.Э. Аббасова. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2001. 325 с.
55. Уголовный кодекс Аргентины / науч. ред. и вступ. ст. Ю.В. Голика; пер. с исп. Л.Д. Ройзенгурта. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. 240 с.
56. Уголовный кодекс Бельгии / науч. ред. и предисл. Н.И. Мацнева; пер. с фр. Г.И. Мачковского. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004. 561 с.
57. Уголовный кодекс Грузии / науч. ред. З.К. Бигвава; вступ. ст. В.И. Михайлова, обзорн. ст. О. Гамкрелидзе; пер. с груз. И. Мериджанашвили. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2002. 409 с.
58. Уголовный кодекс Дании / науч. ред. и предисл. С.С. Беляева; пер. с дат. и англ. С.С. Беляева, А.Н. Рычевой. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2001. 230 с.
59. Уголовный кодекс Испании / под ред. и с предисл. Н.Ф. Кузнецовой и Ф.М. Решетникова; пер. с исп. В.П. Зыряновой, Л.Г. Шнайдер. М.: Изд-во ЗЕРЦАЛО, 1998. 218 с.
60. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / под ред. А.И. Коробеева; пер. с кит. Д.В. Вичикова. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2001. 303 с.
61. Уголовный кодекс Латвийской Республики / науч. ред. и вступ. ст. А.И. Лукашова и Э.А. Саркисовой; пер. с латыш. А.И. Лукашова. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2001. 313 с.
62. Уголовный кодекс Литовской Республики / науч. ред. В. Павилониса; предисл. Н.И. Мацнева; вступ. ст. В. Павилониса, А. Абрамовичюса, А. Дракшене; пер. с лит. В.П. Казанскене. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. 470 с.
63. Уголовный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобрен Советом Республики 24 июня 1999 г. / предисл. Б.В.

- Волженкина; обзорн. ст. А.В. Баркова. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2001. 477 с.
64. Уголовный кодекс Республики Болгария / науч. ред. А.И. Лукашова; пер. с болг. Д.В. Милушева, А.И. Лукашова; вступ. ст. Й.И. Айдарова. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2001. 298 с.
65. Уголовный кодекс Республики Казахстан. Алматы: ЮРИСТ, 2005. 152 с.
66. Уголовный кодекс Республики Корея / науч. ред. и предисл. А.И. Коробеева; пер. с кор. В.В. Верхоляка. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004. 240 с.
67. Уголовный кодекс Республики Молдова / вступ. ст. А.И. Лукашова. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. 408 с.
68. Уголовный кодекс Республики Польша / науч. ред. А.И. Лукашов, Н.Ф. Кузнецова; вступ. ст. А.И. Лукашова, Э.А. Саркисовой; пер. с польск. Д.А. Барилевич. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2001. 234 с.
69. Уголовный кодекс Республики Таджикистан: принят Законом Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. «О принятии Уголовного кодекса Республики Таджикистан»: введен в действие 1 сент. 1998 г. Постановлением Парламента Таджикистана / предисл. А.В. Федорова. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2001. 410 с.
70. Уголовный кодекс Республики Узбекистан (с изм. и доп. на 15 июля 2001 г. / вступ. ст. М.Х. Рустамбаева, А.С. Якубова, З.Х. Гулямова. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2001. 338 с.
71. Уголовный кодекс Украины / науч. ред. и предисл. В.Я. Тация и В.В. Сташиса; пер. с укр. В.Ю. Гиленченко. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2001. 393 с.
72. Уголовный кодекс Франции / науч. ред. Л.В. Головкин, Н.Е. Крыловой; пер. с фр. и предисл. Н.Е. Крыловой. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2002. 650 с.
73. Уголовный кодекс ФРГ / пер. с нем. и предисл. А.В. Серебренниковой. М.: ИКД «Зерцало – М», 2001. 208 с.

74. Уголовный кодекс штата Нью-Йорк. (Извлечения) // Малиновский А.А. Уголовное право зарубежных государств: учеб. пособие. М.: Новый Юрист, 1998. С. 108 – 114.
75. Уголовный кодекс штата Нью-Йорк. Глава 40 Свода законов штата. Общая часть (по состоянию на 1996 год) // Уголовное законодательство зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии, Японии): сб. законодат. матер. / под ред. И.Д. Козочкина. М.: Изд-во «Зерцало», 2001. С. 97 – 186.
76. Уголовный кодекс Эстонской Республики / науч. ред. и пер. с эст. В.В. Запелалова; вступит. ст. Н.И. Мацнева. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2001. 262 с.
77. Уголовный кодекс Японии / науч. ред. и предисл. А.И. Коробеева. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2002. 226 с.
78. Постановление Верховного Совета Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. «О порядке введения в действие Уголовного кодекса Республики Узбекистан и Уголовно-процессуального кодекса Республики Узбекистан // Уголовный кодекс Республики Узбекистан (с изм. и доп. на 15 июля 2001 г. / вступ. ст. М.Х. Рустамбаева, А.С. Якубова, З.Х. Гулямова. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2001. С. 326 – 330.
79. Уголовное законодательство зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии, Японии): сб. законодат. матер. / под ред. И.Д. Козочкина. М.: Изд-во «Зерцало», 2001. 352 с.
80. Уголовное право буржуазных стран. Общая часть: сб. законодат. актов / под ред. А.Н. Игнатова и И.Д. Козочкина. М.: Изд-во УДН, 1990. 312 с.
81. Уголовное право Соединенных Штатов Америки: сб. нормативных актов / сост., отв. ред. и автор вступ. ст. И.Д. Козочкин. М.: Изд-во УДН, 1985. 160 с.

II. Монографическая и учебная литература

82. Абилгазин, Г.-Г.С. Уголовное право Республики Казахстан. Общая часть: учебник-конспект [Текст] / Г.-Г.С. Абилгазин, Г.М. Байзакова, А.Б. Бекма-

- гамбетов, П.В. Волошин, И.В. Корзун / под ред. И.В. Корзуна. Костанай: Изд-во ОФППИ «Интерлигал», ГОУ ВПО «Челябинский гос. ун-т», 2011. — (Правовая реформа в Казахстане). 324 с.
83. Августин, А. Исповедь [Текст] / А. Августин / пер. с лат. М.Е. Сергеевко; вступ. ст. А.А. Столярова. М.: «Ренессанс», 1991. — (Памятники религиозно-философской мысли). 488 с.
84. Антология мировой философии. В 4-х т. Т. 3. Буржуазная философия конца XVIII в. – первых двух третей XIX в. [Текст] / ред.-сост.; авт. вступ. ст. Н.С. Нарский. М.: «Мысль», 1971. — (Философское наследие). 760 с.
85. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории [Текст] / Аристотель. Мн.: Литература, 1998. — (Классическая философская мысль). 1392 с.
86. Бернер, А.Ф. Учебник уголовного права (части общая и особенная) [Текст] / А.Ф. Бернер / с пер., прим., прилож. и доп. по истории русского права и законодательству положительному Магистра Угол. Пр. Н. Неклюдова. Т. 1. Часть общая / изд. Н. Неклюдова. СПб., 1865. 916 с.
87. Благов, Е.В. Актуальные проблемы уголовного права (Общая часть): учеб. пособие [Текст] / Е.В. Благов. Ярославль: ЯрГУ, 2008. 303 с.
88. Блинов, А.Г. Уголовно-правовая охрана пациента в международном и зарубежном законодательстве [Текст] / А.Г. Блинов / под ред. Б.Т. Разгильдиева. М.: Юрлитинформ, 2010. 168 с.
89. Бородин, С.В. Преступления против жизни [Текст] / С.В. Бородин. М.: Юристъ, 2000. — (Библиотека следователя). 356 с.
90. Векленко, С.В. Уголовно-правовая оценка субъективной стороны состава преступления: учеб. пособие [Текст] / С.В. Векленко, М.В. Бавсун. Омск: Омская академия МВД России, 2006. 103 с.
91. Верина, Г.В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности: проблемы теории и практики [Текст] / Г.В. Верина / под ред. Б.Т. Разгильдиева. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003. 336 с.

92. Владимирский-Буданов, М.Ф. Обзор истории русского права [Текст] / М.Ф. Владимирский-Буданов. Изд. 5-е, книгопродавца Н.Я. Оглоблина. СПб.; Киев: Лито-тип. Тов-ва И.Н. Кушнерев и К^о, 1907. 694 с.
93. Волков, Б.С. Проблема воли и уголовная ответственность [Текст] / Б.С. Волков. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1965. 136 с.
94. Галиакбаров, Р.Р. Уголовное право. Общая часть: учебник [Текст] / Р.Р. Галиакбаров. Краснодар: Кубанский гос. аграрный ун-т, 1999. 448 с.
95. Гегель, Г.В.Ф. Философия права [Текст] / Г.В.Ф. Гегель / ред. и сост. Д.А. Керимов, В.С. Нерсисянц; авт. вступ. ст. и примеч. В.С. Нерсисянц; пер. с нем. Б.Г. Столпнера, М.И. Левиной. М.: Мысль, 1990. — (Философское наследие). Т. 113. 524 с.
96. Горбачев, В.Г. История философии. Краткий курс лекций: учеб. пособие [Текст] / В.Г. Горбачев. 2-е изд., перераб. и доп. Брянск: «Курсив». 1998. 336 с.
97. Горелик, И.И. Ответственность за поставление в опасность по советскому уголовному праву [Текст] / И.И. Горелик. Минск: Вышэйш. Школа, 1964. 192 с.
98. Губман, Б.Л. Современная католическая философия: человек и история: учеб. пособие [Текст] / Б.Л. Губман. М.: Высш. шк., 1988. 190 с.
99. Давид, Р. Основные правовые системы современности [Текст] / Р. Давид / пер. с фр. и вступ. ст. В.А. Туманова. М.: Прогресс, 1988. 496 с.
100. Давид, Р. Основные правовые системы современности [Текст] / Р. Давид, К. Жоффре-Спинози / пер. с фр. В.А. Туманова. М.: Междунар. отношения, 1998. 400 с.
101. Дагель, П.С. Субъективная сторона преступления и ее установление [Текст] / П.С. Дагель, Д.П. Котов. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1974. 243 с.
102. Дагель, П.С. Установление субъективной стороны преступления: учеб. пособие [Текст] / П.С. Дагель, Р.И. Михеев. Владивосток: Ред.-изд. совет ДГУ, 1972. 36 с.

103. Даурова, Т.Г. Уголовное право: история и современность (вопросы Общей части): учеб. пособие [Текст] / Т.Г. Даурова, И.С. Алихаджиева, О.А. Лиценбергер, Е.Ю. Сергеева / под ред. Т.Г. Дауровой. 2-е изд., испр. и доп. Саратов: Поволж. Академия гос. службы им. П.А. Столыпина, 2009. — (Сер.: Российское право). 272 с.
104. Дриль, Д.А. Учение о преступности и мерах борьбы с нею [Текст] / Д.А. Дриль / с прилож. портр. авт. И ст. М. Слобожанина, акад. А.Ф. Кони, проф. Максима Ковалевского и акад. В.М. Бехтерова. СПб.: Изд-во «Шиповникъ», 1912. XXI; 568 с.
105. Есипов, В.В. Очерк русского уголовного права. Часть Общая: преступление и преступники. Наказание и наказуемые [Текст] / В.В. Есипов. СПб.: Тип. Н.В. Васильева, 1898. 400 с.
106. Жалинский, А. Введение в немецкое право [Текст] / А. Жалинский, А. Рерихт. М.: Спарк, 2001. 767 с.
107. Западная философия XIX в.: учебник [Текст] / В.В. Васильев, Е.А. Войниканис, А.Ф. Грязнов и др.; под ред. А.Ф. Зотова. М.: Высш. шк., 2005. 519 с.
108. Злобин, Г.А. Умысел и его формы [Текст] / Г.А. Злобин, Б.С. Никифоров. М.: «Юрид. лит-ра», 1972. 264 с.
109. Ильин, И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека [Текст] / И.А. Ильин. СПб.: Наука, 1994. — (Слово о сущем). 542 с.
110. Кант И. Из рукописного наследия (материалы к «Критике чистого разума», *Opus postumum*) [Текст] / И. Кант. М.: Прогресс – Традиция, 2000. 752 с.
111. Кибальник, А.Г. Основные положения Общей части уголовного права зарубежных государств [Текст] / А.Г. Кибальник. М.: Илекса, 2008. — (Серия: Борьба с преступностью: вчера, сегодня, завтра). 128 с.
112. Киселев, А.Д. Психологическое основание уголовной ответственности [Текст] / А.Д. Киселев. Харьков: Типо-Литография «Печатное Дело», 1903. 312 с.

113. Кистяковский, А.Ф. Элементарный учебник Общего уголовного права с подробным изложением Начал Русского Уголовного Законодательства. Часть Общая [Текст] / А.Ф. Кистяковский. 2-е изд., испр. и значит. доп. Киев: Тип. И. и А. Давиденко, 1882. 930 с.
114. Клюканова, Т.М. Уголовное право зарубежных стран: Германия, Франция, Финляндия. Общая часть [Текст] / Т.М. Клюканова. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1996. 64 с.
115. Козлов, А.П. Уголовная ответственность и формы реализации [Текст] / А.П. Козлов. Красноярск: Изд-во Красноярского гос. аграрного ун-та, 2013. 620 с.
116. Косвен, М. Преступление и наказание в догосударственном обществе [Текст] / М. Косвен. М.; Л.: Гос. изд-во, 1925. 140 с.
117. Красиков, А.Н. Ответственность за убийство по российскому уголовному праву [Текст] / А.Н. Красиков. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. 124 с.
118. Красиков, А.Н. Преступления против личности: учеб. пособие для студентов учеб. заведений юрид. профиля [Текст] / А.Н. Красиков. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. 342 с.
119. Красиков, А.Н. Преступления против права человека на жизнь: в аспектах *de lege lata* и *de lege ferenda* [Текст] / А.Н. Красиков. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. 220 с.
120. Крахоткин, Ф.А. Учение о государстве и праве Фридриха Ницше [Текст] / Ф.А. Крахоткин. М.: Спецкнига, 2008. 192 с.
121. Крылова, Н.Е. Уголовное право зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии): учеб. пособие [Текст] / Н.Е. Крылова, А.В. Серебренникова. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Изд-во «Зерцало», 1998. 208 с.
122. Кузнецова, Н. Уголовное право ФРГ [Текст] / Н. Кузнецова, Л. Вельцель. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. 214 с.
123. Курс советского уголовного права (Часть Общая) Т. 1. [Текст] / отв. ред.: Н.А. Беляев, М.Д. Шаргородский. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1968. 647 с.

124. Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1. Учение о преступлении [Текст] / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М.: Изд-во ЗЕРЦАЛО, 1999. 592 с.
125. Лекшас, И. Вина как субъективная сторона преступного деяния [Текст] / И. Лекшас / пер. с нем. С.Л. Либермана; под ред. и с предисл. А.А. Пионтовского. М.: Госюриздат, 1958. 88 с.
126. Лунеев, В.В. Субъективное вменение [Текст] / В.В. Лунеев. М.: Спарк, 2000. 70 с.
127. Макиавелли, Н. Государь. Сочинения исторические и политические. Сочинения художественные: сборник [Текст] / Н. Макиавелли / пер. с итал. Г. Муравьевой, Н. Томашевского, Е. Солоновича и др.; примеч. М. Андреева, Р. Светлова. М.: Эксмо, 2009. — (Зарубежная классика). 512 с.
128. Макашвили, В.Г. Уголовная ответственность за неосторожность [Текст] / В.Г. Макашвили. М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1957. 211 с.
129. Малиновский, А.А. Сравнительное правоведение в сфере уголовного права [Текст] / А.А. Малиновский. М.: Междунар. отношения, 2002. 376 с.
130. Малиновский, А.А. Уголовное право зарубежных государств: учеб. пособие [Текст] / А.А. Малиновский. М.: Новый Юрист, 1998. 128 с.
131. Маньковский, Б.С. Проблема ответственности в уголовном праве [Текст] / Б.С. Маньковский. М.; Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1949. 124 с.
132. Материалисты Древней Греции: собрание текстов Демокрита, Гераклита, Эпикура [Текст] / Демокрит, Гераклит, Эпикур. М.: Политическая лит-ра, 1955. 238 с.
133. Мелешко, Н.П. Уголовно-правовые системы России и зарубежных стран (криминологические проблемы сравнительного правоведения, теории, законодательная и правоприменительная практика) [Текст] / Н.П. Мелешко, Е.Г. Тарло. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2003. 304 с.
134. Назаренко, Г.В. Вина в уголовном праве [Текст] / Г.В. Назаренко. Орел: [Б. и.], 1996. 96 с.

135. Наумов, А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций [Текст] / А.В. Наумов. М.: Изд-во БЕК, 1996. 560 с.
136. Наумов А.В. Российское уголовное право: курс лекций. В 3-х т. Т. 1. Общая часть [Текст] / А.В. Наумов. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2008. 736 с.
137. Начальные основания уголовного права: сочинение Профессора Ивана Неймана [Текст] / И. Нейман. СПб.: Тип. И. Иоаннесова, 1814. 79 с.
138. Невважай, И.Д. История и философия науки: учеб. пособие: в 2-х ч. Ч. 1: Общие проблемы философии науки [Текст] / И.Д. Невважай. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Сарат. гос. академия права», 2008. 240 с.
139. Невважай И.Д. История и философия науки: учеб. пособие: в 2-х ч. Ч. 2: Философские проблемы социально-гуманитарных (юридических) наук [Текст] / И.Д. Невважай. Саратов: Изд-во ФГБОУ ВПО «Сарат. гос. юрид. академия», 2012. 276 с.
140. Невважай И.Д. Свобода и знание [Текст] / И.Д. Невважай. Саратов: Ред.-издат. отдел Сарат. гос. академии права, 1995. 204 с.
141. Недопекина, Т.Б. Преступное легкомыслие: вопросы законодательного регулирования, проблемы теории и практики [Текст] / Т.Б. Недопекина / под ред. Г.В. Вериной. М.: Юрлитинформ, 2011. 176 с.
142. Нерсесянц, В.С. Философия права: учебник для вузов [Текст] / В.С. Нерсесянц. М.: Издат. группа ИНФРА-М — НОРМА, 1997. 652 с.
143. Нерсесянц, В.С. Сократ [Текст] / В.С. Нерсесянц. М.: Изд. группа «ИНФРА-М» Норма, 1996. 306 с.
144. Нерсесянц, В.С. Платон [Текст] / В.С. Нерсесянц. 2-е изд., стер. М.: НОРМА ИНФРА-М, 2012. 111 с.
145. Ницше, Ф. По ту сторону добра и зла. Сочинения [Текст] / Ф. Ницше. М.: Изд-во Эксмо; Харьков: Изд-во Фолио, 2006. — (Антология мысли). 848 с.
146. Общая часть уголовного права (конспект) Магистра прав Н.А. Неклюдова [Текст] / Н.А. Неклюдов / изд. «Русской книжной торговли». СПб.: Тип. П.П. Меркульева, 1875. 192 с.

147. Общие начала теории и законодательств о преступлениях и наказаниях: соч. Императорского Московского Университета Ординарного Профессора, Доктора Прав Сергия Баршева. В 2-х разд. [Текст] / С. Баршев. М.: В Университет. Тип., 1841. 250 с.
148. Пионтковский, А.А. Советское уголовное право. Т. 1. Общая часть [Текст] / А.А. Пионтковский. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., Л.: Госиздат, 1928. 316 с.
149. Платон. Законы [Текст] / Платон / пер. с древнегреч.; общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи; авт. ст. в примеч. А.Ф. Лосев; примеч. А.А. Тахо-Годи. М.: Изд-во «Мысль», 1999. — (Классическая философская мысль). 832 с.
150. Познышев, С.В. Учебник уголовного права. Очерк основных начал общей и особенной части науки уголовного права. Общая часть [Текст] / С.В. Познышев. М.: Юрид. изд-во Наркомюста, 1923. 280 с.
151. Преступление и наказание в Англии, США, Франции, ФРГ, Японии: Общая часть уголовного права [Текст] / отв. ред. Н.Ф. Кузнецова. М.: Юрид. лит., 1991. 288 с.
152. Пусторослев, П.П. Из лекций по Особенной части русского уголовного права [Текст] / П.П. Пусторослев. Вып. I. Юрьевъ: Тип. К. Маттисена, 1908. 328 с.
153. Рарог, А.И. Вина и квалификация преступлений: учеб. пособие [Текст] / А.И. Рарог. М.: РИО ВЮЗИ, 1982. 64 с.
154. Рарог, А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам [Текст] / А.И. Рарог. СПб.: Изд-во «Юрид. центр Пресс», 2003. 304 с.
155. Рарог, А.И. Общая теория вины в уголовном праве: учеб. пособие [Текст] / А.И. Рарог. М.: РИО ВЮЗИ, 1980. 92 с.
156. Росси. Основные начала уголовного права [Текст] / Росси / пер. с фр. Г. Козополянского. Вып. I, II. СПб.: Тип. Юлиуса Андр. Бокрама, 1871. 619 с.

157. Российское уголовное право, изложенное Гавриилом Солнцевым. (Казань 1820) [Текст] / Г.И. Солнцев / под ред. и с вступ. ст. о Г.И. Солнцева Г.С. Фельдштейна. Ярославль: [Б. и.], 1907. LXXXI; 218 с.
158. Сергеева, Т.Л. Вопросы виновности и вины в практике Верховного Суда СССР по уголовным делам [Текст] / Т.Л. Сергеева. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. 184 с.
159. Сергеевский, Н.Д. Русское уголовное право: пособие к лекциям. Часть Общая [Текст] / Н.Д. Сергеевский. 7-е изд. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1908. 385 с.
160. Сергеевский, Н.Д. Русское уголовное право: пособие к лекциям. Часть общая [Текст] / Н.Д. Сергеевский / под ред. С.Н. Трегубова. 11-е изд.; испр. и доп. Петроград: Тип. М.М. Стасюлевича, 1915. 395 с.
161. Советское уголовное право. Общая часть [Текст] / под общей ред. В.М. Чхиквадзе. М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1959. 464 с.
162. Сумерки богов [Текст] / сост. и общ. ред. А.А. Яковлева. М.: Политиздат, 1989. 398 с.
163. Таганцев, Н.С. Русское уголовное право. Часть Общая: лекции. Т. 1 [Текст] / Н.С. Таганцев. Изд. 2-е, пересм. и доп. СПб.: Гос. Тип., 1902. 823 с.
164. Тардь, Г. Преступник и преступление [Текст] / Г. Тардь / пер. Е.В. Выставкиной; под ред. М.Н. Гернета, с предисл. Н.Н. Полянского. М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1906. XX; 326 с.
165. Тихонов, К.Ф. Субъективная сторона преступления. Проблема социального содержания вины в советском уголовном праве [Текст] / К.Ф. Тихонов. Саратов: Приволжское книжное изд-во, 1967. 104 с.
166. Третьяков, Н.Ф. Философия человека и общества: пятнадцать очерков по социальной философии и философской антропологии [Текст] / Н.Ф. Третьяков. Омск: Изд-во «Наследие» АО «Диалог-Сибирь», 1997. 280 с.
167. Уголовное законодательство России и стран АТР: компаративное исследование: монография [Текст] / колл. авт.; отв. ред. А.И. Коробеев. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. — (Серия «Монографии»). 272 с.

168. Уголовное право зарубежных государств. Общая часть: учеб. пособие [Текст] / под ред. и с предисл. И.Д. Козочкина. М.: Омега-Л, Ин-т международ. права и экономики им. А.С. Грибоедова, 2003. 568 с.
169. Уголовное право: история юридической науки [Текст] / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М.: Изд-во «Наука», 1978. 312 с.
170. Уголовное право. Общая часть: курс лекций ординарного профессора Г.Е. Колоколова, составленный студентами Императорского Московского Ун-та [Текст] / Г.Е. Колоколов. М.: Типо-Лит. Келлерь, 1899 – 1900. 446 с. Дополнения к Общей и Особенной части на 11 с.
171. Уголовное право России: курс лекций: в 6 т. / под ред. Б.Т. Разгильдиева. Т. 2 [Текст]. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Сарат. гос. академия права», 2008. 648 с.
172. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник [Текст] / под ред. Р.Р. Галиакбарова. Саратов: Сарат. гос. академия права, Сарат. высш. школа МВД РФ, 1997. 432 с.
173. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: курс лекций [Текст] / А.И. Рарог, Г.А. Есаков, А.И. Чучаев, В.П. Степалин / под ред. А.И. Рарога. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2011. 496 с.
174. Угрехелидзе, М.Г. Проблема неосторожной вины в уголовном праве [Текст] / М.Г. Угрехелидзе. Тбилиси: Мецниереба, 1976. 132 с.
175. Утевский, Б.С. Вина в советском уголовном праве [Текст] / Б.С. Утевский. М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1950. 319 с.
176. Учебник уголовного права, составленный В. Спасовичем. Т. I (вып. 1, 2) [Текст] / В. Спасович. СПб.: В тип. Иосафата Огризко, 1863. 430 с.
177. Учебник уголовного права профессора П.Д. Калмыкова, изданный А. Любавским. Часть Общая. Часть Особенная [Текст] / П.Д. Калмыков. СПб.: Тип. Тов-ва «Общественная Польза», 1866. 535 с.
178. Фельдштейн, Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России [Текст] / Г.С. Фельдштейн. Ярославль: Тип. Губернского Правления, 1909. 668 с.

179. Фельдштейн, Г.С. Психологическія основы и юридическая конструкція формъ виновности въ уголовномъ правѣ. Постановленія Моисеева и римскаго права: изслѣдованіе [Текст] / Г.С. Фельдштейн. М.: Т-во типо-лит. В. Чичерин въ Москвѣ, 1903. 569 с.
180. Фельдштейн, Г.С. Учение о формах виновности в уголовном праве: исследование [Текст] / Г.С. Фельдштейн. М.: Тип. Т-ва В. Чичерин, 1902. XII, 571 с.
181. Флетчер, Дж. Основные концепции современного уголовного права [Текст] / Дж. Флетчер, А.В. Наумов. М.: Юристъ, 1998. 512 с.
182. Фойницкий, И.Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением [Текст] / И.Я. Фойницкий. М.: Добросвет-2000; Городец, 2000. 464 с.
183. Фонъ Резон, А. О преступлениях, наказуемых только по жалобе потерпевшего по русскому праву: сочинение [Текст] / А. фон Резон. СПб.: Тип. Правительствующаго Сената, 1882. 254 с.
184. Хорнабуджели, Б. Психологическая сторона вины [Текст] / Б. Хорнабуджели. Тбилиси: Изд-во «Ганатлеба», 1981. 108 с.
185. Христианское учение о преступлении и наказании [Текст] / науч. ред. К.В. Харабет, А.А. Толкаченко. М.: Норма, 2009. 336 с.
186. Шопенгауэр, А. Афоризмы житейской мудрости [Текст] / А. Шопенгауэр / пер. с нем. М.: Эксмо, 2015. — (Золотая библиотека мудрости). 640 с.
187. Щепельков, В.Ф. Уголовный закон: преодоление противоречий и неполноты [Текст] / В.Ф. Щепельков. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2003. 416 с.
188. Юридическая энциклопедія Ренненкампа Н.К., проф. ун-та. Св. Владимира [Текст] / Н.К. Ренненкампа. Изд. 4-е, книжн. Магазины Н.Я. Оглоблина. СПб.; Кіевъ: Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о в Кіевѣ, 1913. 297 с.
189. Якушин, В.А. Субъективное вменение и его значение в уголовном праве [Текст] / В.А. Якушин. Тольятти: ТолПИ, 1998. 296 с.

III. Научные статьи и другие научные публикации

190. Бабаев, М.М. Принципы уголовного права и основания его устойчивого развития [Текст] / М.М. Бабаев, Ю.Е. Пудовочкин // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 1. С. 5 – 16.
191. Бытко, Ю.И. Понятия «вина» и «виновность» в нормах УК и УПК РФ [Текст] / Ю.И. Бытко // Известия высших учебных заведений. Правоведение. Научно-теоретический журнал. 2011. № 2 (295). С. 71 – 74.
192. Векленко, С.В. Значение категорий диалектики для познания вины в уголовном праве [Текст] / С.В. Векленко // Научный вестник Омской академии МВД России. 2008. № 2 (29). С. 44 – 48.
193. Верина, Г.В. Концептуальные основы современного российского уголовного законодательства: противоречия и пути их преодоления [Текст] / Г.В. Верина // Вестник Саратовской государственной академии права. 2006. № 6⁽⁵²⁾. С. 101 – 105.
194. Верина, Г.В. Субъективная сторона преступления [Текст] / Г.В. Верина // Уголовное право России: курс лекций: в 6 т. / под ред. Б.Т. Разгильдиева. Т. 2. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Сарат. гос. академия права», 2008. С. 321 – 378.
195. Гарбатович, Д. Природа вины при превышении пределов необходимой обороны [Текст] / Д. Гарбатович // Уголовное право. 2006. № 3. С. 18 – 20.
196. Голик, Ю.А. Вступительная статья [Текст] / Ю.А. Голик // Уголовный кодекс Аргентины / науч. ред. и вступ. ст. Ю.В. Голика; пер. с исп. Л.Д. Ройзенгурта. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. С. 14 – 25.
197. Козочкин, И.Д. Предисловие [Текст] / И.Д. Козочкин // Уголовное законодательство зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии, Японии): сб. законодат. матер. / под ред. И.Д. Козочкина. М.: Изд-во «Зерцало», 2001. С. 1 – 2.
198. Коробеев, А.И. Предисловие [Текст] / А.И. Коробеев // Уголовный кодекс Японии / науч. ред. и предисл. А.И. Коробеева. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2002. С. 7 – 25.

199. Кузнецова, Н.Ф. Историко-сравнительный анализ уголовно-правовых отраслей науки, законодательства и правоприменения [Текст] / Н.Ф. Кузнецова // Российский криминологический взгляд. 2008. № 1 (13). С. 124 – 130.
200. Макиавелли, Н. О том, как надлежит поступать с восставшими жителями Вальдикьяны [Текст] / Н. Макиавелли // Макиавелли Н. Государь: сочинения исторические и политические. Сочинения художественные: сб. / пер. с итал. Г. Муравьевой, Н. Томашевского, Е. Солоновича и др.; примеч. М. Андреева, Р. Светлова. М.: Эксмо, 2009. — (Зарубежная классика). С. 7 – 10.
201. Марцев, А.И. О вине и виновности в уголовном праве [Текст] / А.И. Марцев // Предмет уголовного права и его роль в формировании уголовного законодательства Российской Федерации: науч.-практ. конф., посвящ. памяти проф. А.Н. Красикова (25 – 26 апреля 2002 г.) / отв. ред. Б.Т. Разгильдиев. Саратов: Изд-во СГАП, 2002. С. 19 – 20.
202. Найбойченко, В.В. Умысел в преступлениях: закон, теория и судебная практика [Текст] / В.В. Найбойченко // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 5 (106). С. 161 – 165.
203. Наумов, А.В. К 165-летию со дня рождения Николая Степановича Таганцева (1843 – 1923) [Текст] / А.В. Наумов // Российский криминологический взгляд. 2008. № 1 (13). С. 23 – 32.
204. Ной, И.С. Новое в трактовке основных уголовно-правовых понятий [Текст] / И.С. Ной // Советское государство и право. 1982. № 7. С. 91 – 99.
205. Петин, И.А. Концептуальная модель Общей части Криминального кодекса России [Текст] / И.А. Петин // Библиотека криминалиста. 2013. № 2 (7). С. 291 – 315.
206. Разгильдиев, Б.Т. Раздел I. Преступление по уголовному праву России и его категории [Текст] / Б.Т. Разгильдиев // Уголовное право России: курс лекций: в 6 т. / под ред. Б.Т. Разгильдиева. Т. 2. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Сарат. гос. академия права», 2008. С. 3 – 155.

207. Рарог, А.И. Учение о вине в современной российской науке уголовного права: состояние и перспективы развития [Текст] / А.И. Рарог // Российский криминологический взгляд. 2009. № 4 (20). С. 216 – 220.
208. Редколлегия журнала, Даурова, Т.Г. Ной Иосиф Соломонович: Человек, Ученый, Гражданин (к 85-летию со дня рождения) [Текст] / Редколлегия журнала, Т.Г. Даурова // Российский криминологический взгляд. 2008. № 1 (13). С. 35 – 48.
209. Сартр, Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм [Текст] / Ж.-П. Сартр // Сумерки богов / сост. и общ. ред. А.А. Яковлева. М.: Политиздат, 1989. С. 319 – 344.
210. Складов, С. Проблемы определения понятия вины в уголовном праве России [Текст] / С. Складов // Уголовное право. 2003. № 2. С. 71 – 74 .
211. Уголовное право Англии. Характеристика источников уголовного права Англии [Текст] // Уголовное право буржуазных стран. Общая часть: сб. законодат. актов / под ред. А.Н. Игнатова и И.Д. Козочкина. М.: Изд-во УДН, 1990. С. 6 – 16.
212. Филимонов, В. Теоретические проблемы учения о вине в уголовном праве [Текст] / В. Филимонов // Уголовное право. 2004. № 3. С. 69 – 71.
213. Шопенгауэр, А. Мир как воля и представление [Текст] / А. Шопенгауэр // Шопенгауэр, А. Афоризмы житейской мудрости / пер. с нем. М.: Эксмо, 2015. — (Золотая библиотека мудрости). С. 193 – 637.

IV. Диссертации и авторефераты диссертаций

214. Верина, Г.В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности: проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук [Текст] / Г.В. Верина. Саратов, 2003. 510 с.
215. Верина, Г.В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук [Текст] / Г.В. Верина. Саратов, 2003. 54 с.

216. Волженкин, Б.В. Общественная опасность преступника и ее значение для уголовной ответственности и наказания по советскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Б.В. Волженкин. Л., 1964 // Российский криминологический взгляд. 2008. № 1 (13). С. 80 – 90.
217. Галинская, Б.Э. Форма вины в советском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Б.Э. Галинская. Л., 1951. 19 с.
218. Гребенюк, А.В. Вина в российском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / А.В. Гребенюк. Ростов н/Д., 2004. 26 с.
219. Гарбатович, Д.А. Квалификация уголовно-правовых деяний по субъективной стороне: автореф. дис. канд. ... юрид. наук [Текст] / Д.А. Гарбатович. Челябинск, 2004. 27 с.
220. Демидов, Ю.А. Умысел и его виды по советскому уголовному праву: автореф. дис. канд. ... юрид. наук [Текст] / Ю.А. Демидов. М., 1964. 16 с.
221. Дженкова, Е.А. Концепты «стыд» и «вина» в русской и немецкой лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Е.А. Дженкова. Волгоград, 2005. 35 с.
222. Дубовиченко, С.В. Интеллектуальные моменты умышленной формы вины: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / С.В. Дубовиченко. Казань, 2007. 21 с.
223. Микадзе, А.Г. Социально-политическая сущность вины в советском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / А.Г. Микадзе. М., 1976. 22 с.
224. Михеев, Р.И. Проблемы вменяемости, вины и уголовной ответственности (теория и практика): дис. ... д-ра юрид. наук в форме научного доклада по совокупности опубликованных работ, выполняющего также функции автореферата [Текст] / Р.И. Михеев. М., 1995. 70 с.
225. Морозов, Н.А. Преступность и борьба с ней в современной Японии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Н.А. Морозов. Владивосток, 2000. 27 с.

226. Недопекина, Т.Б. Преступное легкомыслие (вопросы законодательного регулирования, теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Т.Б. Недопекина. Саратов, 2010. 219 с.
227. Недопекина, Т.Б. Преступное легкомыслие (вопросы законодательного регулирования, теории и практики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Т.Б. Недопекина. Саратов, 2010. 27 с.
228. Нерсисян, В.А. Ответственность за неосторожные преступления: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук [Текст] / В.А. Нерсисян. М., 2006. 48 с.
229. Паньков, И.В. Умышленная вина по российскому уголовному праву: теоретический и нормативный аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / И.В. Паньков. СПб., 2010. 25 с.
230. Потапов, Д.П. Содержание интеллектуального момента умышленной вины: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Д.П. Потапов. Волгоград, 1992. 25 с.
231. Склярков, С.В. Вина и мотивы преступного поведения как основание дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук [Текст] / С.В. Склярков. М., 2004. 45 с.
232. Солодков, И.А. Общественная опасность преступления и ее уголовно-правовое измерение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / И.А. Солодков. Саратов, 2013. 25 с.
233. Чанышев, Д.А. Вопросы дифференциации вины в российском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Д.А. Чанышев. Владивосток, 2009. 27 с.
234. Ширяев, А.Ю. Предметное содержание вины в преступлениях с формальным составом: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / А.Ю. Ширяев. Екатеринбург, 2013. 30 с.
235. Язовских, Ю.А. Проблемы вменения в российском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Ю.А. Язовских. Екатеринбург, 1998. 23 с.

V. Словари, справочники

236. Решетников, Ф.М. Правовые системы стран мира: справочник [Текст] / Ф.М. Решетников. М.: Юрид. лит-ра, 1993. 256 с.
237. Философия: энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина [Текст]. М.: Гардарики, 2004. 1072 с.
238. Философский словарь / ред. И.Т. Фролов [Текст]. 5-е изд. М.: Политиздат, 1975. 590 с.

VI. Интернет и электронные ресурсы

239. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.; с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ и № 7-ФКЗ, 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399 (даты обращения: 16.01.15, 26.06.2016).
240. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая 1996 г. (в ред. от 5 апреля 2013 г.) [Электронный ресурс]. URL: // <http://www.consultant.ru/popular/ukrf/> (дата обращения: 14.05.2013).
241. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая 1996 г. (в ред. от 2 ноября 2013 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/popular/ukrf/> (дата обращения: 26.11.2013).
242. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая 1996 г. (в ред. от 5 мая 2014 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/popular/ukrf/> (дата обращения: 06.06.2014).
243. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая 1996 г. (в ред. от 21 июля 2014 г.) [Электронный ресурс]. URL:

http://www.consultant.ru/popular/ukrf/10_1.html#p67 (дата обращения: 24.09.2014).

244. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая 1996 г. (в ред. от 3 февраля 2015 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/popular/ukrf> (дата обращения: 07.02.2015).
245. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая 1996 г. (в ред. от 29 июня 2015 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/popular/ukrf> (дата обращения: 23.08.2015).
246. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая 1996 г. (в ред. от 23 июня 2016 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 (дата обращения: 30.06.2016).
247. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая 1996 г. (в ред. от 6 июля 2016 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 (дата обращения: 27.07.2016).
248. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V (с изм. и доп. по состоянию на 24 ноября 2015 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 04.02.16).
249. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 июля 2015 г. № 37 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проектов федеральных законов «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности»

сти» и «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности”» [Электронный ресурс] // Сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: <http://www.vsrp.ru/>; <http://supcourt.ru/second.php> (дата обращения: 02.08.2015).

250. Проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности»: внесен на рассмотрение в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации Верховным Судом Российской Федерации в соответствии с Постановлением от 31 июля 2015 г. № 37 [Электронный ресурс] // Сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: <http://www.vsrp.ru/>; <http://supcourt.ru/second.php> (дата обращения: 02.08.2015).
251. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» [Электронный ресурс] // Сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: <http://www.vsrp.ru/>; <http://supcourt.ru/second.php> (дата обращения: 02.08.2015).
252. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации (проект) [Электронный ресурс] // Сайт Общественной палаты Российской Федерации. URL: <http://www.oprf.ru/discussions/newsitem/17889?offset=1> (дата обращения: 02.08.2015).

VII. Материалы правоприменительной практики и официальной статистики

253. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» (в ред. от 6 февраля 2007 г., 3 апреля 2008 г., 3 декабря 2009 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1999, № 3; 2007, № 5; 2008, № 6; 2010, № 2.
254. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 (с изм. и доп. от 6 февраля 2007 г. и 23 декабря 2010 г.) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2003, № 2; 2007, № 5; 2011, № 2.
255. Состояние преступности в России за январь — декабрь 2013 года [Электронный ресурс]. URL: https://mvd.ru/upload/site1/document_file/H8NgnfdiEу.pdf (дата обращения: 10.02.2015).
256. Состояние преступности в России за январь — декабрь 2014 года [Электронный ресурс]. URL: https://mvd.ru/upload/site1/document_file/pxOrdPt4BF.pdf (дата обращения: 10.02.2015).
257. Состояние преступности в России за январь — декабрь 2015 года [Электронный ресурс]. URL: https://mvd.ru/upload/site1/document_file/sb_1512.pdf (дата обращения: 04.02.2016).
258. Архив УФСИН по Республике Мордовия. 2005 – 2006 гг.
259. Архив УФСИН по Саратовской области. 2005 – 2006 гг.
260. Архив УФСИН по Саратовской области. 2006. Дело № 1–173/06.
261. Архив УФСИН по Саратовской области. 2006. Дело № 1–122/06.
262. Приговор Павловского районного суда Воронежской области в отношении гр-на Ю.Н. З-го от 17 ноября 2011 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://rospravosudie.com/court-pavlovskij-rajonnyj-sud-voronezhskaya-oblast-s/act-100312704/> (дата обращения: 20.01.2014).

263. Дело № 1-93/2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gcourts.ru/case/6611175> (дата обращения: 22.01.2014).
264. Дело № 1-114 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gcourts.ru/case/6629603> (дата обращения: 11.02.2015).
265. Дело № 2-23/2012 [Электронный ресурс]. URL: <https://rospravosudie.com/court-sverdlovskij-oblastnoj-sud-sverdlovskaya-oblast-s/act-107330495/> (дата обращения: 11.02.2015).
266. Дело № 1-181/2012 [Электронный ресурс]. URL: <https://rospravosudie.com/court-beloreckij-gorodskoj-sud-respublika-bashkortostan-s/act-106048225/> (дата обращения: 12.02.2015).
267. Приговор Ичалковского районного суда Республики Мордовия в отношении гр-на А.В. П-ва от 24 апреля 2012 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://rospravosudie.com/court-ichalkovskij-rajonnyj-sud-respublika-mordoviya-s/act-104827666/> (дата обращения: 13.02.2015).
268. Приговор Верховного Суда Республики Бурятия в отношении гр-н С.Н. З-ва и О.А. Д-на от 27 ноября 2012 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://rospravosudie.com/court-verhovnyj-sud-respubliki-buryatiya-respublika-buryatiya-s/act-107241236/> (дата обращения: 13.02.2015).
269. Приговор Луховицкого районного суда Московской области в отношении гр-на А.Ю. Х-го от 5 февраля 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/X1NRfVf9t462/> (дата обращения: 22.06.2015).
270. Дело № 1-61/2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gcourts.ru/case/6454515> (дата обращения: 27.06.2015).

ПРИЛОЖЕНИЯ*Приложение 1**Проект***УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ****ОБЩАЯ ЧАСТЬ****Раздел II. ПРЕСТУПЛЕНИЕ****Глава 5. ВИНА****Статья 24. Понятие и формы вины**

1. Вина — это осознанно-волевое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию и его общественно опасному последствию, выраженное в форме умысла или неосторожности, получившее отрицательную оценку от имени государства.

(Части первую и вторую действующей редакции считать частями второй и третьей ст. 24 УК РФ).

Статья 25. Умысел и его виды

2. При прямом умысле лицо осознает общественную опасность своих действий (бездействия), предвидит реальную возможность наступления общественно опасных последствий и желает их наступления.

3. При косвенном умысле лицо осознает общественную опасность своих действий (бездействия), предвидит реальную возможность наступления общественно опасных последствий, не желает, но сознательно допускает эти последствия либо относится к ним безразлично.

ОСОБЕННАЯ ЧАСТЬ

Конструкции всех составов преступлений необходимо модифицировать и представить согласно следующей модели:

«Лицо, виновное в совершении (далее идет описание преступления), — наказывается ...».

Проследим указанную модель на примере конкретного состава преступления:

Раздел VII. ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ

Глава 16. ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ

Статья 105. Убийство

1. Лицо, виновное в совершении убийства, то есть умышленном лишении жизни другого человека, — наказывается ... .

Вариант:

Статья 105. Убийство

1. Убийство, то есть умышленное лишение жизни другого человека, — наказывается ... .

АНКЕТА ЭКСПЕРТНОГО ОПРОСА

№ п/п	Вопрос	Варианты ответа
1.	Какая, на Ваш взгляд, теория вины в наибольшей степени отвечает современным потребностям уголовного законодательства и правоприменения?	1. Психологическая. 2. Оценочная. 3. Психолого-оценочная (вариант ответа, пожалуйста, подчеркните), 4. Иной (укажите какой) вариант ответа: <hr/>
2.	Каким образом надлежит характеризовать вину с точки зрения нравственности?	1. Как нравственную категорию. 2. Как проявление безнравственности. 3. Иной (укажите какой) вариант ответа: <hr/>
3.	Каким образом надлежит характеризовать вину в умышленных преступлениях с точки зрения нравственности?	1. Как нравственную категорию. 2. Как высшее проявление безнравственности. 3. Иной (укажите какой) вариант ответа: <hr/>
4.	Как соотносятся между собой понятия «вина» и «виновность»?	1. Как тождественные понятия. 2. Как относительно самостоятельные понятия. 3. Как уголовно-правовая и уголовно-процессуальная категории. 4. Затрудняюсь ответить (вариант ответа подчеркните).
5.	Какое понятие наиболее приемлемо для обозначения формы вины?	1. Умысел. 2. Намерение. 3. Иной (укажите какой) вариант ответа: <hr/>
6.	Всегда ли неизбежные последствия желаемы?	1. Да. 2. Нет. 3. Затрудняюсь ответить (вариант ответа, пожалуйста, подчеркните).

№ п/п	Вопрос	Варианты ответа
7.	С точки зрения психологической составляющей человеческой деятельности является ли категория «неизбежность» бесспорным свидетельством прямого умысла?	<p>1. Да. 2. Нет, может свидетельствовать о косвенном умысле. 3. Затрудняюсь ответить (вариант ответа, пожалуйста, подчеркните).</p>
8.	Целесообразно ли сохранение категории «неизбежность» в законодательном определении прямого умысла?	<p>1. Да. 2. Нет. 3. Затрудняюсь ответить. 4. Иной (укажите какой) вариант ответа:</p> <hr/>
9.	Является ли злонамеренность качественным свойством вины в умышленных преступлениях?	<p>1. Да. 2. Нет. 3. Затрудняюсь ответить. 4. Иной (укажите какой) вариант ответа:</p> <hr/>

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕРТНОГО ОПРОСА

Таблица 1

ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКИЙ СОСТАВ

вопросы / ответы	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	30 %	52 %	42 %	39 %	91 %	27 %	45 %	46 %	88 %
2	6 %	45 %	49 %	12 %	6 %	64 %	52 %	36 %	9 %
3	64 %	3 %	9 %	49 %	3 %	9 %	3 %	18 %	3 %
4									

Таблица 2

СОТРУДНИКИ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

вопросы / ответы	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	11 %	37 %	38 %	17 %	83 %	3 %	9 %	40 %	91 %
2	34 %	54 %	51 %	31 %	14 %	91 %	91 %	49 %	6 %
3	54 %	9 %	11 %	49 %	3 %	6 %		11 %	3 %
4				3 %					

СТУДЕНТЫ

вопросы / ответы	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	5 %	20 %	20 %	80 %	97 %	10 %	5 %	5 %	95 %
2	5 %	80 %	80 %	5 %	3 %	90 %	95 %	90 %	5 %
3	90 %			5 %				5 %	
4				10 %					